

ВАСИЛИЙ ЯН

К "последнему маффо"

Историческая повесть известного советского писателя В. Г. Яна (Янчевецкого) «Огни на курганах», впервые изданная в 1932 году и в последствии переработанная и дополненная, рассказывает о талантливом, но жестоком завоевателе Александре Македонском. Писатель постарался изобразить его таким, каким он был в действительности: разрушителем городов, истребителем мирного населения целых районов, казнившим каждого, кто оказывал ему сопротивление или казался подозрительным.

- [Василий Ян](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Македонская застава на перевале](#)
 - [Прием у Базилевса](#)
 - [«Не верь никому!»](#)
 - [Лазутчик из Сугуды\[31\]](#)
 - [Пир у царя царей](#)
 - [Скиф и Эллин](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Путник на холме](#)
 - [Шутки Будакена](#)
 - [Кто развязал верблюда](#)
 - [Подарок Спитамена](#)
 - [Ловля буревестника](#)
 - [Беглянка Томирис](#)
 - [На берегу Яксарта](#)
 - [Шатер Будакена](#)
 - [Тревожные огни](#)
 - [Гонец из Сугуды](#)
 - [Послов не убивают](#)
 - [Рассказ о двуроге](#)
 - [Песни Саксафара](#)
 - [Невольники в яме](#)
 - [Будакен отправляется в путь](#)
 - [Часть третья](#)
 - [На городских воротах](#)
 - [Торговый двор](#)
 - [Кобылицы не доены](#)
 - [Говорит царь царей](#)
 - [Княжна Рокшанек](#)
 - [Песня юноши](#)
 - [«Я люблю тебя, милая!..»](#)
 - [В башне молчания](#)
 - [«Счастливая страна»](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [В согдской деревне](#)

- [Крестьянский сход](#)
- [Китайский летописец](#)
- [Гости из пустыни](#)
- [В городе Фаре](#)
- [Совещание сатрапов](#)
- [«О, как беспечны саки!»](#)
- [Во власти яванов](#)
- [Конец Дария](#)
- [Гнев саков](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Артаксеркс](#)
 - [Царский прием](#)
 - [Преступные речи](#)
 - [Ночь в ущелье](#)
 - [Путь Спитамена](#)
 - [Бактра](#)
 - [Гибель Сатибарзана](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Наступление](#)
 - [Базилевс в Бактре](#)
 - [Переправа через Окс](#)
 - [Будакен в Наутаке](#)
 - [Железные ворота](#)
 - [Мечь царей](#)
- [Часть седьмая](#)
 - [Журавли летят на север](#)
 - [Покойник вернулся](#)
 - [Свободные скифы](#)
 - [Великий совет племени](#)
 - [Смертный поединок](#)
 - [Бычья шкура](#)
- [Часть восьмая](#)
 - [Двурогий жжет Сугуду](#)
 - [Скифские послы](#)
 - [Битва у Могульских гор](#)
 - [В Мараканде](#)
 - [После битвы](#)
 - [«Дальше не пойдём!»](#)
 - [Ловля Спитамена](#)
 - [Странная голова](#)
- [Эпилог](#)
 - [Речи «за» и «против» Александра](#)
 - [Героическая смерть Каллисфена](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)

- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
-

Василий Ян

Огни на курганах

Часть первая

Александр в долине Седых гор

*Кто направлял средь битвы
Молнией властной десницы
Неумолимый, как рок,
Удар золотых фаланг?..*

Из песен Аристоника

Македонская застава на перевале

Там, где угрюмый хребет Седых гор,^[1] прорезан узким ущельем Священных лоскутов^[2] близ источника Куропаток, под нависшими глыбами зеленоватого гранита с красными прожилками стоят полукругом кожаные палатки, растянутые на кольях. Они выгорели на солнце, и ветер не переставая треплет их.

Огонек костра с треском вспыхивает, когда в него подбрасывают пучок сухих колючек. Порывы холодного ветра уносят клубы густого дыма. Ветер раскачивает длинные стебли растений с желтыми цветами, гонит по дороге сухие листья фисташковых деревьев, которые растут по склону горы, вцепившись корнями в трещины скал. Иногда скатываются легкие высохшие шары перекати-поля и, прыгая, несутся по каменистому ущелью. По обе стороны тропы на всех кустах нацеплены розовые и синие выцветшие лоскутки, оставленные суеверными путниками. Ведь если не оставить подарка духам гор, спрятавшимся в глубине ущелий, то этим можно вызвать их гнев, и они сбросят скалу, напустят болезнь или заставят хромать лошадь, и путник не увидит родного дома.

Около костра, кутаясь в порыжелые шерстяные плащи, сидят бородатые воины. К огню протянуты их волосатые, загорелые ноги, обутые в красные кожаные сандалии, подбитые гвоздями. Ремни от сандалий переплетены до колен. Бронзовые шлемы, сдвинутые на затылки, потемнели от времени и носят следы многих ударов. Обветренные лица темны от пыли и загара. Глаза щурятся от едкого дыма.

– Проклятое место!.. – ворчит один. – Холодный ветер дует из этой щели, как из кузнечного меха.

– Но, но! Клянусь Гераклом, – кричит другой воин, – даже кони бесятся здесь, на этом проклятом перевале!

Восемь лошадей привязаны к коновязям, по четыре в ряд, головами в середину, четыре вороных и четыре рыжих. Два жеребца ржали и взвизгивали, стараясь достать друг друга.

Воин прикрикнул на них, схватил несколько жгутов сена и стал раскручивать и пушить их перед присмирившими конями.

– Аристоник никогда не позаботится о коне! Сидит где-нибудь на скале и мурлычет свою песню.

– Стой!.. – раздался крик между скал. – Стой, бродяга, а то я прокалю тебе живот! Все три воина вскочили, схватив копья.

– Аристоник не прозевал! Кто-то хотел пробраться мимо поста. Нужно придержать его.

– Куда идешь?.. – раздался сверху новый окрик по-персидски, и между большими камнями заметался странный тощий человек.

С необычайной легкостью, размахивая руками и широким плащом, похожий на летучую мышь, он бежал по склону горы, прыгая с одной скалы на другую, и к нему спешили наперерез воины, бывшие в дозоре. Путник сделал несколько прыжков, бросился к костру и здесь опустился на землю.

Этот человек, казалось, не мылся и не стригся от рождения. Длинные волосы, копной стоявшие над головой, спускались по спине чуть ли не до земли; они были заплетены в несколько кос, перевитых и перепутанных между собой и проткнутых на макушке длинными медными булавками. Курчавая бурая борода двумя прядями падала на грудь. Из-под грязной гривы черные глаза бросали недоверчивые, звериные взгляды. Полуголое, почти черное, тощее тело покрывал изодранный плащ, заплатанный яркими лоскутьями. Странник был подпоясан несколькими разноцветными шнурками,^[3] на которых висели медные кривые ножи, щипчики,

буравчики, сушеные змеи, ящерицы и другие диковинные знахарские принадлежности. На босых ногах налипли слои засохшей грязи. В руках он держал длинный посох; на конце его болталась пустая тыквенная бутылка.

– Кто такой? Куда идешь? – спрашивали воины.

– Иду в Забул.^[4] – Он махнул рукой на север. – Я бедный атраван.^[5] Хожу по свету и избавляю людей от злых дивов,^[6] посылаемых страшным Ариманом.

– Зачем крадешься по горе, а не идешь по дороге? Значит, ты имеешь дурные мысли! Зачем прячешься?

Атраван поднял к небу длинные костлявые руки.

– Вижу на небе то, что написано Великим, Всевидящим. Много крови прольется, не все вернутся домой...

– Это мы и без тебя знаем. Сиди здесь, попрошайка! Сколько денег собрал? Говори!.. – Воин замахнулся копьем.

Атраван упал на землю и стал причитать:

– Ой, не убивай! Расскажу очень важное! Кто у вас начальник? Только ему скажу.

– Аристоник, иди сюда! Бродяга зовет начальника. Наверное, хочет обмануть! Чтоб с ним больше не возиться, сбросим его на дно ущелья!..

Со скалы спустился молодой воин в войлочной шляпе, завернутый в полосатый шерстяной финикийский плащ. В руках он держал кифару,^[7] и пальцы рассеянно перебирали струны.

– Кто это? – Воин зевнул и потянулся.

– Попрошайка. Такие постоянно шатаются по всем дорогам и все высматривают. Это самые подозрительные бродяги. Надо его прикончить.

Лохматый странник замотал головой, схватил край своего рваного плаща и стал желтыми зубами отдирать розовую заплатку. Он вытащил небольшой обломок серебряной монеты и протянул темную ладонь.

Аристоник взял монету, внимательно осмотрел ее и сказал воину:

– Берда, это нужный человек. На монете изображение нашего базилевса. Это сямбаллон.^[8] Ты его проведешь прямо в главную канцелярию к экзетазису.^[9] Смотри, чтоб его доставить живым... Сиди здесь! – указал он на место у костра.

Из глубины ущелья послышались звонкие крики. Подымаясь по склону горы, приближались запыленные всадники, ослы и верблюды, нагруженные вьюками, возле них погонщики с бичами. Над всеми возвышался огромный серый слон с корзиной на спине. Он величественно шел размеренными шагами и раскачивал толстым хоботом.

– Стойте! Да обезобразит вас Геракл! – Воины скрестили копья.

Караван остановился. Из кожаной палатки вышел начальник поста; он стал обходить и опрашивать прибывших. Рядом с ним шел переводчик в круглой белой войлочной шапке.

Несколько всадников в красных плащах и ярко блистающих шлемах держались надменно и отвечали сухо и отрывисто.

– Посольство из Афин.^[10] Нас четверо, пятый слуга. Пропуск есть для свободного проезда по Персии, подписан стратегом Парменионом в Экбатане.^[11]

– Подождете!

Группа путников, пестро одетых, сидела на ослах.

Они кричали все разом:

– Мы знаем, что славные непобедимые воины нуждаются во всем: в лекарствах от ран, приборах для бритья, ароматных мазях. Мы и продаем и обмениваем одни вещи на другие.

– Подождите здесь! Надо осмотреть вьюки.

– Ох, опять подождать! – застонали купцы. – Как остановка, так наши выюки становятся более тощими!

Пожилой путник в полосатом плаще подъехал на высоком сером муле, покрытом зеленой сеткой с желтой бахромой. Покрой его одежды и золотистый тюрбан были необычны.

– Посол из вольного города Карт-хадашт.^[12] на берегу Ливии^[13] Со мной пять слуг и десять мулов с подарками для славного царя Македонии.

– Что ты бормочешь? Базилевс теперь уже не только царь Македонии, но повелитель всей Азии.

– Я буду счастлив приветствовать царя царей и поэтому совершил такой длинный путь.

– Подождешь! А это еще кто?

Перед воинами завертелся, кривляясь, старик в пестрой одежде, сшитой из ярких лоскутков. На голове возвышался остроконечный войлочный колпак, расшитый звездами. На его плече сидела, обняв за шею, обезьяна и скалила зубы.

Приплясывая, старик скороговоркой объяснял:

– Показываю чудеса: вызываю духов добрых, прогоняю злых, везу знаменитую танцовщицу Тира и Сидона, прекрасную Анашторет. Она едет, чтобы показать свое искусство перед великим завоевателем Азии и его непобедимыми воинами...

Знаменитая танцовщица оказалась грациозной, худенькой девушкой, завернутой в пестрое покрывало. Она сидела на разукрашенном лентами ослике. Из складок покрывала весело блестели ее черные глаза.

– Пусть она нам споет и спляшет! Посмотрим, что за танцовщица! – заговорили воины.

Анашторет, улыбаясь, сбросила покрывало и, ударив в бубен, запела по-эллински:

На канате я танцую,
Над людьми и над шатрами,
И веселый смех целую
Ярко-алыми губами.
На руках, как змеи, гибких
Я танцую между лезвий.
И лучи моей улыбки
Отражаются в железе.^[14]

Держа бубен зубами, девушка ухватилась за коврик на спине ослика и встала на тонких, гибких руках, загнув ноги над головой, как хвост скорпиона. Затем осторожно продвинула ноги дальше, изогнувшись кольцом, и опустила их на спину равнодушно стоящего ослика. Она выпрямилась и легко спрыгнула на землю.

– Прекрасно! – слышались одобрения воинов.

– Вам здесь делать нечего! – сердито сказал начальник поста. – Поворачивайте обратно.

– Брат! – воскликнула девушка. – Разве вы не хотите услышать песни вашей родины? Я знаю македонские и эллинские песни.

– Грабос, пропусти их! – вмешался Аристоник. – Сам базилевс любит слушать песни и смотреть на опасные пляски танцовщиц среди отточенных мечей.

Начальник отвернулся, махнув рукой.

Аристоник шепнул:

– Ничего не бойтесь! Поезжайте в город!

– Долгая жизнь тебе! – улыбнулась девушка, легко вскочив на ослика.

Путники двинулись по дороге, а из ущелья слышались новые крики:

– Берегись! Берегись! Дайте дорогу гонцу!

Три серых одногорбых верблюда, переваливаясь с боку на бок, иноходью бежали по ущелью. На двух передних сидели персы в цветных одеждах, закутав лица в башлыки, на третьем – пожилой македонец в пурпурном плаще и кожаном шлеме.

Персы хлестали животных толстыми плетями. Верблюды бежали, вытянув длинные шеи. За ними, направив вперед копыта, скакали греческие всадники, закутанные в бурые плащи.

– Именем базилевса, стойте!

Македонец с верблюда заревел:

– Как вы смеете, невежи, задерживать царскую почту! Постоите! Да не ты ли это, Грабос? Какими судьбами ты здесь? Неужели ты, старый ветеран, служивший еще у нашего славного царя Филиппа, до сих пор только начальник сотни, а не царь одного из народов великого персидского царства? У нас в Пелле^[15] уверены, что каждый македонец, даже самый последний конюх, ушедший с нашим лихим драчуном Александром завоевывать Азию, уже сделался если не царем провинции, то по крайней мере ее казначеем.

Начальник поста подошел к верблуду и протянул гонцу обе руки:

– Откуда едешь, Никомандр?

– Прямо из Пеллы. – Гонiec наклонился с горба верблуды и понизил голос: – Везу собственноручное письмо царицы-матери Олимпиады к ее царственному сыну, да живет он невредимо много лет! Хочу взглянуть на моего ученика. Я его помню еще упрямым и дерзким юношей. Жив ли его конь Буцефал?^[16]

– Буцефал ожирел, ослабел ногами. Базилевс уже на нем не ездит, а все-таки по старой памяти водит с собой вместе с молодыми конями.

– Мой воспитанник Александр очень преуспел за эти годы, не правда ли? Вся наша Македония, пожалуй, едва ли больше одной этой долины. Сегодня же расспрошу его обо всем и побраню за то, что он тебя держит на такой маленькой должности. Видел я по дороге много беспорядков. Хочу ему дать полезные советы, как лучше управлять варварами. Он ведь еще молод и должен прислушаться к нам, более опытным в жизни. А где сейчас базилевс?

– Смотри туда! – Грабос показал рукой на север.

С перевала открывался широкий вид на цветущую долину. Три реки серебрились среди зеленых лугов, образуя острова, заросшие деревьями и кустами. Бесчисленные квадраты зеленых полей говорили о богатстве и плодородии края. Вдали, сквозь дрожащую дымку утреннего тумана, вырисовывался город, походивший на груды поставленных друг на друга глиняных кубиков. Долину окружали кольцом синие хребты гор с покрытыми снегом вершинами.

– Вот это главный город Ортоспана, или, как его называют местные жители, Забул. Уже несколько времени здесь стоит без движения лагерь базилевса. И никто из нас не знает, пойдет ли он дальше или повернет обратно. Сам он в городе не живет. Видишь в стороне ровные ряды палаток? Там расположилась конница Филоты – конечно, ты помнишь его, молочного брата базилевса? А далее зеленеют густые сады – вот там-то и находится ставка базилевса... – Он продолжал шепотом: – Александр не верит городу, где узкие грязные улицы перепутались лабиринтом... Жители могут поодиночке передуть всех наших воинов, если бы они вздумали заночевать в их домах. Ведь одних горожан Забула столько, что и не сосчитать!

– Что ты болтаешь! Разве жители не рады, что имеют такого умного и прекрасного царя?

– Эй, не место тут объяснять... Скоро ты сам все увидишь и поймешь. Так смотри же, Никомандр, не забудь своего обещания и скажи базилевсу, чтобы он назначил меня на дело получше, чем сторожить дорогу на этом холодном перевале.

– Хайретэ!^[17] – воскликнул македонец и дал знак провожавшим его персам.

Громко щелкнули широкие плети, и верблюды с жалобным стоном вперевалку побежали вниз по каменистой дороге. За ними, наклонив вперед тонкие копья, со звоном понеслись вскачь блистающие медью конвойные всадники.

Караван зашевелился и медленно двинулся по ущелью. Два воина, отвязав коней, вскочили на пестрые чепраки.^[18]

Между всадниками зашагал лохматый бродяга атраван, угрюмо поглядывая по сторонам и кутаясь в бурый рваный плащ.

Аристоник сел у костра, настраивая кифару и напевая:

После битвы при Арбелах
Александр Великий сразу
Взял у Дария все царство...

Прием у Базилевса

В узкой, тесной зале загородного дворца местного сатрапа собрались желающие представиться пред светлые очи грозного базилевса. Впереди стояли послы эллинов и далекого Карфагена. За ними теснились потерявшие службу бывшие персидские сановники и начальники некоторых воинских частей армии Александра.

Никомандр нетерпеливо оправлял складки белого гиматия, ^[19] обращаясь вполголоса к соседу, афинскому послу:

– Сейчас я его увижу. Посмотрю, переменился ли этот веселый, стремительный, славный юноша. Okреп ли он или персидская роскошь его изнежила? Умеет ли он, как раньше, владеть мечом? А сколько хороших приемов боя я ему показал! Один отличный прием он долго старался выучить: обманный удар по голове, затем по плечу, опять по голове, перенос удара под правую руку и, когда противник открылся, – сразу выпад всем телом в горло – рукояткой вверх, острием вниз, чтобы меч вонзился в отверстие между шлемом и панцирем... Этот прием называется «молния пятого удара». Александр долго упражнялся, пока добился отчетливости этого удара... А вот, кажется, идут...

– Узнаешь ли ты его?

– Я-то его не узнаю! Шутник ты!

Пестрая, расшитая шелками занавеска, закрывавшая дверь, распахнулась под рукой толстого евнуха, который упал на колени и застыл в раболепной позе.

Все замолкли и выпрямились. Воин в начищенном до блеска панцире и шлеме, закрывающем все лицо, со сверкающими сквозь прорези шлема глазами вошел тяжелой поступью и стал около двери. Копье с широким отточенным лезвием опустилось к ноге и замерло. Стремительной походкой вошли четверо. Все они были приблизительно одного возраста, в расцвете сил и молодости и до странности походили друг на друга. Белые гиматии с несмятыми выглаженными складками были, по афинскому обычаю, обернуты вокруг тела, и концы их перекинуты через левое плечо. Лица тщательно выбриты, волосы, слегка завитые, волнистыми кудрями спускались по сторонам лица, не достигая плеч. У всех четверых были мускулистые шеи и необычайно развитые мышцы обнаженной правой руки. Шнурованные сапоги до колен, так же как и гиматии, были афинского покроя.

Никомандр, сделав невольное движение, чтобы броситься вперед, остановился, удивленно раскрыв глаза.

Афинские послы и карфагенянин низко наклонились, протянув вперед руку. Несколько знатных персов в пурпурных одеждах, затканых лиловыми цветами, упали на пол, целуя ковер, и застыли в позе беспредельной преданности.

Все четверо вошедших несколько мгновений стояли, равнодушно оглядывая присутствующих. Один из четверых, бывший немного ниже ростом, сказал:

– Никомандр, что же ты не приветствуешь меня?

– Да ты ли это, базилевс Александр? Или у меня от радости в глазах двоится, но я перед собою вижу четырех Александров!

По лицу говорившего скользнула чуть заметная улыбка, и, обращаясь ко всем, он сказал общее приветствие:

– Хайретэ!

Никомандр стоял неподвижно, пристально всматриваясь. На знакомом мужественном лице с прямой линией лба и носа и женственным ртом, изогнутым, как лук Эрота, ^[20] появились резкие, суровые морщины. Но не это поразило его. На него смотрели неподвижные стеклянные

глаза, холодные и непроницаемые. «Этот человек может так же спокойно приласкать, как и раздавить меня», – подумал Никомандр. Глубокая пропасть легла между прежним веселым, стремительным юношей, которого во время уроков он бил по плечам концом тупого меча, и этим самоуверенным, равнодушным человеком, прошедшим полмира, оставляя за собой бесчисленные развалины и реки слез и горя.

Никомандр смущенно бросился навстречу Александру. Тот позволил поцеловать себя в щеку и сам сделал движение губами, точно целовал бывшего учителя.

Старый толстый евнух в пестрой одежде поставил на лиловом ковре белый складной стул. Александр сел, расставив ноги в шнурованных красных сапогах; голые колени были сильно загорелыми.

Не обращая внимания на остальных, Александр обратился к Никомандру:

– Находишь ли ты, что твой ученик хорошо дрался? Слышал ли ты, сидя в своем домике под каштанами, о походах непобедимого Александра?

Никомандр смущенно засмеялся, рука по привычке дернулась, чтобы потрепать ученика по плечу, но он ее удержал.

– Как же не слышал! Теперь в Пелле только и говорят о том, как сражается наш молодой базилевс: не хуже быстрого славного Ахиллеса.

Один из присутствующих воскликнул:

– Не только как Ахиллес – базилевс далеко превзошел своего предка! Базилевса можно сравнить только с непобедимым божественным Гераклом.

Другой голос перебил:

– Что такое подвиги Геракла! Он много ходил по свету, но особой пользы отечеству не принес. А наш базилевс присоединил целые государства варваров и заставил их почитать эллинских богов.

Александр вскочил и порывисто прошелся по комнате:

– Верно! Я хочу проникнуть еще дальше, чем ходил Геракл! Я проведу свои войска до конца Вселенной, где неведомые пустыни заселены необычайными дикарями, где море омывает последний берег земли и где никто уже не осмелится встать на моем пути.

– Ты победишь, ты всюду пройдешь! – воскликнули голоса.

– А что говорят в Афинах? Был ли ты в этом болтливом, тщеславном городе?

– По пути наш корабль заходил в Пирей, ^[21] – сказал Никомандр, – и я посетил Афины. В этот день там распространился слух, что будто бы ты умер в далекой Персии. Все ораторы закудахтали, как встревоженные куры, и народ побежал на агору. ^[22] Там болтуны стали произносить хвастливые речи, требуя немедленно объявить войну Македонии. Только один Фокион ^[23] успокоил шумевшую толпу, сказав: «Зачем торопиться с объявлением войны? Подождем. Если Александр мертв, то он будет мертв и завтра и в следующие дни. Сперва нужно проверить такой слух, а затем уже объявлять войну».

– Александр жив и будет жить всегда! – раздались голоса.

– О, я еще покажу мою волю этому коварному и болтливому городу! Хотя нас разделяют от Эллады пятьсот парасангов, ^[24] придет время, я заставлю тщеславных афинян почувствовать весь ужас моего гнева.

Никомандр достал из складок гиматия кожаную трубку с висевшими на шнурках печатями и почтительно поднял ее перед собой:

– Письмо от царицы эпирской Олимпиады!

Александр схватил свиток. Мрачная тень пробежала по его красивому лицу. Изогнутые брови сдвинулись.

– Слава и благополучие царице Эпира! – сказал он задумчиво. – Ты мне расскажешь сегодня попозже все, что происходит дома, Гефестион, сохрани это письмо.

Товарищ детства Александра Гефестион, несколько выше его ростом, с красивым спокойным лицом, взял кожаную трубку двумя руками, как драгоценность, прикоснулся к ней губами и отступил назад. Отвернувшись от Никомандра, базилевс быстро подошел к карфагенскому послу и, глядя в упор, сказал:

– Ты приехал по своей воле или тебя отправило твое государство?

Карфагенянин развел руками:

– Если я буду иметь успех в моих переговорах, то, значит, я послан от моих граждан. Если же нет – то я приехал сам от себя.

Базилевс усмехнулся, на мгновение задумался, прищурил левый глаз и спросил:

– Как лучше мне с войском достигнуть Карфагена: на кораблях или сушей, по берегу Ливии?

Черные глаза финикиянина на мгновение метнулись вверх, скользнули по Александру. Затем он ответил, почтительно склоняясь:

– Это зависит от того, на каком пути, морском или сухопутном, боги захотят сохранить тебя невредимым.

Базилевс рассмеялся и обратился к своим товарищам:

– Финикияне всегда были лукавы и в словах и в делах. Но с ним будет весело поговорить за обедом. Гефестион, позаботься, чтобы сын Анат^[25] возлежал сегодня вечером рядом со мной.

Базилевс резко отвернулся и равнодушно подошел к афинянам; лицо его было холодно и непроницаемо.

– Жив ли еще мой мудрый учитель Аристотель? Ваши сумасбродные правители его еще не казнили?

Бледный афинянин, стоявший в небрежной и независимой позе впереди двух товарищей, ответил:

– Афины всегда были школой и центром просвещения всей Эллады. Разве мы можем поступить грубо и непочтительно с самым высоким учителем мудрости? Он, как и раньше, преподает нашей молодежи знания в тенистых садах Ликейя!^[26]

– Однако, после того как дельфийский оракул провозгласил мудрейшим из мудрейших философа Сократа, совет вашего города присудил его к смерти. Зависть афинян не знает пределов. – Голос Александра сделался хриплым, и левое плечо стало подергиваться. – Весь мир уже признал меня сыном Бога, но афиняне очень ревниво оберегают от меня вход на небеса. Занятые такой заботой, не рискуют ли они потерять собственную землю?..

Базилевс резко отвернулся и отошел от афинян к распростертым на земле персидским сановникам:

– Встаньте, мои друзья! Теперь вы мои подданные и одинаково мне дороги, как и другие знатнейшие граждане всех народов моего великого царства. На что вы пришли жаловаться, о чем просить?

Персы говорили одновременно и на коленях подползали к Александру, стараясь поцеловать край его белого гиматия.

Переводчик, наклонившись, шептал базилевсу:

– Это бывшие придворные персидского царя Дария. Они клянутся в своей преданности и верности и просят тебя, чтобы за ними остались их поместья и должности при дворе.

– Пригласи их сегодня на обед. Скажи, что их новый повелитель Александр не менее милостив к своим верным слугам, чем был их добрый царь Дарий.

Александр снова подошел к Никомандру:

– Ну что, старик, смог бы ты еще испробовать со мной «молнию пятого удара»? Чей меч теперь сильнее?..

Никомандр обрадовался и торопливо засмеялся:

– Давай испробуем ловкость наших мечей!

– Испробуем, когда ты отдохнешь. Разве дорога тебя не утомила?

– Я так торопился доставить тебе письмо царицы, что не чувствовал усталости. Но должен признаться, что уж очень мне надоело без конца видеть обгорелые дома, бродящих между развалинами голодных стариков и старух. А вонь-то какая! Как ветер подует навстречу, так и знаешь, что потянутся кресты с прибитыми к ним гниющими трупами, возле которых бродят собаки с раздутыми от обжорства животами. Зато как я обрадовался, когда после жаркой равнины поднялся на перевал и почувствовал родной холодный ветер! Точно я снова попал в милую Македонию! И здесь, среди диких скал, я вдруг услышал дивную греческую песню. В ней, в глуши Азии, уже воспевались подвиги Александра Непобедимого.

– Где это было?

– Недалеко, на последнем горном перевале. Гляжу: сидят у костра наши воины, и среди них мой старый приятель Грабос. Помнишь ли ты его? Он был верным воином еще твоего отца, царя Филиппа. А неведомый певец из его отряда пел так красиво, что я подумал: не сам ли Пан^[27] с лирою сидит на горе и воспевает твои подвиги?

– Филота! – прервал базилевс. – Кто начальник поста на ближайшем перевале?

Из группы военачальников вышел высокий, стройный македонец в легком панцире всадников.

Вытянувшись, он сказал:

– Грабос, македонянин, начальник поста на перевале Священных лоскутов. С ним шестнадцать фессалийских всадников.

– Вызови его сегодня же, и пусть он с собой привезет того воина, который хорошо поет. Мы послушаем его за ужином.

Александр направился к двери, остановился, подняв руку, и, воскликнув: «Хайретэ!», скрылся за занавеской.

«Не верь никому!»

Базилевс вошел в маленькую комнату, где он любил оставаться один. Стальные мечи всех форм и размеров со свежееотточенными лезвиями правильными рядами висели по стенам. В углу стояли несколько разной величины копий. Вдоль одной стены выстроились покрытые золотыми узорами панцири. Рядом топорщились красными волосяными гребнями шлемы с поднятым забралом. Позади них находились круглые щиты с выпуклыми изображениями сражающихся воинов.

Старый македонец с седыми, заплетенными в косы кудрями, в темном шерстяном хитоне протирал оружие желтой тряпкой, обмакивая ее в чашу с жидким маслом. Александр повел бровями, и македонец удалился.

Гефестион опустился на узкое ложе, покрытое пестрым ковром, осторожно разрезал кинжалом красный шнурок, сломал восковые печати и вынул из кожаной трубки пергаментный свиток. Базилевс стоял у стены среди длинных тяжелых мечей.

– Что пишет царица-мать, преславная Олимпиада? Опять на родине восстание?

Гефестион пробежал глазами ровные ряды букв.

– Царица опять тебя предостерегает. Слушай, базилевс:

«Олимпиада, царица Македонии и Эпира, непобедимому, великолепнейшему Александру, сыну Филиппа, всей Азии царю и повелителю (желает) радоваться! Я посылаю это письмо с преданным нашему дому Никомандром, учителем военного искусства, который поклялся на жертвеннике Гестии, что передаст письмо из моих рук в твои руки, готовый положить жизнь за царское благополучие.

Заклинаю тебя богами вечно сущими быть осторожным по отношению ко всем людям, которыми ты себя окружил. Я знаю, что ты был слишком доверчив и милостив к родовитым князьям Македонии. Помни, что ты – единственный в мире царь, посланный на землю самим Зевсом, а они – твои подданные, простые смертные и должны тебе покоряться. Ты же сам беззаботно делаешь из них новых царей. Благодаря твоей щедрости все эти выскочки, которые на родине оставались бы ничтожными пастухами и пасли свиней и коз, теперь воображают, что могут равняться с тобой.

До меня дошли вести, что даже самые близкие к тебе люди, забыв милости и подарки, которыми ты их осыпал, тайно осуждают тебя, почему ты раздаешь управления провинциями персам, а не македонцам. И почему ты приближаешь к себе варваров? Даже старый Парменион, друг твоего отца, заявлял своим друзьям, что тебя надо обуздать, что больше от тебя македонцам пользы не будет, и даже дерзко сказал, что царем надо провозгласить его сына Филоту.

А ты ничего не предпринимаешь и даже сделал Филоту начальником конницы. Мне же передавали вернувшиеся раненые, что Филота раздает воинам ценные подарки и их подкупает, чтобы те его хвалили и избрали царем. И Парменион, и Филота, и убитый его брат Никанор только потому прославились, что находились около тебя, сына Бога, исполняя твои приказания. А без тебя они сидели бы в ущельях Скардона, в своих прокопченных домишках и возили бы на базар на продажу дрова и козий сыр.

Ты прошел так далеко по равнине земли, как не доходил ни один из героев или богов древности. Возвращайся обратно в Пеллу, выбирай лучшую из македонских девушек и правь отсюда миром, как твой отец, мудрый Филипп, грозно правил предательской и подлой Грецией и готовил завоевание Вселенной.

Ежедневно я совершаю возлияния богам, чтобы они охраняли тебя на бесконечных дорогах Азии и вернули здоровым и невредимым на родину.

Благодарю за присланные драгоценные подарки. Я бы хотела получить еще тонких прозрачных шелковых материй, сотканных народами Востока».

Гефестион посмотрел на Александра.

Базилевс поднял руку с золотым перстнем на указательном пальце и приложил его к губам.

– Запечатая печатью молчания твои уста, – прошептал он. – Вся конница, вся моя личная охрана в руках Филоты, но сам он пока еще в моей власти. Мы дошли до Кавказа Индийского,^[28] а гетейры^[29] все еще думают, что я завоевал весь мир только для них, только для того, чтобы они могли царствовать над другими народами. Мне же в благодарность они готовы вонзить кинжал в спину, как они это сделали с моим отцом Филиппом. Сегодня ночью, после пира, ты приведешь тайно сюда Черного Клита... Нет!.. Черный Клит тоже начал спорить со мной, и его надо остерегаться. Пусть придут Кратер, Аминта, Птоломей и Пердикка. Этой же ночью я возьму под стражу дерзкого хвастуна Филоту. В его палатке надо пересмотреть все вещи и во что бы то ни стало разыскать письма от его отца Пармениона. Я узнаю, откуда тянутся нити заговора, и я их распутаю огнем и пыткой. Я так накажу виновных, что этэры начнут ползать передо мною на животе, подобно персам.

– Не сделай поспешной ошибки! В этом письме говорит, может быть, только слепая любовь царицы-матери и ее боязнь за сына. Филота, его покойный брат Никанор и старый Парменион всегда были искренне преданы тебе. С кем же ты останешься, если перебежешь твоих лучших друзей, да еще так далеко от родины? Неужели ты больше доверяешь льстивым персам, для которых ты навсегда останешься врагом, иноземцем и завоевателем!

– Моя родина там, где стоит моя нога и где мое войско! – гневно прервал Александр, и на его губах показалась пена. Его красивое лицо искривилось от гнева, и крупные белые зубы хищно оскалились. – Не забывай, что я уже не царь маленькой Македонии, как был мой отец, но повелитель всей Азии. По моей воле весь мир будет поворачиваться, как колесо вокруг оси, где стою я, и поворачиваться в ту сторону, в которую я захочу. Если двадцать тысяч македонцев не захотят мне повиноваться, то я раздавлю их копытами бесчисленных полчищ Азии, которые бросятся на них по одному моему слову... Азиаты смотрят на меня не как на иноземца, а как на Бога, сошедшего с неба, чтобы дать всем людям мир и счастье.

Прозвенел удар в бронзовый щит.

– Войди! – крикнул базилевс.

В дверях показался юный эфеб^[30] с завитыми кудрями и синей лентой вокруг головы.

– Пришел экзетазис. Разрешите войти к тебе.

– Впусти!

Экзетазис, высокий, очень худой грек с желтым лицом и впалыми щеками, вошел, кашляя и кутаясь в плащ. Губы его были сини и подбородок дрожал.

– Ты совершенно болен, – сказал базилевс. – Какое важное дело могло оторвать тебя от постели и привести сюда?

– Ты требовал во что бы то ни стало известий с севера. Одного лазутчика мне доставили сегодня с перевала Священных лоскутов. У него наш сюмбаллон. Он много видел, много знает.

– Приведи его сюда.

– Но он так грязен...

– Тогда я допрошу его там, в другой комнате...

В небольшой комнате с выбеленными стенами появился атраван, лохматый, как зверь, с всклокоченной бородой и длинными запыленными косами. Он ту же запахнул рваный плащ со множеством заплат и опустился на корточки. Воин в тусклом помятом панцире неподвижно стоял сзади.

Атраван сидел на четвереньках, как обезьяна, опираясь длинными руками о пол. Из-под гривы спутанных волос поблескивали горящие колючие глаза.

– Ты говоришь по-персидски?

Старик хрипло что-то пролаял, достал изо рта обломок серебряной монеты и протянул ее на темной ладони. Он видел перед собой молодого чужеземца в белоснежном шерстяном плаще, сидящего на складном стуле. Правая рука с могучими мышцами была обнажена. Кожа на руке была розовой, как у девушки, и он благоухал ароматами, точно цветущая яблоня. Глаза смотрели с тем равнодушием, с каким знатные люди смотрят на раба или на камень. Один глаз был темно-зеленый, другой светло-серый.

Рядом стоял человек в персидской одежде, с белым лицом и подведенными черной краской глазами. Кудри волос охватывались красным ремнем с золотой пряжкой. Сидевший говорил на неведомом атравану языке.

Стоявший объяснял по-персидски:

– Если твой язык не скажет всей правды, то тебя повесят за локти на крюк, пока не начнешь все говорить правдиво, как добрый ребенок говорит своей матери. Начинай. Кто ты такой?

– Бактриец, атраван. Знаю прошлое, вижу за много гор и морей настоящее, постигаю будущее, открываю то, что задержано.

– Молчи! Говори только, что тебя спрашивают.

– Я слушаю, о великий, о могучий! Открой очи от сна беспечности, чтобы на ухо внимания твоего я сказал важные вести.

– Сам пришел сюда или по приказанию?

– Тайный голос бога Ахурамазды повелел мне: иди через горы и долины, проповедай людям, что пришло последнее время. Все рушится, дети оторваны от сосцов матерей, и скоро облака не будут больше летать по небу, а камнями попадают на землю.

– Каким путем ты шел?

– Из Сугуды, из города Мараканды,^[32] шел сюда через город Бактру. По дорогам без конца движутся отряды персидских воинов, обыскивают всех, даже не пожалели моих лохмотьев, точно может быть золото у бедного атравана!

Сидевший шевельнулся и стал внимательнее вглядываться.

– Ты сказал, что по дороге шло много воинов? На какой дороге ты их видел?

– Я шел прямым путем, через Железные ворота в Байсунских горах. Переплыл в лодке через реку Окс^[33] и направился к Бактре...

– Много там лодок?

– Очень много. Целый день и ночь лодки перевозят воинов. Все они идут сюда, к Седьм горам.

– Отчего же ты пришел сюда не прямой дорогой, с севера, а сделал такой большой круговой обход, что попал с юга на перевал Священных лоскутов?

– Говорил же я тебе, что отряды воинов стоят на главном пути. Я и пошел в обход, но не по злему умыслу, а из боязни. Если кто захочет пойти в горы, воины его ударят под левый сосок и сбросят в овраг. Я побежал горными козьими тропами, которых не знают караваны. Эти тропы

идут через скалы, над пропастями. Я пробрался этими тропами в снег и вьюгу, и, когда был уже на перевале Священных лоскутов, яваны^[34] схватили меня своими грубыми руками.

– Видел ты по пути саков? Знаешь, кто саки?

– Знаю саков – это храбрейшие из людей, доители кобыл. Только в Мараканде я видел немного саков, а всюду по другим путям были только сугуды^[35] и бактрийские воины. Все саки ушли на север, в свои степи.

Сидевший чужеземец вскочил:

– Ты, многознающий святой и хитрый атраван, пойдешь теперь со мною и покажешь мне дороги в Мараканду, по которым не ходят караваны.

Старик пал лицом на землю и умоляюще протянул руки:

– Отпусти меня, о блистающий, о добродетельный! Не пойду я в Мараканду, там меня посадят на кол, и пропадет, как раздавленная муха, праведный атраван!

Чужеземец отступал, а руки старика, длинные и костлявые, тянулись к нему.

– Здесь недалеко у меня жена и тринадцать детей. Дай мне награду и отпусти, иначе за меня вступятся всемогущие дивы и будут бросать тебе камни под ноги.

– Спрятать его, кормить получше и не выпускать!

Чужеземец скрылся за занавеской, воин ткнул атравана ногой и, схватив за космы, потащил за собой, как мешок.

Пир у царя царей

Три террасы ступенями подымались над дворцом правителя города. Персидские ковры и индийские ткани закрывали весь пол. По краям террасы дымились бронзовые треножники, и в них трепетными огнями горело ароматическое масло.

На верхней террасе подковой протянулись низкие столики, и возле каждого было приготовлено ложе, покрытое расшитым шелковым покрывалом. Персидские слуги в белых до пят одеждах, с парчовыми повязками на головах бесшумно скользили по террасам, расставляя на столиках блюда с едой.

По сторонам на угловых бойницах неподвижно застыли часовые с копьями. Конские хвосты на шлемах колебались, когда они поворачивались и осматривали даль.

Острые скалистые вершины Седых гор резко чернели на потухающем багровом небе. В потемневшей широкой долине Кофена бесчисленные огоньки зажигались, как звезды. Гости, одни в греческих белых гиматиях, другие в персидских красных одеждах, обшитых бахромой, поднимались по ступенькам на террасу.

Кудрявые эфебы, телохранители базилевса, в золоченых панцирях, с короткими мечами на бедрах, стояли на ступеньках лестниц, спрашивали имена прибывающих и по спискам, нанесенным на деревянные дощечки, указывали каждому гостю его место на одной из трех террас.

Уже все приглашенные были в сборе и сдержанно переговаривались, посматривая на нижнюю террасу, откуда ждали прихода базилевса. Македонцы, начальники частей, стояли отдельными группами; они говорили громко, держались непринужденно. Все они завернулись в белые персидские шерстяные плащи с красной узорчатой каймой.

Высокий, стройный Филота в красном кожаном панцире, обшитом белой замшей, беседовал с пожилым греком, философом Каллисфеном,^[36] кутавшимся в гиматий.

– Где холоднее: в Македонии или здесь?

– Ясно, что здесь холоднее.

– Почему ты так думаешь?

– Посмотри на этих македонцев: у себя на родине, на склонах Скардона, они, наверно, пасли овец в дырявых плащах и спали в них, не жалуясь, что им холодно. А здесь они сразу закутались в три роскошных персидских плаща, и все им мало!

– Однако, хотя ты как философ и не признаешь роскоши и изнеженности, но и на тебе тоже теплый шерстяной гиматий! Пожалуй, ты бы не имел его, если бы мы, македонцы, не прошли через всю Вселенную и не завоевали весь мир.

– Но не похожи ли македонцы теперь на ту змею, которая проглотила слишком большого зайца и не знает, как его переварить?

Пронесся шепот: «Базилевс!» Все смолкли и выпрямились. Зазвенели арфы, запели сиринги^[37] и трубы, гулом наполнили террасу удары двадцати бубнов.

На нижней площадке показались мальчики и юноши в однообразных сиреневых хитонах. Красные ленты обвивали их надушенные и завитые кудри. Они выстроились парами на ступеньках лестницы.

– Это заложники, – говорили в толпе, – сыновья царей тридцати народов, покоренных Александром.

Базилевса сразу не узнали. Он шел вместе с Гефестионом, но на нем не было обычного греческого хитона и гиматия. Древняя персидская царская одежда, пурпурная, затканная парчовыми цветами и изображениями колеса с крыльями,^[38] и золотой кованный пояс обвивали

его мускулистое тело. Все персидские сановники и князья упали ниц, касаясь лбом ковра. Македонские начальники стояли вытянувшись, сохраняя военную выправку. Угрюмое, бледное лицо базилевса со сдвинутыми бровями оживилось, когда приветственные крики усилились и знатнейшие князья Персии, подползая на коленях и целуя его позолоченные сандалии, загородили дорогу. Александр перешагнул через лежавшего старика Артабазана, знаменитого своей пятидесятилетней службой нескольким царям Персии, и легкими шагами взбежал на верхнюю террасу.

– Добро пожаловать! – крикнул он по-персидски и прошел на центральное место за столиками.

Черный слуга-нубиец отвязал позолоченные сандалии базилевса, и он возлег на ложе, украшенное фигурами львов из литого золота.

Персидские аристократы, вскочив, стали тесниться толпой на ступеньках, желая проникнуть на верхнюю террасу, но эфебы оттеснили их грубыми толчками и ударами, пропустив наверх только намеченных по списку.

– Позволь нам стоять возле тебя! – кричали персидские князья. – Дай насладиться видом твоей красоты!

Александр смеялся, разговаривая с Гефестионом:

– Здесь ли тот певец военных песен, о котором говорил Никомандр?

– Он уже прибыл, базилевс! – сказал Филота, выступив вперед. – Я срочно послал за ним лучших всадников.

Глаза базилевса сверкнули, когда он встретился со взглядом Филоты, но лицо не изменило холодного, непроницаемого выражения.

– Ты должен был так поступить. Пусть этот певец ожидает поблизости.

Гефестион по списку проверил имена лиц, которые были допущены пировать за одним столом с базилевсом. Все они с довольным видом, оправляя складки плащей и пышных платьев, проходили к местам, указанным эфебами, снимали обувь и опускались на лежанки, а слуги подкладывали им под левую руку шелковые подушки.

С базилевсом обедало около двадцати «счастливейших» приглашенных. Рядом с ним, справа, возлежал толстый, с опухшим лицом и с подвязанной золотистой бородой перс Оксиафр, брат убитого царя Персии Дария. Он отличался тем, что мог без конца есть, пить, не пьянея, и рассказывать о том, какие празднества устраивались раньше, при «добрейшем и благороднейшем царе царей» Дарии. Рядом с Оксиафром находился македонский царевич Арридей, слабоумный брат базилевса, любивший только сладкие блюда. С левой стороны от Александра эфебы поместили карфагенского посла; за ним разместились македонские начальники вперемежку со знатнейшими персидскими сановниками.

Базилевс, находясь в середине подковы, мог видеть всех гостей. Иногда он бросал взгляды на левое крыло, где Филота обменивался остротами и шутками с философом Каллисфеном.

Увидев, что базилевс протянул руку к блюду с жареными куропатками, посыпанными имбирем, все гости набросились на кушанья, громко восторгаясь богатством блюд и искусством царских поваров. Восхищение вызывали откормленные пулярки, начиненные фисташками, окорока диких поросят, моченные в гранатовом соке, маринованные угри, каплуны, посыпанные шафраном, и множество других кушаний, любимых персидской знатью.

Гости доставали правой рукой то, что им нравилось, или указывали слугам, и те подносили кованые золотые блюда, и каждый выбирал то, что хотел. Возле каждого на столе лежали куски сырого теста для обтирания жирных пальцев. Особые слуги стояли с пестрыми полотенцами, следя за тем, чтобы по первому знаку вытирать гостям губы, блестящие от жира и различных подливок.

Александр, любивший рыбу, похвалил громадного копченого осетра, присланного ему в подарок наместником Гиркании.^[39]

Он приказал обнести осетра вокруг стола, чтобы его попробовали все гости.

Когда кончили сменяться бесчисленные замысловатые кушанья, слуги подали серебряные тазы и кувшины с теплой водой, и все обмыли руки. Эфебы надели на гостей венки из роз и зеленого мирта. Перед ними появились сладкие плоды и золотые кубки с чеканными рисунками охотничьих сцен.

Виночерпии разливали по кубкам вино, а слуги добавляли воды, сколько каждый гость им указывал. Македонцы, по своему обычаю, пили чистое, не смешанное с водой вино.

Александр поднял чашу к небу, где за надвигавшимися темными тучами быстро потухали звезды, и произнес молитву Гелиосу,^[40] плеснув из чаши на пол. Греки и македонцы запели любимую застольную песню Анакреона:

Благовонными венками
Увенчавши кудри наши,
Мы с веселою улыбкой
Пьем вино из полной чаши...

Когда кончили песнь и ударили чашей о чашу, базилевс спросил:

– Где же обещанный воин-певец? Где его песня, воспевающая мои походы?

Все затихли. В глубоких сумерках ночи мягкий, бархатный голос запел:

Красные гребни на шлемах
Сорваны в битве мечами.
Дева, танцуй, изгибайся,
Как в трепете первой любви!
Царь Александр Великий,
Славной победой венчанный,
Шумно пирует с нами,
Смотрит на танцы твои.

Разбиты врагов колесницы
С ножами на спицах колес,
Конница камнем с утеса
Низринулась на врага.
Кто направлял средь битвы
Молнией властной десницы
Неумолимый, как рок,
Удар золотых фаланг?..

Оружье, слонов, колесницы
Отбил Александр-победитель
И много красивых коней,
И белых, как мрамор, жен,
И резную шкатулку из золота
С янтарем и жемчужными нитями;

Раскрывал ее черный нубиец
Не остывшим от крови ножом.

И сказал базилевс: «Хорошо
Вы сегодня сражались, отвагой горя!
Возьмите все золото, стройных жен,
Жемчуг весь, все оружие,
Все куски янтаря,
Дворцы четырех столиц
И двадцать персидских сатрапий!..

Я первый среди вас. Да здравствует молодость!
Любовь друзей дороже наград.
Одну лишь пустую шкатулку из золота
Я возьму и поставлю в тени шатра.^[41]
Запах крови плеснул по багровым долинам,
Звон победы в закат подымали щиты,
Когда песен Гомера свиток длинный
Положил базилевс между стен золотых.

И сны прилетели к царю
Из шкатулки, его изголовья, —
В ней таились Гомеровы звонкие песни,
Как стоны отточенной стали.
Выплывали герои Гомера
В золоте мутной крови,
В багровом дыму Гавгамелы
И в огнях ниневийских развалин.

В синем сумраке стелется дым благовоний,
На стройных треножниках меркнут огни,
Но вечно пылают сердца наших воинов, —
Царь Александр среди них!
Губы омочим в янтарном вине,
Растопчем доспехи вражьи!
В дрожащем сиянье смолистых огней
Сдвинем тяжелые чаши!^[42]

Все заплескали в ладоши и закричали:

– Прекрасно! Да живет наш базилевс, равный героям Гомера! Да покроет он новой славой наши мечи! Нет, Александр выше героев Гомера!

– Подойди ко мне, юноша! – сказал базилевс.

Аристоник подошел к нему; его лицо было бледно, и капли холодного пота блестели на лбу. Как воин, он неподвижно вытянулся перед Александром.

– Откуда ты родом?

– Я фиванец, из Беотии.

Александр резко приподнялся и недоверчиво взглянул на Аристоника. Все затихли, вспомнив, что Александр разрушил до основания город Фивы, сровнял с землей каменные стены и продал в рабство тридцать тысяч защитников города. Но юноша стоял прямо и открыто смотрел в лицо базилевсу.

– Как ты остался жив?

– Во время взятия Фив я был на берегу моря, и меня не коснулся твой гнев.

– Что же, хотели бы вы, чтобы Фиванские стены были снова восстановлены?

Аристоник опустил голову, видимо колеблясь, и затем сказал:

– Если бы Фивы были восстановлены, то мы бы всегда боялись, что снова явится Александр и возьмет их.

Александр улыбнулся, одобрительно тряхнул кудрями и обвел взглядом окружающих.

Ближайшие гости шептались, желая, чтобы базилевс их услышал:

– Юноша достоин похвалы! Как базилевс милостив к фиванцу!

– Ты унаследовал дар песен вашего великого соотечественника, фиванца Пиндара, ^[43] – сказал ласково Александр. – Я тебя оставляю в моей свите. Ты будешь петь, когда я позову тебя. В награду возьми этот подарок! – И Александр протянул юноше свой золотой кубок, наполненный вином.

Аристоник поднял кубок к небу, плеснул несколько капель на ковер в честь богов и выпил вино, не спуская глаз с базилевса. Повернувшись по-военному, он отошел четкими шагами и скрылся в группе эфебов.

Александр начал вести разговор с послом Карфагена.

– Наш город богатейший из всех городов Внутреннего моря, – говорил финикийянин. – Мои шофеты ^[44] уже давно вели тайные переговоры с царем Персии о заключении крепкого союза. Персия – сильнейшая держава на суше; финикийские корабли – самые многочисленные и сильные на море. Если бы вольный город Карфаген и могущественная Персия заключили крепкий союз, то власть этого союза распространилась бы до самых последних пределов земли. Теперь поднимает голову дерзкий Рим. Римляне хотят наложить руку на Грецию и Македонию. Почему не соединить силы твои, великий царь, и вольного, всемогущего своим богатством Карфагена? Почему не заключить союза двух сильнейших в мире государств?

На левом краю стола македонцы, сидевшие близ Филоты, обменивались насмешливыми фразами:

– Лесть – самое верное оружие.

– Особенно у Александра!

– После битвы при Гавгамелах из захваченной добычи он ничего не взял себе, это верно, но зато уж в Персеполисе он не постеснялся и отослал матери в Пеллу тридцать пять тысяч мулов и пять тысяч верблюдов, нагруженных золотом и серебром.

– Разве управление сатрапиями он раздал своим товарищам по мечу? О нет! Ими он пренебрегает! Всюду начальниками он посадил персов.

– Мы для него захватывали царство за царством, а награда нам – тяжелые раны и отправка, как ненужных калек, на родину.

– Теперь мы, благородные этэры, даже редко видим Александра, а должны сперва кланяться персидскому евнуху, чтобы он нас пропустил к нему, нашему бывшему товарищу.

– А для чего он позорится, натягивая широкие персидские шаровары и варварскую одежду?

Музыканты снова затянули пронзительную мелодию, любимую песнь бывшего царя царей Дария. Свистели сиринги, заливались свирели, гудели трубы и глухо рокотали бубны.

Тогда в темном небе над пиروвавшими загорелись два факела и осветили худенькую девушку, сильно набеленную, в пестрой короткой тунике с золотыми блестками. Покачивая факелами в вытянутых руках, она как будто плыла в воздухе. Когда акробатка дошла до середины террасы, сбоку вспыхнули еще два факела, и небольшая обезьяна осторожно пошла по канату на задних лапах, покачиваясь и подражая девушке.

Громкий хохот раздался на верхней террасе, и все заметили высокого неуклюжего юношу в греческом хитоне, который показывал пальцем на обезьяну, приседал и задыхался от смеха. Его хохот заразил всех, прокатился по всем террасам и отозвался внизу, во дворе, где толпились воины.

– Кто это так громко смеется? – спросил базилевс. – Мне его лицо немного знакомо.

– Это скиф, молодой сакский князь Сколот, – сказал подошедший эфеб. – Ты вчера приказал вывести его из подвала, вымыть, переодеть и привести к тебе.

– Дай ему вина и приласкай. Я буду сегодня говорить с ним.

Девушка на канате остановилась над пирующими, ловко подбрасывая горящие факелы и снова ловя их за ручки. Снизу взлетели один за другим еще четыре горящих факела, и акробатка искусно ловила их, продолжая подбрасывать, так что над нею образовался пылающий венок из вертящихся огней.

Все затихли, опасаясь за девушку, стоящую одной ногой на канате, высоко над всеми.

– Такова слава Александра! – прозвучал чей-то голос.

Некоторые узнали голос философа Каллисфена.

Девушка напрягала все силы, чтобы сохранить равновесие и ловить факелы. Туго натянутый канат дрожал, обезьяна сорвалась и, уронив факелы, повисла, уцепившись всеми четырьмя лапами.

Факелы, рассыпая искры, один за другим стали падать вниз, где их ловил старик в высоком красном колпаке и длинной одежде, обшитой золотыми звездами. Девушка, оставшись с двумя горящими факелами, прошла до конца каната и остановилась, приветствуя зрителей рукой. Обезьяна пробралась по канату к девушке и вскарабкалась к ней на плечо. Оба факела, вертясь, полетели вниз. Девушка с обезьянкой исчезла во мраке.

Базилевсу подвели молодого скифа. Хитон на нем был узок и короток. Костистые руки с громадными кистями и длинные ноги были худы и неуклюжи. Скиф, открыв рот, исподлобья рассматривал базилевса.

Около Александра стояли два его секретаря. Один, бледный молодой сириец с красной лентой вокруг черных курчавых волос, записывал слова повелителя, другой, пожилой перс с привязанной бородой, завитой мелкими колечками, был переводчиком.

– Давно я тебя не видел, – сказал Александр. – Может быть, тебе жилось худо? Но ты сам виноват, что не обратился ко мне.

Скиф блеснул белыми зубами, и вокруг его глаз собрались насмешливые складки.

– Я тоже давно не видел тебя, кшатра, ^[45] и жилось мне, пожалуй, похуже твоего. Из моего темного подвала в окошко я видел только ноги проходивших воинов. И меня заедали клещи и клопы.

– За это я сумею наградить тебя. Что бы ты хотел получить?

Скиф переступил с ноги на ногу и повел широкими плечами.

– Мне нужно разыскать моего жеребца. Он сын знаменитого в степи Буревестника, саврасый, с темной полосой вдоль спины.

– Хорошо! – сказал базилевс. – Я прикажу, чтобы разыскали твоего саврасого. Может быть, ты хочешь еще что-нибудь?

Скиф обвел глазами круг незнакомых, чуждых ему людей, которые, кто растянувшись на ложе, кто стоя, с насмешкой смотрели на него блестящими от вина глазами.

– Если конь без работы застоится, то падает на ноги. То же случилось и со мной. Затосковал я без дела! Очень бы хотел с кем-нибудь подраться.

Базилевс ударил в ладоши:

– Это будет забавное зрелище! Кто хочет подраться со скифом?

Некоторые предложили:

– Вызвать из охраны базилевса рослых македонцев, достойных побороться со скифом.

Учитель Никомандр воскликнул:

– Если скиф умеет владеть мечом, то я согласен испробовать на нем мое искусство.

Переводчик объяснил его слова скифу.

Молодой скиф небрежно взглянул в сторону Никомандра:

– Дайте мне мою секиру, и я буду драться с тремя такими, как этот старик.

Базилевс подозвал Никомандра и тихо прошептал:

– Не смей убивать его, он мне нужен. Можешь только слегка ранить.

Никомандр сделал презрительный жест:

– В какое место его ранить?

– Ты его трижды ранишь в левое плечо.

– Дайте мне мой македонский меч! – обратился Никомандр к эфебам.

Он сбросил плащ и остался в одном хитоне и венке на седеющих кудрях. Мускулистые руки и ноги Никомандра были голы, и старые побелевшие шрамы говорили, что он побывал не в одном бою. Из груды оружия, по обычаю снятого гостями при входе на место, предназначенное для пиршества, эфебы достали узкий стальной меч Никомандра с ручкой, отделанной золотом. Скифу дали тяжелый македонский меч. Он попробовал упругость стали, отточку острия и поднял его к небу:

– Тебе, бог Папай, ^[46] я посвящаю эту жертву! Ты охраняешь наши стада от волков в сакских степях, сохрани и меня среди этих разбойников!

С мольбой глядел скиф в темное, мрачное небо, покрытое тяжелыми тучами. Ветер усиливался, и пламя светильников порывисто трепетало. Порывы надвигавшейся бури жадно подхватывали искры и далеко уносили их.

Скиф расставил длинные ноги и протянул меч, направляя его против македонца.

Никомандр повернулся правым плечом к противнику и, сдвинув ноги, держал меч прямо, острием кверху, закрывая им грудь и лицо:

– О царь, славнейший из царей, и все вы, македонцы, эллины и другие гости! Мой меч, не знавший поражения, сегодня, по желанию нашего царя, пощадит этого варвара. Но я обещаю, что концом меча я тремя ударами по левому плечу юноши напишу альфу, начальную букву имени величайшего повелителя Азии.

Скиф, следя горящими глазами за противником, стал приседать на левую ногу и выдвигать правую жилистую руку с мечом.

Македонец заложил левую руку за спину, глаза прищурились. На бритом лице морщины стали резче и глубже. Мускулы голых рук напряглись и вздулись. Он был готов к нападению.

Меч его, сверкнув молнией, сделал несколько зигзагов, и послышался лязг столкнувшейся стали. Длинный скиф пригнулся еще ниже, и только костистая рука его со стальным клинком завертелась, ловя мелькающий меч македонца.

Лицо Никомандра, бывшее самодовольным и насмешливым, вдруг сделалось серьезным. Он

почувствовал силу дикого противника. Скиф неглядел на меч. Его синие глаза потемнели и впилась в нахмуренные брови македонца. С звериной ловкостью он отражал стремительные удары Никомандра, сам не переходя в наступление.

– Эугэ! Каллиста!^[47] – пронеслись крики македонцев.

На левом плече скифа покраснела косая полоса, и кровь темной струйкой потекла по груди.

Скиф, казавшийся тяжелым, как верблюд, вдруг сделал легкий, упругий прыжок в сторону, и Никомандр, не докончив стремительного выпада, едва удержался на ногах, но быстро отступил, встретившись с градом ударов внезапно напавшего скифа.

– Не жалея его, Никомандр! Изруби варвара! – Крики неслись со всех сторон: с крыш и стен, на которые забрались воины. – Воткни ему меч в горло!

Новая косая линия нарисовала вторую сторону угла альфы, и струя крови сильнее потекла по груди скифа. Оставалась только поперечная черта. Несколько эфебов и воинов приблизились, готовые разнять противников.

Скиф применил невиданный прием. Его меч, стремительно забуравив воздух, с силой понесся на противника. Лезвие Никомандра, встретившись с мечом скифа и описав дугу, полетело в сторону. Скиф диким прыжком обрушился костлявыми коленями на грудь македонца, подмял под себя и с ревом впился зубами ему в шею.

– Оттащите варвара! Он ему откусит голову! – кричали кругом.

Воины и эфебы навалились на скифа и, ухватив его за руки и за ноги, отодрали от македонца.

Скиф поднялся и легко раскидал воинов. Его лицо и рот были в крови. Никомандр встал, растерянный, с дико блуждающими глазами. Из его шеи хлестала кровь, забрызгав светлые хитоны эфебов.

Врач базилевса подбежал со шкатулкой лекарств и торопливо стал перевязывать шею македонца.

– Зачем ты хотел откусить воину голову? – строго спросил скифа царский переводчик.

– Все нет! – радостно улыбался скиф, утирая полотенцем лицо. – Я только выпил его крови, чтобы его сила и искусство перешли ко мне. Он умеет хорошо владеть мечом, теперь я буду сильнее его...

Буря усиливалась. Порыв ветра опрокинул высокий светильник и разлил по ковру душистое масло. Крупные хлопья снега, крутясь, неслись на пирующих. Базилевс поднялся с ложа, черный нубиец подвязал ему сандалии и накинул на плечи пестрый индийский плащ, подбитый мехом речного бобра. Группа телохранителей, сверкая медью, выстроилась в два ряда.

Александр шепотом говорил Гефестиону:

– Я жду всех в оружейной комнате. Отряд самых преданных всадников пусть будет наготове. Филоту надо захватить врасплох. Пришли ко мне танцовщицу.

Базилевс сделал несколько нетвердых шагов и остановился перед философом Каллисфеном: – Конечно, этот дикий скиф нарушил правила боя, но он варвар, и поэтому надо или простить, или убить его. Ты, Каллисфен, как философ и как ученик Аристотеля, любителя всего мудрого и прекрасного, знаешь утонченное обращение с людьми, хотя допускаешь иногда неосторожные замечания... Поручаю тебе этого сака: научи его эллинскому языку и убеди его любить больше эллинские идеи, чем свои скифские степи. Как софист, ты ведь сумеешь доказать правильность всего, чего захочешь. Через месяц ты ко мне придешь и расскажешь, каких успехов достиг в обучении скифа.

Музыка заиграла славу царю царей Персии. Снег ударял в глаза. Все ковры побелели. Александр, пошатываясь, при громких криках гостей и воинов медленно спускался по ступенькам, опираясь на двух эфебов. Участники пира, кутаясь в плащи, надевали оружие и

торопливо покидали террасы.

Карфагенский посол остановился возле маленькой канатной танцовщицы и, взяв ее за руку, сказал по-финикийски:

– Кажется, мы с тобой имеем одну родину?

– Да, я из города моря и солнца, растерзанного этим зверем. Я из славного Тира.

– Зачем же ты здесь их забавляешь? Разве ты забыла, что базилевс распял на крестах полторы тысячи храбрейших защитников твоего родного города?

– Я это помню и никогда не забуду. Мой отец тоже был распят. Поэтому я и приехала сюда...

Два эфеба подхватили девушку под руки:

– Ты пойдешь с нами. Базилевс ждет тебя!..

* * *

В небольшой комнате, увешанной персидскими коврами, с раскрытой на балкон резной двустворчатой дверью, на ложе с изогнутыми золотыми ножками лежал базилевс. Как обычно после обильного ужина, он сразу же заснул крепким сном, растянувшись на шкуре бурого медведя.

Александр хвастался, что мог по своему желанию мгновенно засыпать во всякое время дня и после краткого сна вставать совершенно бодрым, готовым к новой работе.

Золотой светильник с душистым маслом, подвешенный на завитке высокого бронзового треножника, лил ровный оранжевый свет. Завитые кудри разметались по голубой шелковой подушке, искусно затканной малиновыми цветами. Красивое лицо было безмятежно-спокойно, морщины разгладились. Открытая могучая шея и нежная, розовая кожа атлетической груди слегка прикрывались прозрачной зеленоватой тканью хитона.

Маленькая финикийка стояла около заснувшего молодого тела и раскрытыми блестящими глазами всматривалась в застывшее лицо с голубоватыми веками. Мысли стремительным вихрем проносились в ее голове:

«Вот предо мной властелин Азии... Сейчас поразит тебя моя месть за тысячи распятых и замученных финикийских юношей... пусть меня потом растерзают твои палачи, но рука дочери Тира не дрогнет...»

Финикийка, склоняясь к Александру, осторожно вытянула из своей сложной высокой прически длинную и острую, как кинжал, стальную головную шпильку. Шестнадцать тонких кос рассыпались по плечам. Одна коса соскользнула и упала на розовую грудь Александра. Он слегка вздрогнул, по лицу пробежала тень, брови сдвинулись, между ними прорезалась суровая складка. Полураскрытые губы прошептали невнятно слова, но грудь продолжала дышать ровно – базилевс не проснулся. Финикийка выпрямилась, подняв руку, выбирая место для удара.

Легкое дуновение ветра заставило ее оглянуться. Возле нее неподвижно стоял, скрестив руки на груди, старый, морщинистый евнух-перс. Его тонкие бледные губы издали тихий змеиный свист. Зашевелился висевший на двери шелковый ковер, и оттуда вынырнул черный полуголый нубиец. Евнух повел глазами, указывая на финикийку, нубиец набросил пеструю шаль на девушку и бесшумно вынес ее из комнаты. За ним, покачивая лысой старушечьей головой, вышел евнух.

Через день, после долгих пыток огнем, финикийка была разрублена на четыре части, которые, как требовалось обычаем, были подвешены над четырьмя воротами центрального

крытого базара города.

Часть вторая

Скифские степи

*Готовы ли кони? Отточены ли мечи?
Натянуты ли туго ваши луки?*

Из песен Саксафара

На вершине холма, одиноко поднимающегося над беспредельной равниной, возле упавшего на землю сигнального шеста, обмотанного соломой, неподвижно застыл человек. Его старая, выцветшая одежда того же бурого цвета, что и земля. Голова обмотана лоскутом красной тряпки. Человек стоит крепко, широко расставив ноги в мягких заплатах сапогах без каблуков. Узкие немигающие глаза, прищурившись, устремлены вдаль.

Лицо молодое, скуластое, покрытое темным загаром. Кожа потрескалась от солнца и ветра. Плечи широкие. Одной рукой он придерживает кожаный мешок, перекинутый через плечо, другой сжимает костяную рукоятку широкого ножа, выглядывающего из-за пазухи. Длинный сыромятный ремень замотан несколько раз вокруг пояса.

Он смотрит вдаль – туда, где на широкой равнине весело рассыпались бесчисленные белые и черные сакские^[48] шатры. Над ними карабкаются к небу голубые дымки. Около шатров, в загородках из хвороста, толпятся отары черных и белых ягнят.

Сегодня праздник. На равнине, испещренной тропинками, видны вереницы ярко одетых всадников. Все они тянутся к кочевью. Их пестрые одежды, расшитые разноцветными узорами, переливаются яркими красками в лучах солнца, только что вставшего над горизонтом.

Человек на холме стоит так долго и неподвижно, что едущие на равнине всадники начинают показывать на него плетками.

– Кто это там и кого высматривает? – говорят они. – Это не пастух. Не лазутчик ли, подосланный согдами? Не колдун ли хочет нагнать болезнь на Будакуна?..

Один всадник, на пегом коне, отделившись от группы, вскачь пустился к холму. Не останавливаясь, взлетел на его вершину и затем медленно, шагом подъехал сзади к неподвижному человеку. Острым концом тонкой дрожащей пики он толкнул его в плечо. Тот оглянулся и смерил всадника безразличным взглядом.

Подъехавший произнес обычное приветствие:

– Пусть бог Папай даст тебе здоровье!

– Здоров ли ты? – послышался свистящий ответ. – Бодр ли ты? Силен ли ты?

– Да успокоится в радости душа твоя! – сказал всадник. Он провел рукой по черной жесткой бороде с прямыми волосами, недоверчиво посматривая на красную повязку на голове путника, завернутую по обычаю согдов – извечных врагов скифов.

– Что это за кочевье? – просвистели слова путника.

– Откуда же ты свалился, что не знаешь кочевья славного Будакуна, по прозвищу Золотые Удила? Твои ноги запылены, коня близко нет. Какой дорогой ты пришел?

– На той дороге, по которой я пришел, меня уже нет. Видно, важное дело привело меня сюда, если я десять дней шел через пустыню, чтобы увидеть славного князя Будакуна.

– Садись тогда сзади на Пегаша, – сказал всадник. – Кидрей, укротитель диких лошадей, тебя подвезет к шатру самого князя. Сегодня у Будакуна пир: он выдает замуж свою дочь. Ее получит тот, кто на скачках вырвет у нее платок. Из ближних и дальних кочевий – отовсюду сегодня съезжаются гости. Если бы у тебя был конь, то и ты бы мог попытаться добыть дочь Будакуна. А я попробую. Неужели девушку поймать труднее, чем дикую пятишерстную лошадь?

Путник легко вскочил на круп пегого коня, который стал медленно спускаться с холма по вьющейся тропинке, постукивая копытами и скатывая камни.

Шутки Будакена

После состязания молодежи в скачках, борьбе, стрельбе из лука Будакен Золотые Удила захотел еще более развеселить своих гостей и шепнул своим молодцам-слугам, ^[49] чтобы его дочь выехала на скачки и чтобы приготовили также верблюда. Молодцы, улыбаясь при мысли о предстоящем зрелище, побежали исполнять приказание.

Будакен, большой, широкоплечий, кривоногий от постоянной езды верхом, в темно-серой шерстяной домотканой одежде, от башлыка до края широких штанов расшитой голубыми бусами и украшенной золотыми пуговицами, старался удивить своим радушием, угостить на славу гостей, большей частью стариков, вождей разных родов его племени.

Будакену подвели широкозадого гнедого жеребца; он дико храпел и бил передней ногой. На коне была узда с золотыми бляхами; ремни, отделанные бирюзой и сердоликом, красовались на шее; удила, затейливо украшенные изображениями дерущихся львов, были из чистого золота.

Среди гостей выделялся молодой вождь одного из колен рода Тиграхауда, ^[50] тонкий, высокий, надменный князь Гелон. Его лицо было еще покрыто пухом юности, но сдвинутые брови и гордый взгляд говорили, что духом он далеко уже не юноша. На поясе у него висел короткий меч в золотых ножнах с вычеканенными рисунками боя скифов с персами. На всем его платье из красной чужеземной материи горели нашитые золотые бляшки, переливавшиеся, как чешуя. Жеребец Гелона, золотисто-рыжий, без гривы, ^[51] с длинным белым хвостом, был еще наряднее и красивее будакеновского жеребца. Говорили, что он выменял его у массагетов, ^[52] славящихся высокими, легкими конями, отдав за него четырех невольников, умевших рыть колодцы в каменистой почве и выделявать мягкую замшу.

Внезапно из толпы вылетела на вороной кобылице дочь Будакена Зарика, сверкающая улыбкой и живыми, блестящими глазами, вся в бусах, ярких лентах и серебряных украшениях. Все знали, что за ней Будакен дает в приданое тридцать косяков лошадей, по девяти кобылиц и жеребцу в каждом, стадо баранов, десять верблюдов, груженных подарками, и сорок невольниц. Поэтому толпа нарядных молодцов немедленно помчалась за Зарикой на лихих конях. Она неслась к высокому кургану, чтобы обогнуть его и прискакать обратно. Черная кобылица, прославленная на скачках, перелетая через рытвины и кочки, легко неслась по степи. Догонявшие всадники рассыпались в разные стороны, стремясь перехватить Зарику, когда она завернет за холм.

Гелон на золотистом жеребце, в алой одежде, сверкающей, как пламя, стал быстро выделяться из группы других всадников. Он уже приблизился к Зарике, но она круто повернула кобылицу в сторону, и Гелон пролетел мимо. Зарика наскочила на подлетевшего сбоку пегого жеребца отчаянного укротителя лошадей Кидрея. Кидрей сцепился с Зарикой, стараясь выхватить кусок красного шелка, который развеялся в ее руках. Зарика наотмашь била Кидрея толстой плетью, а сама, как змея, извивалась, прячась за шею кобылицы. Через несколько мгновений все скакавшие скрылись в клубах пыли за курганом. Когда они показались снова, Зарика была окружена кольцом коней, металась из стороны в сторону, хлестала направо и налево, а пегий конь Кидрея несся в стороне, без всадника. Потом говорили, что Гелон налетел на Кидрея, ударил его грудью своего коня так сильно, что тот вылетел из седла и потерял сознание.

Гелон подлетел к Зарике, сцепился с ней – и у него в руке затрепетал красный шелк.

– Сама ему отдала! – говорили в толпе. – У Будакена будет зять из знатного рода. А сам Будакен был когда-то пастухом... Будакен теперь так богат, что может взять в зятья кого захочет.

Зарика прискакала обратно к кочевью, ее окружили женщины и девушки-подруги. Невольницы взяли под уздцы взмыленную кобылицу, а Зарику ввели в разукрашенный коврами и шальями шатер невесты.

Гелон подлетел к тому месту, где на конях ждали Будакен и знатные гости, резко осадил жеребца в десяти шагах, затем, с трудом сдерживая его, подъехал шагом к Будакену и бросил ему в руки красный платок. К Гелону подбежал слуга и подал чашу с кумысом, сделанную из человеческого черепа, оправленного в золото. Гелон принял чашу двумя руками, поцеловал ее и протянул хозяину.

Будакен, грузный, с отвисшими усами, принял чашу. Лицо его было непроницаемо, но в глазах бегали веселые огоньки. Со стороны Гелона это был жест сватовства. Теперь Гелон, происходящий из древнего княжеского рода, станет зятем бывшего пастуха Будакена, вышедшего в вожди только благодаря уму, хитрости и удачным набегам.

Будакен пригубил кумыс, подул на поверхность и затем выпил до дна. Гелон пересел на запасного коня, а его золотистого жеребца отвели в сторону, где на него с трудом влез старик, готовящий лошадей к скачкам, и стал шагом ездить взад и вперед, чтобы дать ему остыть.

Кто развязал верблюда

Скифы привели большого мохнатого темно-серого верблюда и с трудом заставили опуститься на колени. Верблюд был полудикий – он ревел, бился и старался встать. Скифы стали быстро скручивать его волосяными веревками, связывая подогнутые колени, загибая голову набок, делая множество узлов и сплетая вместе концы, чтобы труднее было развязать. Будакен торопил молодежь. Громадная толпа, стоявшая кругом, шумела и кричала. Все шутили, ожидая излюбленного зрелища.

Старый Хош, игравший при Будаkene роль прихлебателя и шута, стал выкрикивать:

– Этот верблюд подымает восемь мешков ячменя и столько же зараз съедает. Бегаёт иноходью за верблюдицами и пятится, если видит седло. Может идти без воды десять дней и столько же сидеть на месте, глядя на бурдюк с кумысом. Прошел до Вавилона и обратно, вернулся еще более диким и обросшим бородой. Однако щедрый Будакен Золотые Удила, желая позабавить гостей, дарит этого редкого верблюда той смелой женщине, которая развяжет все веревки без помощи ножа и затем объедет на верблюде вокруг кочевья. Но только, по старому обычаю, ^[53] на этой женщине не должно быть никакой одежды, чтобы она не могла спрятать нож...

Женщины стояли отдельной группой, подталкивая друг друга, пересмеиваясь, закрывая лицо широкими рукавами. Они ожидали, что сейчас выйдет старая Болхаш, пьяная и бесстыжая, которой было безразлично, как появиться перед толпой. Ее разыскивали за шатром, где она лежала, напившись бузата, ^[54] и только мычала в ответ на толчки женщин, пытавшихся ее разбудить.

– Чего же вы стоите? Не бойтесь! Попробуйте развязать, получите верблюда! – кричали в толпе.

Тогда из группы женщин вышла вперед стройная девушка. Она подошла застенчивой, скромной походкой к знатым гостям, сложив руки на груди, поклонилась Будакену и сказала, побледнев и опустив глаза:

– Привет тебе, храбрый и щедрый Будакен! Я сумею развязать верблюда, если ты действительно обещаешь подарить его мне...

Будакен, удивленный, видя эту девушку в первый раз, сказал:

– Если ты развяжешь верблюда и проедешь на нем вокруг шатров, верблюд будет твой. Кто ты, девушка, не боящаяся ничего, даже стыда?

Девушка безнадежно махнула рукой:

– Что такое стыд для потерявшей свободу!

– Ты невольница? Какого ты хозяина? Как твое имя?

– Меня зовут Томирис...

– Томирис, Томирис!.. – загудели в толпе.

– Я из племени дахов, ^[55] была украдена во время набега и затем продана купцам. Теперь я прислана князем Гелоном вместе с подарками для твоей прекрасной дочери.

Князь Гелон, кичившийся победой, потемнел от ярости и шепнул своему ближайшему слуге:

– Скажи этой негоднице, чтобы она уходила отсюда и не смела позориться.

Скиф бросился к девушке и стал ей что-то шептать на ухо. Томирис стояла, не отвечая. Но толпа жаждала увидеть поскорее веселое зрелище, и все стали кричать, требуя, чтобы Томирис скорее начала развязывать верблюда.

Томирис сделала рукой предостерегающий жест слуге, чтобы он отошел, и подбежала к

лохматой темно-серой туше верблюда. Ошеломленный неожиданным неудобным положением, он был зол, дергал ногами, извивался всем туловищем, желая порвать веревки, клохтал и булькал, выбрасывая на сторону длинный розовый язык. Девушка быстро сняла все свои цветные одежды, свернула их в узелок и перевязала его красным шнуром от шаровар. Она положила узелок на песке между клочками редкой травы. Толпа гудела и хохотала. Но все затихли, увидав стройную художавую девушку, украшенную только ниткой красных бус на шее и пестрыми лентами, вплетенными в шестнадцать тонких кос, спадавших на узкие девичьи плечи.

Никого не замечая, Томирис завязала косы вокруг головы.

– Но она совсем девчонка! – прошамкал старый князь Тамир. – Разве она сможет развязать столько узлов, затянутых шестью здоровыми молодцами?

Томирис стремительно бросилась к верблюду, вскочила розовым комком на его бурую шерсть и начала развязывать узлы, впиваясь в них пальцами и зубами. Прежде всего она развязала голову верблюда, притянутую к животу. Когда верблюд освободил голову и вытянул шею, он перестал биться и только иногда еще жалобно стонал, раскрывая узкие длинные челюсти. Томирис упорно работала над перепутанными узлами; ее тонкие руки летали и сплетались среди черных волосяных веревок, накрученных причудливой сеткой.

Потом она прыгнула к узелку с одеждой, взяла его в зубы и продолжала возиться, сидя на четвереньках. Вот освободилась задняя нога верблюда. Веревки стали слабнуть. Верблюд снова забился, повернулся на живот и вскочил неуклюжим прыжком сперва на задние, потом на передние ноги.

Томирис уже сидела на его спине, припав между пушистыми горбами. Верблюд отряхнулся и, нелепо подпрыгнув, побежал сильной, размашистой иноходью в степь, прочь от гудевшей толпы.

Верблюд громко ревел от боли, а Томирис колола ему горб бронзовой шпилькой, вытасченной из волос.

По обычаям старины, нужно было во время бега верблюда суметь одеться, объехать вокруг кочевья и вернуться к месту праздника. Темно-серый верблюд с девушкой, прижавшейся между горбами, скрылся за курганом. Никто не обратил внимания на то, что один из слуг князя Гелона вскочил на коня и помчался в степь за верблюдом.

Подарок Спитамена

Тогда впервые увидели Спитамена и заговорили о нем.

Пока скифы смеялись над девушкой, не побоявшейся голой развязать верблюда, к Будакену и знатым гостям подошел запыленный путник с мешком за плечами. Незнакомец остановился в нескольких шагах от них и крикнул, произнося правильно по-сакски:

– Благородный князь Будакен Золотые Удила, я принес тебе подарок, достойный твоей силы, твоей храбрости и гостеприимного радушия. Такого подарка ты давно ждешь.

Будакен удивленно развел руками:

– Что может мне подарить согд, говорящий по-сакски? Я уже имею все, что только может пожелать человек. Подойди ко мне поближе.

Путник подошел к коню Будакена, сунул руку в свой кожаный мешок и вытащил оттуда небольшого темно-серого щенка с длинным хвостом. Пушистый зверек скалил острые зубы, топорщил белые усы и, неистово барахтаясь, урчал.

– Тебе нравится такой красавец? – спросил незнакомец. – Самый настоящий и злобный. Видишь черную полоску на носу? Через два года он будет с тобой ходить на охоту, ловить диких коз, перешибать хребты горным баранам и сбрасывать с коня твоих врагов. Узнаешь ли ты этого зверя?

И все узнали в щенке будущего гепарда-читу, ^[56] самого быстрого и страшного зверя гор, который привязывается к хозяину, как собака, и в битве бесстрашно бросается на его врагов.

У Будакена разгорелись глаза. Щенка читы найти трудно: зверь водится в самых диких горных ущельях, на неприступных скалах.

– Спасибо, странник! Что же ты хочешь за этого щенка?

Все знали, что Будакен щедр, что он не остановится перед ценой, если что-нибудь ему понравится. Поэтому воины, стоявшие вблизи, закричали:

– Скажи, что ты даришь маленького читу! Будакен тебя отблагодарит дороже, чем стоит зверь!

Но незнакомец ответил:

– Ты богат и славен, Будакен! Никто не может сосчитать баранов в твоих стадах или коней в твоих табунах. Ты сам не знаешь им числа. Подари мне молодого коня с твоим тавром...

Такие слова, по кочевым обычаям, были дерзкими и непочтительными. Незнакомец походил на бедняка, и он не смел требовать, а должен был ждать милости от богатого и влиятельного Будакена. Поэтому все заметили, как Будакен нахмурил брови. Но этот большой и сильный князь любил шутки и забавы и не лишен был неожиданных причуд.

Будакен сказал:

– Как звать тебя, смелый путник, и откуда ты родом? Да сможешь ли ты вскочить на будакеновского коня? Ведь тебе придется садиться не на пуховую подушку, на которой согды считают свои барыши. Ты сейчас же свалишься, если тебя посадят на нашего жеребца...

Все кругом загоготали:

– Посади согда на жеребца! Покажи нам, как согдский козел барахтается на коне!..

Незнакомец, не обращая внимания на обидные выкрики, опустил узкие глаза и сказал:

– Я зовусь у согдов Спитамен, называют меня еще и Шеппе-Тэмен. ^[57] Я одной крови с вами – моя мать была из рода Тохаров. ^[58] с боевым кличем «улала!» ^[59] Но мой отец был согд, и с детства я был воспитан в Сугуде и вскормлен согдийским просом и виноградом.

Будакен задумал новую шутку, чтобы повеселить гостей, и сказал:

– Хорошо, Шеппе-Тэмен... Я рад, что мы с тобой одного боевого клича. Ладно, ты можешь

взять у меня какого хочешь коня, но не из тех, которые привязаны, а из тех, что пасутся на воле. И кроме того, ты возьмешь коня с земли, а не сидя на другом коне...

Тогда Спитамен скрестил на груди руки в знак благодарности и передал щенка читы подошедшему старику, умеющему воспитывать для охоты беркутов, соколов, борзых собак и других животных.

– Не сердись только, Будакен, если я буду выбирать лучшего, а не худшего коня...

Ловля буревестника

Будакен крикнул своим слугам, чтобы они подогнали ближе табун лошадей, пасшийся невдалеке в степи, и сам с гостями тронулся шагом по направлению к табуну. Слуги с криками вскачь помчались к табуну и, растянувшись цепью, стали окружать его. Спитамен легко вскочил на круп коня одного приветливо его окликнувшего скифа. Они затрусили вслед за свитой Будакена.

Табун встревоженных кобылиц скакал по степи к кочевью. Скифы, размахивая арканами, дико вскрикивали и, свистя, носились вокруг табуна. Несколько жеребцов вылетели из табуна; они мчались, вытянув шею и прижав уши, навстречу скифам, готовые наброситься на них. Тогда те, стегая плетками своих коней, поворачивали и уносились в степь, затем, сделав полукруг, снова возвращались к табуну.

Будакен и гости должны были вскачь пронестись к кургану, чтобы не попасться под ноги летевшему табуну. Они въехали на курган, откуда, неуклюже переваливаясь, сбежали в степь три верблюда.

Тогда слуги и пастухи криками и хлопаньем длинных бичей завернули табун и остановили его перед курганом.

Кобылицы сбились в кучу, некоторые подымали высоко головы, другие прыгали, лягались, отлетая от бурых и гнедых жеребцов, пробежавших как хозяева между косяками.

– Где же этот согд? – крикнул Будакен. – Может быть, он испугался, увидев хвосты сакских кобыл?

Но Спитамен уже был наготове. Он казался особенно коренастым и широкоплечим, когда спускался мягкими шагами по скату кургана, раскачивая свернутый кольцами сыромятный аркан. В другой руке он держал свой кожаный мешок.

Все бывшие на кургане слышали сильный свист, протяжный, с переливами, тот свист, которым кочевники успокаивают испуганных лошадей.

Весь табун насторожился, вперед вылетел вороной жеребец, знаменитый неукротимый Буревестник, высокий, лоснящийся в лучах солнца. Спитамен остановился. Жеребец, сделав несколько прыжков, поднялся на дыбы, повернулся в воздухе на задних ногах и бросился обратно. Спитамен подошел еще на несколько шагов к табуну. Вороной жеребец остановился, сильно втягивая ноздрями воздух, и снова помчался к Спитамену. Он был уже в трех шагах, когда Спитамен взмахнул рукой. Сыромятный ремень мелькнул в воздухе и обвился вокруг лоснящейся крутой шеи, а охотник отпрыгнул в сторону, натягивая ремень. Жеребец взвился на дыбы, закрутился и снова бросился на дерзкого врага. Он хотел ударом зубов и передних ног сбить человека, захлестывавшего ремень. Тогда Спитамен ловко надвинул кожаный мешок на голову разъяренного жеребца, и через мгновение скифы увидели, что охотник висит на его шее, крепко ухватившись руками и ногами.

Буревестник мотал головой, взвивался, прыгал, бил ногами, стараясь сбросить впившегося в него седока, и наконец бешено понесся по степи, взбивая голубые клубы пыли.

– Улала! – закричал Спитамен.

– Улала! – завопили скифы. – Он нашей крови! Он наш! Ни один согд никогда не осмелится вскочить на нашего вольного жеребца!..

Будакен был доволен. Хотя бедный охотник вскочил на одного из его лучших коней, но зато гости были поражены интересным зрелищем. Теперь они разъедутся по своим кочевьям, и вся степь будет знать о щедрости Будакена, все заговорят о вороном жеребце, которого он отдал за щенка читы, и имя Будакена будет повторяться у всех костров, по всем тропам скифской

равнины.

Спитамен промчался вихрем мимо кургана и кочевья, где пестрая толпа скифов кричала и выла от возбуждения; он подстегивал ремнем взбесившегося коня, летевшего, не разбирая дороги, с мешком на голове. Только когда кочевье скрылось позади и мимо стали пролетать песчаные барханы, охотник сдернул с головы жеребца кожаный мешок, продолжая хлестать коня ремнем с бронзовой пряжкой.

Не давая передышки, он гнал жеребца между песчаными холмами, поросшими редкими кустами кандыма,^[60] и, когда неукротимый скакун стал покрываться клочьями белой пены, Спитамен вытащил из-за пазухи недоуздов и набросил его на прекрасную голову свирепого Буревестника. Конь уже не сопротивлялся, не пытался, загибая шею назад, укусить всадника за колени.

Внезапно Спитамен услышал впереди крики и увидел между холмами грузную фигуру темно-серого верблюда. Между горбами его сверкала ярко-красным платьем девушка, которую он видел в кочевье Будагена на связанном верблюде.

Но теперь за верблюдом несли всадник в остроконечном башлыке и темной одежде. Он пытался схватить и стащить девушку.

Та отчаянно кричала и отбивалась:

– Степь, укрой меня! Степь, спаси меня! Смерть хочет выколоть мои глаза...

Спитамен сзади приближался к всаднику. Он видел мелькавшие в скачке копыта чалого коня, широкую коричневую спину скифа, его полосатые штаны, перехваченные у лодыжек ремешками. Рука скифа ловила красную одежду девушки, но та с визгом размахивала бронзовой длинной шпилькой, пытаясь ударить его по руке.

– Ты не убежишь от меня, поганка! – кричал хрипло всадник. – Теперь тебе конец!..

Тогда сыромятный аркан Спитамена снова пролетел в воздухе и захлестнул голову скифа, который вылетел из седла, взмахнув руками, и грузно упал на песок. Некоторое время он волочился по песку за вороным конем Спитамена, ошеломленный и полузадушенный. Спитамен перерезал ремень и, оставив скифа лежать на песке, бросился дальше за верблюдом. Чалый конь без всадника понесся в сторону и исчез, мелькнув за барханами.

– Улала! – крикнул Спитамен в знак дружеского приветствия. – Какого ты рода, девушка?

– Машуджи!^[61] – крикнула беглянка.

Она оглянулась. Ее голова была закутана малиновым платком, из-под которого виднелись черные глаза с прямой линией бровей.

Спитамен знал, что «машуджи» – это боевой клич племени женщин, живших особыми кочевьями на севере, близ Оксианского моря. Они пользовались почетом у соседних племен, как живущие по особо строгим законам. Нападение скифа, только что им сброшенного, на женщину этого племени считалось преступным по законам кочевников.

Вороной догнал бегущего верблюда и продолжал скакать рядом.

– Он хотел убить меня. Это слуга князя Гелона. Но ты не тронешь меня? Помоги мне бежать. Я родилась свободной и хочу вернуться к своим шатрам. – Томирис покосилась на охотника, приподняв руку, из которой высовывалось острое жало бронзовой шпильки.

– У Горьких колодцев, на перекрестке дорог, недалеко от каменного идола Афрасиаба, стоит шатер Спитамена. Там живет моя мать, и она приютит тебя, – сказал Спитамен.

– Но ты дашь мне свободу? – закричала в ответ девушка. – Или ты тоже хочешь надеть на меня цепь невольницы?..

Слова их терялись в свисте ветра. Они оба продолжали нестись рядом – грузный, сопевший

верблюду и легкий вороной конь.

Спитамен воскликнул:

– Спитамен беден, но свободен! В моем стаде только десять овец. Но Спитамен не кланяется князьям, он друг скованных цепями. Ты найдешь в моем шатре лепешки и овечий сыр. Полог моего шатра всегда будет открыт, если ты захочешь уйти из него.

Девушка подумала несколько мгновений.

– Я не знаю, говорят ли твои слова правду о моем спасении или это мурлыканье хитрого тигра, желающего разорвать меня. Но я хочу поверить тебе: ты крикнул мне привет вашего рода. Я поеду к Горьким колодцам и буду искать там шатер Спитамена.

Охотник указал рукой:

– Ты сейчас едешь правильно, на юг. Скоро ты увидишь вышку, покрытую костями и хворостом. Поезжай от нее дальше широкой тропой, ты увидишь там идола Афрасиаба и мой шатер.

Спитамен завернул вороного и направился, не уменьшая бега, не к кочевью Будакена, а на восток – к тонкой линии тополей, растущих вдоль берега Яксарта. Мимо него пронеслись холмы, покрытые искривленными стволами саксаула. Иногда из-под ног вылетали куропатки, скакали в сторону зайцы, а он видел перед собой только черные брови, соединенные синей полосой, и его губы шептали:

– Алое солнце залило лучами твои золотистые руки, поднявшиеся завязать шестнадцать кос, и я сказал себе: «Вот утренняя звезда, которую я сниму с неба!» Но смерть несетя за моими плечами, и мне осталась только половина дня...

Тополя и лозняк купают свои ветви в стремительно текущих мутных водах Яксарта. Река подмывает берег, и некоторые деревья держатся на корнях, наклонившись над рекой, вода в которой кружится, скользит и быстро проносит ветки, солому и коряги.

Там, где река изогнулась, образовав зеленый поемный луг, в траве и камышах рассыпаны сотни две лошадей. Одни из них ходят вокруг вбитых в землю приколов, другие стреножены и, подпрыгивая, медленно ковыляют с места на место.

Большая часть лошадей мелки, тощи. Спины их покрыты кусками войлока или выцветшей дерюги. Здесь не видно нарядных аргамаков, цветных чепраков и серебряных украшений.

Когда вороной Спитамена показался из-за бугра и пронзительно заржал при виде лошадей, из-под тополей выбежало несколько скифов в остроконечных шапках.

– Шеппе-Тэмен, ты с нами? Здравствуй, Шеппе-Тэмен! – кричали грубые голоса, и несколько саков, с горящими черными глазами, с длинными, падающими на плечи волосами, схватили потного, взмыленного жеребца и привязали к дереву. – Здесь уже кричали, что ты продался Будакену, что он купил тебя своим конем!..

Спитамен взобрался на толстый ствол упавшего тополя. Перед ним на склоне берега, тесно прижавшись друг к другу, сидело множество кочевников в различных одеждах. У одних широкие полосатые шаровары подхвачены у щиколоток ремешками. Другие завернули шаровары выше колен, их одежда еще мокра: они переплывали реку с другого берега.

Спитамен заговорил:

– Будакен не мог меня купить. Я с бою взял его Буревестника. Будакен разжирел, он дружит с князьями, он выдает дочь за князя. Он потерял счет своим баранам. Но один ли он ходил в походы или вместе с нами? Один ли он дрался, или все мы выручали его в боях и теряли свои головы?

– Верно, верно! Кто же этого не знает! – раздавались голоса.

– Почему растут его стада? – продолжал Спитамен. – Потому что у нас они убывают. Сколько слуг у него – и все присматривают за его богатством. Если он даст кому-либо корову, то на другой год надо вернуть ему и корову и теленка.

– Но что же делать? Будакен силен и богат, и все князья заодно с ним.

– А разве вы забыли все старые обычаи, что всякий работник, всякий слуга свободен и может уйти от хозяина, если двадцать один воин захочет образовать свой отдельный род, прокричать свой боевой клич, поселиться отдельным кочевьем?

– Но как же мы начнем свой новый род? – закричал тощий старик с седой козлиной бородой. – У нас не хватает скота, чтобы прокормить молоком и сыром наших детей. Нет баранов, чтобы собрать шерсть, из которой наши женщины соткут нам одежды. Будакен и князья дают от своей щедрости беднякам, когда у них чего-нибудь не хватает...

– Молчи, козел Сагил! Довольно хвалить Будакена! – закричали голоса. – Ты подослан Будакеном? Или ты сам пришел, чтобы освободиться от него? Пусть говорит Шеппе-Тэмен, что нам надо делать.

Спитамен обратился к тому скифу, которого обвинили в том, что он подослан Будакеном:

– Я знаю тебя, хотя и вижу в первый раз. В твоём шатре пищит, наверно, столько детей, что ты каждое утро дрожишь от мысли, как их прокормить. Но ты до смерти останешься с петлей на шее, и конец веревки всегда будет под сапогом Будакена. И если ты будешь бояться, то и дети твои всегда будут работать на детей Будакена. Но если все слуги уйдут от Будакена, разве не разбредутся его стада по степи? Разве он один, без пастухов, сможет удержать все стада в своем

кулаке?

– Верно, верно, Шеппе!

– Чтобы начать новую жизнь, надо уйти подальше в степь и там растянуть свои свободные шатры. Если вначале и придется трудно, зато каждый родившийся ягненок станет вашим, и вы не понесете его Будакену. Каждого жеребенка вы будете растить для себя, а через два года уже посадите на него своего сына.

– Пусть будет так!

– Если нас соберется двадцать один шатер, то мы уйдем далеко в степь, выкопаем свой колодец и начнем на призывы выступать своей дружиной. А если двадцать один воин сделает набег на чужое, враждебное племя, то мы сразу приведем столько скота, что проживем всю зиму, не боясь голода.

Скифы стали пересчитывать, сколько всадников хотят выделиться в отдельный род, поставить в новом кочевье свои шатры. Они долго спорили, переходили с одной стороны на другую и наконец насчитали семьдесят восемь шатров.

Шатер Будакена

Сумерки затягивали степь синими паутинами, когда понурый вороной конь подошел к кочевью Будакена. Все шатры, казавшиеся черными, просвечивали яркими красными щелями от огней, горевших внутри. Около крайних шатров пылало много костров, и клубы дыма, точно борода бога Папая, завиваясь, плыли к потухающему зареву заката.

В четырнадцать больших бронзовых котлах варилось мясо лошади, коровы, барана и козы для угощения многочисленных гостей, прибывших – кто по приглашению, а большинство без всякого зова – из соседних кочевий.

Котлы были врыты в землю, по семь в линию. Под ними шли дымоходы, наполненные сухим кизяком и хворостом. Озаренные красными отблесками женщины с большими деревянными ложками возились около котлов и накладывали куски мяса в большие деревянные и глиняные миски, с которыми подходили слуги, разносившие мясо гостям, сидевшим близ шатров на коврах и камышовых циновках.

Когда Спитамен подъехал к большой пестрой палатке Будакена, к нему подбежали два скифа, стоявших у входа, и, всмотревшись, сказали, что Будакен уже много раз спрашивал о нем и зовет к себе. Они крикнули старика, полусогнутого от времени, который взял коня за недоуздок, провел рукой по шее, между передними ногами и по ребрам и покачал головой:

– Ты его совсем загонял. Придется Буревестника подкармливать ячменем месяца два, пока он опять нагуляет жир.

– Разве это баран, что ты хочешь его сделать жирным? Конь должен быть легким, как олень.

Скифы ввели Спитамена в просторный шатер Будакена. Шатер имел круглую форму. Крыша и боковые стенки, искусно сплетенные из прутьев, были затянуты белым войлоком, расшитым звездами и цветами. Посредине крыши в круглое отверстие выходил дымок, подымавшийся от небольшого костра из смолистых корней. Слуга подбрасывал пучки сухих колочек, вспыхивавших ярким пламенем, озарявшим загорелые суровые лица сидевших на коврах вокруг костра знатных скифов.

Среди гостей выделялся старый, сгорбленный князь Тамир, одетый в шелковую полосатую одежду и красный башлык, обшитый жемчугами. Рядом с ним был молодой Гелон, далее Ариасп и другие вожди родов.

С левой стороны, близ входа, висели два огромных кожаных турсука, сделанные из цельных, неразрезанных коровьих шкур, полные кумыса. Горла их были завязаны, и из каждого турсука высовывались резные деревянные ручки-болтушки, которыми два полуголых невольника с красными язвами вместо глаз, с оковами на ногах безостановочно взбалтывали любимый напиток скифов.

Около турсуков стояла огромная деревянная чаша, а возле нее другие, поменьше, из белой глины, казавшиеся рядом с большой маленькими детьми. Чаша-мать была полна кумыса, беспрестанно приводимого в движение деревянным ковшом затейливой резьбы в неутомимой руке стоявшего подле нее на коленях старого бородатого Хоша, умевшего своими рассказами веселить Будакена. Получив приказание Будакена, Хош прекратил мешать кумыс и, обтерев полою своей бурой одежды чаши поменьше, начал разливать в них напиток. Глиняных белых чаш было шесть, и в каждую вмещалось не менее пяти ковшей. Когда все были наполнены, то двое слуг, стоявших для посылки у дверей шатра, начали разносить кумыс гостям, строго разбирая возраст и старшинство.

Гости выпивали чаши до дна. И чтобы облегчить этот труд, разделяли его на несколько

приемов, делая передышки в разговорах или принимаясь дуть на поверхность пенящегося кумыса, чтобы перевести дыхание. Пустые чаши слуги тотчас отбирали и, наполнив снова кумысом, разносили остальным, менее важным гостям, которые из скромности доставали из кожаного мешка за поясом свои походные чаши^[62] и наполняли их кумысом.

Спитамен, зная обычай скифов, стоял неподвижно у входа, ожидая, когда знатный хозяин обратит на него внимание. Будакен, зорко за всем наблюдавший и делавший глазами знаки Хошу и слугам, сразу же заметил появление Спитамена. Но он должен был сохранить свою важность: не мог же он в присутствии знатных людей обратить внимание на неизвестного бедного охотника, и, только когда старый князь Тамир прошамкал беззубым ртом: «Не этот ли молодец сегодня взялся усмирить вороного Буревестника?» – Будакен сделал приветливое лицо, моргнул Хошу, чтобы тот дал Спитамену кумыса, и сказал стоявшему неподвижно охотнику:

– Проходи ближе, гость из пустыни, садись к огню.

Пройти вперед было невозможно: всюду на коврах сидели более или менее почетные гости из знатных родов. Но ведь важно показать свое гостеприимство, свою ласку даже бедному бродяге, который потом, прибавив и разукрасив подробностями, станет рассказывать об этом в кочевьях широкой равнины.

– Расскажи нам, откуда ты родом и у кого из князей ты был слугой, – сказал надменно князь Гелон.

– А также скажи, где ты научился так ловко набрасывать аркан и прыгать с земли на коня, – добавил его сосед, косоглазый князь Ариасп, прибывший из далеких восточных кочевий.

По скифским обычаям, если какой-либо бедняк на скачках, борьбе или других состязаниях выигрывал коня или ценный приз, то победитель не оставлял у себя выигранной добычи, а дарил ее какому-нибудь знатному вождю, которому был чем-либо обязан или надеялся получить его милость и в дальнейшем.^[63] Поэтому все ждали, что бедный охотник в заплатанных сапогах, даже не имеющий остроконечного башлыка, воспользуется снисходительным обращением к нему знатных вождей и одного из них объявит своим покровителем, подарив ему будакеновского коня.

Слуга с чашей кумыса в руке ждал, что Спитамен пройдет и сядет на ковре, втиснувшись между гостями. Но странный охотник продолжал стоять у дверей. Будакен метнул на него взгляд и сделал знак слуге. Тот подал Спитамену чашу с кумысом.

Охотник взял ее двумя руками и сказал свистящим шепотом:

– Мы с тобой одной крови. Пусть наш род не видит джута^[64] и не знает позора поражения! – Затем он выпил несколько глотков и причмокнул языком. – Хороши кобылицы у Будакена! Легки, как ветер, жеребцы Будакена, и одного жеребца, годного для далекой дороги, Будакен отдает бедному охотнику за щенка читы.

Будакен повернулся на месте и впился колючими глазами в невозмутимое лицо Спитамена. В раскосых карих глазах его поблескивали отсветы костра.

– Спитамену нужен конь, лук, меч и копье. Ты все это отдашь за то известие, которое я тебе сообщу и которое принесет тебе и великую радость и великое горе...

Будакен, спокойный, с приветливой и недоверчивой улыбкой, сказал, подняв плечи:

– Какую ты можешь сообщить весть, приносящую радость? Говори – и ты не уйдешь без награды.

Старый князь Тамир затряс головой:

– Кто пришел в шатер однажды с доброй вестью, тому хозяин при встрече всегда будет говорить: «Привет! Заходи еще!»

– Верно, – ответил Спитамен. – Но старые люди также говорят: «Кто приносит дурную

весть, того все потом обходят за тысячу шагов». Пусть не обидятся гости, что я скажу несколько слов на ухо хозяину... – И Спитамен, легко проскользнув между сидящими, нагнулся к большому уху Будакена с тяжелой золотой серьгой в отвисшей мочке и прошептал несколько слов.

Будакен, несмотря на то, что всегда умел скрывать свое горе и радость, не удержался. Он закрыл лицо большими квадратными ладонями и стал раскачиваться на месте с глухим стоном.

Все затихли, с удивлением глядя на обычно спокойного и величественного главу скифского рода, а Спитамен проскользнул обратно к входу и принял прежнюю окаменевшую позу, держась руками за ременный пояс.

Будакен поднялся и грузными шагами вышел из шатра.

Все молчали и слышали, как Будакен стоял у входа, тяжело вздыхая. Вздохи его напоминали стоны верблюда. Потом он вернулся в шатер, невозмутимый, как всегда, и сел на свое место.

Недоверчивыми глазами он впился в Спитамена:

– Ты хочешь коня, лук, меч и копье? На какую же войну ты собираешься?

– На войну с Двурогим!

– О какой войне говорит этот оборванный охотник? – воскликнул нетерпеливый князь Гелон. – Для охоты на двурогого тура не нужно меча.

Тогда Спитамен указал рукой на юг:

– Взгляните туда – в степь. Занятые праздником, вы не замечаете тревожных сигнальных огней, загоревшихся на курганах.

Тревожные огни

Войлоки с боков шатра были закинута на крышу, чтобы дать доступ свежему воздуху. Сквозь легкую деревянную решетку все увидели в ночном мраке вдали несколько красных точек. На сторожевых вышках, непрерывной цепью тянувшихся из глубины кочевий до первых укрепленных поселков Сугуды, разгорались огни. Ни одно движение отрядов согдийцев, паропамисадов или других племен не могло пройти незамеченным. Сторожевые скифы, день и ночь наблюдавшие на своих вышках, в случае наступления неприятеля немедленно зажигали соломенные жгуты, накрученные на высокие шесты. Через несколько часов вся степь на сотни верст кругом знала, что надо стягивать отряды к заранее условленным местам на перекрестках дорог и быть готовыми к защите родных стад и кочевий.

Увидав красные огни, все князья вскочили и выбежали из шатра. Всякий по-своему объяснял эти тревожные сигналы:

– Сделали набег массагеты? Но мы с ними заключили взаимный договор о дружбе. Может быть, возвращаются наши отряды, ушедшие год назад по требованию царя царей Дария? Или объявили войну согды? Но согды любят торговать, а не сражаться...

Будакен распорядился зажечь на кургане сигнальный огонь. Двадцати скифским воинам он приказал накормить лошадей, приготовить оружие и взять в переметные сумы ячменя на три дня.

На вышке, сложенной из хвороста и верблюжьих костей, слуги подняли высокий шест, обмотанный соломой. Уже года два в степи было спокойно, никаких сигналов не подавалось, и шест, сваленный бурей, лежал без надобности. Скиф принес в горшке углей и поджег солому на шесте. Она вспыхнула, пламя лизнуло верхушку шеста и осветило гудящую толпу тревожно толпившихся скифов.

Через час нужно ждать гонцов с ближайшего сторожевого поста. Они приедут получить распоряжение Будакена, а может быть, привезут известия о том, что случилось, какая беда надвигается на степь.

Одни из гостей бросились разыскивать стреноженных коней, другие вернулись в шатер Будакена и сели на коврах, споря и волнуясь. Сквозь решетку потянул холодный ветер, и слуги набросили на плечи знатнейших стариков шубы, крытые серым шелком и подбитые лисой, соболем и куницей.

Будакен усадил около себя Спитамена. Он хотел выведать от странного охотника все, что тот знал. Недоверчивый, он в то же время сомневался: не лазутчик ли это, посланный неведомым врагом? Хозяин ничем не выказывал своей тревоги, своей радости или горя.

Особенно кричавшим он добродушно говорил:

– Еще неизвестно, что за враг и где он. А вот если ты не поешь жаренного на вертеле мяса молодой необъезженной кобылицы, то твоя душа затоскует.

Будакен расспрашивал Спитамена и хотя узнал немного, но и этого было для него достаточно, чтобы признать охотника в будущем полезным для себя.

Немного помолчав, он сказал:

– Ты, Спитамен, останешься у меня до завтра, когда не будет остальных гостей, которых всех надо накормить и оказать им почет. Завтра же я тебе выберу из моих табунов самого настоящего саурана, с темной полосой на спине.^[65] Он пригодится для длинной дороги. А Буревестник не годится для тебя. Он уже семь лет водит свой косяк в тридцать кобылиц и, оберегая табун от волков, истощил свои силы. Поэтому Буревестник и пришел таким измученным после скачки. Но Буревестник знаменит тем, что все жеребята, рожденные от него,

имеют маленькую голову, всегда торчащие уши, изогнутую шею и прямые, как стрелы, сухие ноги с маленькими копытами без волос на бабках.

– Это верно. Все в степи издали узнают жеребят от Буревестника, – подтвердил князь Тамир. – Они не идут, а пляшут, у них не голова, а песня, не ноги, а крылья сокола.

Спитамен молчал, опустив глаза, сидя на пятках, протянув руки вдоль колен. Лицо его оставалось неподвижным, как придорожный камень в степи. Он понимал, что Будакен не хочет расстаться с Буревестником, и ждал, что еще хозяин предложит вместо него.

Будакен добавил:

– Ты получишь саурана вместе с чепраком и уздечкой, украшенной белыми ракушками, предохраняющими от дурного глаза.

Так как Спитамен продолжал молчать, Будакен добавил:

– Ты еще получишь копье с железным наконечником ^[66] и тогда поедешь в Мараканду моим проводником.

Раскосые глаза Спитамена продолжали глядеть на ковер. Свет от костра играл тенями на его неподвижном лице.

– Ну что же ты хочешь? Почему не благодаришь? – проговорил князь Гелон. – Скорее соглашайся. Кто, кроме Будакена, способен сделать такой щедрый подарок?

Тогда Спитамен процедил сквозь зубы:

– Подари мне стрелу, затерянную в траве...

Будакен покосился одним глазом на Спитамена. Он почувствовал особый смысл в словах охотника.

– Подари мне сокола, улетевшего в небо. Подари мне невольницу, развязавшую верблюда...

Будакен стал смеяться. Глаза обратились совсем в щелки, и от носа по лицу протянулось множество морщинок. Его большое, грузное тело тряслось, и, глядя на него, стали смеяться остальные гости.

– Это уже слишком много! – воскликнул князь Гелон. – За котенка читы спросить молодого коня с копьем и рабыню – это чрезмерно! Он забыл, с кем говорит, этот охотник, пришедший пешком, как нищий.

Спитамен поднял на князя Гелона угрюмый взгляд, сверкнувший угрозой, и сказал:

– Почему ты жалеешь больше, чем Будакен, владелец коня? Разве трудно подарить непойманную рыбу в воде и тень от облака? Почему Будакен медлит? Ведь эта невольница все равно уже им потеряна. Она убежала на верблюде, и ее не поймать, как улетевшую с цветка пчелу.

Тогда старый князь Тамир раздраженно проскрипел:

– Эта невольница молодец! И мне она о-о-очень понравилась. Около нее, вероятно, всякий помолодеет. Если Будакен мне ее уступит, то я заплачу за нее девять кобылиц.

Будакен перестал смеяться. Вскочив с легкостью, которую нельзя было подозревать, видя его большое, грузное тело, он хлопнул в ладоши, но слуг вблизи не было, они ушли за конями торопившихся с отъездом гостей.

Громким голосом Будакен закричал в темноту, призывая слуг:

– Мармер, Мава! Где вы? Идите сюда!

– Здесь, мой хозяин, – ответили невдалеке голоса, и из темноты вынырнул на свет костра юноша в синей одежде с уздечкой в руке.

Будакен пошептался со скифом. Он не сердился, не кричал, ничем не показывал, рассержен ли он бегством невольницы. Он слишком ценил присутствие старых князей, чтобы при них выказать свой гнев из-за ничтожной рабыни, которая для всякого свободного воина должна быть не дороже потерянного тюка с соломой.

Будакен вернулся на свое место, опустил на колени, потом откинулся на пятки. Его лицо было приветливо, как всегда.

– Ты просишь кольцо, упавшее в колодец, стрелу, улетевшую в камыши. Ты прав. Рабыня, развязавшая верблюда, до сих пор назад не вернулась. Если бы не эта военная тревога, когда надо всех молодцов сажать на коней, я бы сейчас разослал по степи двести моих воинов, и завтра беглянка сидела бы в яме, с кольцом в носу и с тавром Будакена, выжженным на лбу. Князь Тамир хочет купить эту рабыню. Я слишком высоко ценю князя, чтобы осмелиться сделать ему подарок, которого у меня нет в руках.

– Но если я сам подниму стрелу, выпавшую из твоего колчана, ты не потребуешь, чтобы я отдал ее?

И Спитамен глядел на Будакена, ожидая решительного ответа.

– Мало ли у меня других стрел! – ответил небрежно Будакен.

Спитамен наклонился перед Будакеном и сказал:

– Я буду тебе проводником и буду охранять тебя и твоих коней, если ты возьмешь меня с собой отыскать то, чего ты ждешь...

Будакен был доволен отказом Спитамена от вороного. Больше всего любил он коней, затем сына, ушедшего по вызову персидского царя Дария, потом уже все остальное. Чего будут стоить его косяки кобылиц, если не будет Буревестника? Теперь все кочевья станут рассказывать, что Будакен не пожалел за вороного отдать оседланного саурана и молодую невольницу, что он предпочитает женщинам боевого коня, и Будакен радовался своей мудрости.

Гонец из Сугуды

В конце кочевья вдруг раздались вопли и крики.

– Это едут гонцы, – сказал старый Тамир, прислушиваясь и грея над костром восковые руки.

Другие гости вскочили и выбежали из шатра. Шум усиливался, слышался топот лошадей и бегущего народа. Несколько скифов с копьями в руках выстроились у входа в шатер, где остались только Будакен, Тамир, Гелон и Спитамен.

– Все пропало! Все погибло!.. – вопили женские и мужские голоса. – И мы все погибнем! За что Папай гневается на нас!.. Что поделает могучий Будакен, если сам Папай гневается!..

– Введите гонца и никого больше не впускайте в шатер! – прогремел властный, по-новому зазвучавший голос Будакена.

Он встал, расставив широко ноги в замшевых сапожках, расшитых бисером, снял со стенки пояс с коротким мечом, надел его и взял в руки оправленную в золото плетку с двумя хвостами.

– Не напирайте! Отойдите! – кричали скифы. – Пропустите гонца!..

Раздались шлепки и вскрикивания: это слуги расчищали дорогу гонцу и его провожатым.

В шатер вбежал бородатый человек в разодранном богатом персидском кафтане, в широких шелковых штанах, расшитых цветными узорами. Его длинная борода и завитые волосы были растрепаны. Глаза дико блуждали. Он размахивал коротким персидским мечом.

– Кто князь Будакен? Ты или ты? – обращался гонец то к старому Тамиру, то к Будакену.

– Что произошло? – спросил Будакен. – Чего ты кудахчешь, как испуганная курица, оставившая в зубах лисицы свой хвост?

– Все пропало! – в отчаянии воскликнул гонец и опустился на пестрые подушки, грудой лежавшие на ковре.

– Все пропало! – подхватили голоса за шатром.

Вопли и крики прорезали тишину ночи. Затем все затихли, прислушиваясь, что скажет Будакен.

– Ну, рассказывай: что пропало? – мрачно спросил Будакен, продолжая стоять.

– Скифские отряды, которые год назад были вызваны царем царей Дарием... Не могу говорить, дайте пить!..

– Дайте ему кумысу, чтобы остыла его голова! – приказал Будакен.

Слуги, отставив копья, нацедили кумыс из турсука в чашу и подали ее гонцу.

Тот отпил немного, вздохнул и жалобным голосом простонал:

– Все погибли! Все до одного перебиты Двурогим!

Все присутствующие взглянули на Будакена. Они знали, что с этим отрядом ушел и любимый сын Будакена, Сколот, и с ним двадцать молодых его родичей, не считая простых воинов.

– Где наши сыновья, наши братья, наши мужья? – завопили снова голоса за решеткой шатра.

Блестящие глаза припадали к прутьям решетки, руки со скрюченными пальцами просовывались внутрь:

– Отдай их нам назад, Будакен! Это ты отослал их из наших степей в далекие страны.

Будакен стоял по-прежнему, расставив широко ноги. Его челюсть отвисла, щеки подергивались, глаза скосились на кончик носа, и рука дрожала так, что два конца плетки извивались, как хвосты змей.

– Выпороть его! – прогремел Будакен и, шагнув через костер, стал хлестать плеткой и

толкать ногой испуганного гонца. Чаша выпала из его рук, и белый кумыс разлился по шелковым подушкам. – Выпороть его, сказал я! Чего вы смотрите, вислоухие бараны! – И, схватив одного слугу за плечо, Будакен швырнул его в сторону сжавшегося гонца.

Скифы бросились к нему, вытаскивая из-за спины плетки. Они знали гнев Будакена. Князь гневался редко, но в гневе был страшен и не раз, рассердившись, душил провинившегося.

– Держите его за ноги и голову! – гремел, задыхаясь от ярости, Будакен. – Держите крепче! Я сам буду пороть его. Сумасшедший верблюд! – кричал он и бил двуххвостой плеткой по извивавшемуся телу гонца.

Перепугавшийся гонец сперва от страха молчал, а потом стал кричать неистовым голосом.

Толпа снаружи шатра примолкла, и множество блестящих глаз смотрело сквозь решетку.

– И те, кто послал тебя, – сумасшедшие верблюды! Не сумели послать другого, поумнее! Ты хочешь всполошить всю нашу степь, чтобы все кочевья снялись и ушли отсюда за горы к исседонам, а на наше место пришли ваши согдские пастухи со стадами? Может быть, не все пропали? Говори!

– Может быть, не все! – завопил гонец.

– Где пропали? – гремел Будакен, продолжая наносить удары.

– Там!.. – орал гонец.

– Где там?..

– В Персии...

Послов не убивают

Тогда Спитамен, с улыбкой наблюдавший избиение гонца, приблизился к Будакену и крепко схватил его за руку, готовую наносить удары бесконечно.

– Довольно, Будакен! Ты забыл правило: послов не бранят и не убивают. Послу смерть запретна...

Будакен хотел вырвать руку, но Спитамен удержал ее.

– Теперь он уже вернул свой рассудок, – сказал, посмеиваясь, старый Тамир. – Он не станет больше кудахтать. Пусть теперь спокойно расскажет, что случилось. Дайте ему свежего кумыса.

– И подложите побольше подушек – ему трудно сидеть, – добавил Спитамен.

Будакен обошел костер и, еще задыхаясь, сел на свое место. Его широкая грудь со свистом вздымалась. Он глядел безумными глазами. Весть гонца его так же поразила, как слова, сказанные на ухо Спитаменом, но он все еще не хотел этому верить. Его тревожила судьба сына. Неужели он убит и нет никакой надежды увидеть его снова молодым, смелым, похожим на Будакена в молодости?

Гонец лег на бок. Его обложили подушками. Слуги свистнули двух серебристо-серых поджарых борзых, которые быстро вылизали с ковров и подушек пролившийся кумыс. Гонец пытался отпить кумыса, его зубы стучали о край золотой чаши, слезы еще лились по щекам, и он озирался на Будакена, как затравленный зверь.

Старый Тамир успокаивал гонца:

– Ты же мужчина! Ты должен был приехать молча, обратиться к князьям или выборным лучшим людям. Затем мы обсудим, соберем всех и придумаем, что делать. Помнишь сказку, как одна крупинка града упала на мышшь, а она, испугавшись, побежала по степи и стала кричать, что идут несметным войском враги и стреляют в нее из луков? Ведь тогда все звери в степи поверили и убежали в горы. Так ты того же хочешь?

Будакен заговорил, обращаясь к гонцу, и голос его снова был тверд и непроницаем:

– Вернулась ли твоя душа обратно в селезенку?

Гонец молчал и старался незаметно смахнуть с глаз слезы.

– Теперь скажи нам, кто ты, как твое имя, от какого отца приходишь и от кого бежишь.

Рассказ о двурогом

– Меня зовут князь Оксиарт, сын Амюрга, из рода наследных владельцев города Курешаты.^[67] Я поставщик корма для лошадей правителя Сугуды Бесса.

Князья переглянулись. У всех мелькнула мысль: «Если это близкий человек Бессу, всеильному сатрапу^[68] Сугуды и Бактры, то не поступил ли опрометчиво Будакен, избив такого знатного персидского чиновника?»

Старый князь Тамир сказал мягким, вкрадчивым голосом:

– Отчего же ты не сидишь вместе с великим правителем за столом совета, а носишься по степи, как верблюд с подожженным хвостом, тревожа сердца мирных скотоводов, доителей кобыл?

Гелон прибавил:

– Правитель Бесс уехал год назад с войском от всех племен Сугуды, Бактры и саков, чтобы наказать дерзкие народы, оскорбившие царя царей...

Поглядывая недоверчиво и угрюмо на безмолвного Будакена, Оксиарт начал:

– Что может сделать великий царь, если против него пошел сам бог, вышедший из моря, повелевающий демонами? Он не похож на обыкновенных людей. У него из глаз вылетают молнии и убивают все кругом. Он в два раза выше обыкновенного воина, и на голове его растут рога, завитые, как у горного барана... Когда он говорит, то люди падают на землю, как от грома. Он сын злого бога Аримана и священной змеи Ангро-Майнью. Бог Ариман даровал ему силу и злой разум, а змея наградила его хитростью, так что все народы бегут от его войска, как овцы от пожара, когда загорается высохшая степь...

Все скифы, разинув рты, слушали перса и не знали, верить ему или нет. Слишком невероятными казались его рассказы.

Послышались отрывистые вопросы:

– Ползает ли он на брюхе, как змея?

– Есть ли у него хвост?

– Видел ли ты его своими глазами?

– Если бы я его видел, разве мог бы я тогда появиться здесь? Все гибнут от его взгляда...

Все замолчали. Скифы, припавшие к решетке снаружи шатра, затаили дыхание, ожидая, что скажут вожди. А князья, опустив глаза, хитро выжидали, кто выскажется первым.

Спитамен посматривал на всех узкими карими глазами. На его губах змеилась усмешка.

– Что же, князья, вы молчите? Ведь надо поторопиться, а не то Двурогий, сын Бога, происшедший от змеи, пожрет всех скифов, как журавль лягушек. Убегайте к исседонам или к черносвитам.^[69] Там круглый год идет снег. Может быть, туда не пойдет за вами Двурогий?

Будакен почувствовал насмешку в словах Спитамена.

– Саки не бегут от слухов, которые принесла на хвосте согдская сорока! Разве не приходил к нам в степи непобедимый царь царей Куруш,^[70] чтобы нас наказать? Не наши ли соседи массагеты отрезали ему голову и положили в мешок с кровью, чтобы он напился досыта? А мы, саки, и сильнее и многочисленнее массагетов.

– Верно! Верно! – очнулись скифы. – Чего нам бояться? Кто может прийти в наши беспредельные степи?

Спитамен заговорил опять:

– Если саки забыли, что надо сделать, когда на них идут враги, то позовите певца. Пусть он споет старые песни. В них наши деды заповедали все, чего мы не должны забывать.

– Позовите Саксафара! – раздались голоса снаружи шатра. – Пусть он споет наши старые

песни!..

Песни Саксафара

Саксафара разыскали и сейчас же привели. Тощий, согбенный, с развевающимися седыми волосами, он был одет очень бедно, в коричневую грубую одежду из верблюжьей шерсти, и подпоясан ремнем с множеством металлических украшений, куколок и талисманов. На ногах были широкие желтые сапоги, из которых виднелись войлочные чулки. Немигающие выцветшие глаза смотрели вверх. Он шел с протянутыми вперед руками, ощупывая встречаемых. Скифы усадили его на почетном месте. Перед ним положили плоский треугольный ящик с натянутыми струнами.

Саксафар опустил пальцы на струны и сказал слабым, старческим голосом:

– Привет вам, смелые товарищи рода Тиграхауда и Роксонаки! Я не вижу ваших лиц – они скрыты от меня вечной темнотой, но я помню ваших отцов и дедов. Я так же пел им песни, как пою вам, и они повторяли доблестные древние слова, когда бросались в битву...

– Спой нам, Саксафар! Пусть сердца наши разгорятся гневом!

Зазвенели струны под десятью старческими искривленными пальцами, и Саксафар запел высоким, звонким голосом, дрожащим в ночной тишине:

Первая песня

Если вы хотите, чтобы солнце золотило загаром
Смеющиеся лица наших гололобых детей,
Чтобы круглые животы наших женщин
Дарили новых крикунов боевого клича «улала!»,
Чтобы задорно плясали шестнадцатикосые девушки
И звонко перекликались злобные жеребцы,
Скача вокруг косяков сладко пахнущих кобылиц, —

Проверьте стрелы вашего колчана,
Натянуты ли туго ваши луки?

Дожди увеличивают воду в колодцах,
А кобылицы наполняют кумысом кожаные турсуки.
Если мальчик научится крепко бить чужие скулы,
Он со смехом встретит огненное мгновенье,
Когда над ним зазвонят цепи смерти.
Если увидите вспыхнувшие дымные огни
На далеких сторожевых вышках курганов,
Сзывайте товарищей, спешите на перекрестки дорог!

Готовы ли кони? Отточены ли мечи?
Натянуты ли туго ваши луки?

Вторая песня

Улала! Скифы! Слышите ли призыв?
Еще дрожат в горячем ветре,
Как змеи, вставшие на хвост,
Голубые дали наших степей...

Видите ли, точки движутся вдали?
Это опять показались двуногие шакалы.
Мы должны догнать их
На наших неутомимых бегунцах
И пронзить стрелами их хребты!
Улала! Скифы! Слышите ли призыв?..

Не бросай раненого на поле битвы,
Если за тобой гонятся десять врагов,
Вспомни отважного Сакмара.
Он поочередно убил девять
Гнавшихся за ним паропамисадов
И привел на аркане десятого...

Ты слышишь топот погони,
Натянут ли туго лук?
Завлекай врагов на солончак,
Где завязнут их тяжелые кони.
Притворись, что ты очень боишься
И хочешь спастись от погони...

Улала! Скифы! Вы слышите ли призыв?..

Третья песня

Если спросить совета у зайца,
У него задрожит хвост и он покажет пятки,
Спроси совета у наших богатырей,
Они подымут секиру и крикнут боевой призыв «улала!».

Вынимайте широкие ножи!
Точите их на черном камне!..

Если четыре человека в союзе,
Они достанут звезду с неба;
Если восемь богатырей в разладе,
Они потеряют то, что у них во рту...

Тигр рвет одинокого волка,
Но, когда выводок семи волков-братьев

Завоет свою песню смерти, —
Тигр, ворча, уползает в глубину камышей.

Скифы, спешите скорее на помощь,
Когда услышите наш призыв «улала!».

Четвертая песня

Не верьте, товарищи, длиннобородым послам!
Лапы больного волка кусают шакалы,
А раньше они извивались на спине,
Когда видели тень его хвоста...
На черном камне наточите ножи!

Склоняйте головы только перед стариками
И воинами-товарищами, павшими в битве!
Длиннобородые персы хотят набросить на нас петлю,
Но они помнят змеиный свист нашей стрелы.
На черном камне наточите ножи!

Великий Куруш был царь царей,
Он хотел надеть цепи на скифов.
Но что осталось от тысячи его дружин?
Мы сделали их падалью, растаскиваемой шакалами!
На черном камне наточите ножи!

Мы отрезанную голову великого Куруша
Напоили кровью в кожаном бурдюке.
А черепами его бесчисленных воинов
Играли дети во всех скифских шатрах...
На черном камне наточите ножи!

Великий Кир был царь царей,
Но лучше бы он сидел на ковре в своем саду,
Слушал пенье своих четырехсот жен,
Но не беспокоил осиное скифское гнездо...
На черном камне наточите ножи!

Пятая песня

Пусть жеребят наших боевых коней
Воспитывают и холят нежные женские руки,
Чтобы наши кони имели такую же легкую походку,

Как наши звенящие бусами, длиннокосые девушки,
Таковую же гордую свободную осанку,
Как наши женщины, идущие с кувшинами к колодцу.

Женщины передадут жеребят старикам,
Научившимся сдерживать свой гнев,
И мы будем радоваться, видя, как двухгодовики
Обгоняют испытанных в беге старых скакунов.

Пусть наших коней холят женские руки!

Наши кони не знают, что такое далеко.
Да будут прокляты те скифы,
Которые жмурят глаза, слыша звон золотых монет,
И уступают купцам своих вспотевших коней,
Проскакавших соленые степи!

Наши мохнатые пегие кони
Издали внушают ужас врагам,
Налетают, как песчаный смерч,
И исчезают, как дым разметанного костра.
С нашими конями мы не знаем, что такое далеко!

Пусть наших коней холят нежные женские руки!

Шестая песня

Скифы! Наше одеяло – синее небо со светящимися жуками.
Пускай персидские храбрецы, запершись в башнях,
Слушают журчанье прохладных канав
И расценивают урожай своих тучных земель,
Политых потом рабов, купленных у нас.
Пускай лежат на коврах в тутовых рощах,
Ловя ртом осыпающиеся сладкие ягоды.

Пускай хвалятся перед запыленными путниками
Высокими стенами, окружающими их дома,
Набитые пуховыми подушками
И мешками с шафраном, мускатом и финиками.

Вы, скифы, бойтесь спать в каменных ящиках,
Где бесшумно сквозь цветные занавески
Проскальзывает отточенный тонкий нож
И навсегда опускается темное покрывало
На глаза, видящие во сне наши голубые степи...

Мы, скифы, живем, как степные колючки,
Любим порывы пахнущего полынью ветра,
Ночной вой шакала, соленую воду колодца,
Дымок костра, карабкающийся к небу,
И наше одеяло – синее небо со светляками-жуками.

Скифы внимательно слушали старинные песни Саксафара. Женщины вздыхали, бессильные старики плакали, могучие воины вскрикивали и потрясали волосатыми руками. Когда Саксафар пел известный любимый припев: «Улала! Скифы! Вы слышите призыв?» или «Точите ваши ножи на черном камне!» – все подхватывали припев и громко пели грубыми, сильными голосами.

Кто-то закричал:

– Саксафар! Спой песню Афрасиаба!^[71]

– Спой, Саксафар, про гнев Афрасиаба!

Тогда Саксафар поднял тусклые глаза к небу, покачал седой головой и запел любимую боевую песню скифов:

Афрасиаб воскликнул: «Я иду в поход!
Выкрасьте хною хвост моего коня!
Персы продают наших девушек на базарах.
Эта мысль переворачивает мое сердце!»

И все слушавшие скифы хором подхватили припев:

Афрасиаб воскликнул: «Я иду в поход!»

Старый певец продолжал:

Все старые воины окружили разгневанного Афрасиаба
И заплескали в ладоши, услышав про поход.
Женщины развели огни и опустили в котлы мясо,
А юноши бросились в табуны выбирать себе коней.

Афрасиаб в первый же день отправил вперед разноцветный шатер
И приказал его ждать на перекрестке у Горьких колодцев.
На третий день Афрасиаб сел на коня с красным хвостом
И сказал женщинам: «Заботьтесь сами о стадах».

Афрасиаб двинулся в поход. Вся равнина дрожала от страха.
На пограничных персидских башнях зажглись трепетные огни.
Афрасиаб вторгся, как разлив реки.
Двести тысяч черных башлыков следовали за ним.

Горы не могли удержать натиска Афрасиаба.
Не расседывая коней, воины его переплывали реки.
Персы, бросая дома, бежали на вершины скал.
Крепости стояли пустые, с раскрытыми воротами.

Семь дней кровавым облаком было затянуто небо,
На восьмой день снова запылало солнце.
Тогда Афрасиаб воскликнул: «Поворачивайте коней,
Вытирайте мечи волосами персиянок!»

Афрасиаб со славой вернулся в степи.
Тысячи груженных верблюдов следовали за ним.
Скифы пили из вражеских черепов кумыс, сидя перед шатрами,
И пели песни про поход разгневанного Афрасиаба.

* * *

Тем временем князя, не обращая внимания на песни, близко склонив головы друг к другу, шепотом обсуждали, что предпринять ввиду тревожных странных слухов из Согдианы.

Гелон сказал:

– Надо всем разъехаться по своим кочевьям и дать знать другим родам кочевников, чтобы все готовились отогнать стада дальше, за Оксианское море.

Будакен зацокал в знак несогласия:

– Зачем торопиться? В Сугуде я имею друзей. Сам сатрап Бесс принял от меня в прошлом году в подарок пару жеребцов и звал приехать к нему в гости. Уже несколько лет мы с согдами пили из чаши мира, обещая прекратить набеги. Я завтра сам выеду в Сугуду с двадцатью воинами и узнаю, какие последние известия получены от царя царей и кто такой Двурогий победитель, о котором рассказывают сказки.

Старый князь Тамир потряс одобрительно своей высохшей головой и стал тихо говорить, обращаясь к Будакену:

– Ты постарайся проехать всю Сугуду насквозь, до самой границы на Оксе, где переправа в Бактру. Внимательно смотри и слушай, не затевают ли чего-нибудь вредного для нас эти хитрые изготовители сладкого вина, от которого мы теряем рассудок. Через каждые три дня ты будешь посылать одного воина с новостями. Если же обнаружится большая опасность для нас, пошли гонца с приказом, чтобы на курганах зажгли двойные огни. А этот князь Оксиарт, пугающий женщин своими рассказами о Двурогом – сыне змеи, пусть останется здесь, в кочевье, до твоего возвращения. С ним надо обращаться, как с почетным заложником, но зорко присматривать, и если он попытается убежать, то сейчас же надеть на него цепи и посадить в глубокую яму.

Под звуки песен Саксафара князя утвердительно поддакивали, слушая мудрые наставления старого Тамира.

А когда Саксафар снова запел боевую песню, скифы хором подхватили:

Слышите братьев призыв?
Кличет нас голос битвы!
Чувствует наш язык

Сладкую кровь убитых... [\[72\]](#)

Славьте отвагу и силу,
Жадное славьте копье!
Давно оно крови не пило.
Пусть пьет!

Близко шакалы двуногие!..
Седлайте коней ретивых!
Силу им влейте в ноги,
Ветер вплетайте в гривы!

Пойте боя жестокость,
Пойте храбрость орла!
В вражье кровавое око
Отточенная стрела!
Улала!.. [\[73\]](#)

Невольники в яме

Поздно ночью, когда все кочевье уже спало, Будакен сам разостлал снаружи шатра войлочную попону и лег, подложив под голову свою мерлушковую, обшитую соболем шубу. Ему не спалось, он поворачивался с боку на бок и не мог успокоить взбудораженные мысли.

К нему бесшумно подошел его старый слуга Хош, опустился на колени и, сев на пятки, стал рассказывать – как делал это каждую ночь – все, что за день произошло в кочевье: сколько ячменя съели лошади гостей, в какую беду попал Кидрей, который, опившись кумысом, по ошибке зашел в шатер Чепана, уехавшего на охоту, и в темноте наткнулся на лежавшую старуху, мать Чепана, которая сорвала с него башлык. Теперь он боится возвращения Чепана, который по башлыку узнает, кто ночью заходил в его шатер.

Будакен слушал равнодушно и отпустил Хоша, приказав:

– Скажи Кидрею, чтобы утром он был готов в дорогу, с оружием и конем. Он поедет со мной в Сугуду.

Луна тихо поднималась по небу, иногда заворачиваясь в покрывало дымчатого облака. Одна из жен Будакена проскользнула к нему, посидела безмолвно в его ногах на попоне, но, не получив ни одного слова приветия, исчезла среди ночных теней.

Слова бродяги-охотника с красной повязкой на голове, сказанные шепотом, казалось, беспрерывно повторялись около уха Будакена разными кричащими, резкими голосами: «Я говорил с человеком, который видел твоего сына. Твой сын Сколот жив, но он стал рабом...»

И Будакен не находил успокоения. Он смотрел вдаль на залитые голубым светом луны равнины, где уже погасли все мерцавшие вечером огни, и вспоминал сына – высокого, стройного, затянутого в хорошо сидящий на нем темный чекмень, искусно расшитый руками мастериц-рабынь. Прощаясь, сын смеялся, показывая ровные белые зубы. Он забрал с собой двух рослых коней – сыновей Буревестника... И вот теперь этот веселый, смелый юноша, быть может, прикован к мельничному колесу, которое он должен вертеть, погоняемый бичом надсмотрщика. Ведь скифов за их силу всегда ставили на самую тяжелую работу. Или ему выкололи глаза, как невольникам самого Будакена, взбивающим кумыс, и его Сколот дробит большим пестом пшеницу в ступе.

Ярость и отчаяние охватывали Будакена. Тяжелые вздохи, точно из кузнечного меха, вырывались из его широкой груди. «Нельзя тратить ни одного лишнего дня – надо ехать вместе с бродягой-охотником и разыскать того человека, который видел Сколота. Через него нужно будет послать известие сыну и обещать выкуп, хотя бы он равнялся половине всех его стад».

Вой, звериный, протяжный, отчетливо пронесся над заснувшим кочевьем. Будакен внимательно прислушался. Раньше он никогда не обращал внимания на такие крики, но сейчас приподнялся, сунул свои толстые ступни в меховые полусапожки и грузно пошел в направлении воя.

Будакен обходил спящие в разных положениях фигуры, спугнул нескольких собак, миновал последние шатры и подошел к яме, из которой несся прерывающийся вой. Какой-то человек сидел на краю ямы на корточках.

– Кто ты и что здесь делаешь? – окликнул Будакен.

– Я наблюдаю человеческую судьбу! – ответил знакомый свистящий голос. – Вот что может случиться с каждым из нас.

Луна вынырнула из дымчатого покрывала, и Будакен узнал Спитамена. Он держал длинный прут, на конец которого надевал куски лепешки и опускал в яму, откуда неслись вой и крики.

Лунный луч, падавший в глубину ямы, освещал пять человеческих фигур. Все они были

скованы за ноги одной цепью. Четверо, толкая друг друга, вытягивали руки, стараясь схватить лепешку на пруте. Пятый лежал на дне, прикованный к одному из прыгавших, и выл диким, звериным голосом. Четверо, не обращая внимания на лежавшего, наступали на него, стараясь подпрыгнуть выше. Все находившиеся в яме были рабы Будакема, не желавшие исполнять его приказания. Они были бестолковы, не понимали скифского языка и постоянно пытались убежать на родину.

Будакема присел на краю ямы. Посмотрел вниз, на обросших волосами длиннорыдых людей, протягивавших к нему руки и кричавших непонятные слова. Из ямы несло ужасным зловонием. В нее скифы кидали отбросы еды, и там же скованные рабы отправляли все свои естественные надобности.

«Может быть, и мой сын тоже хочет убежать на родину, тоже сидит в зловонной яме, вырывая у других обглоданные кости?»

– На каком языке говорят они? Где находится их родина? Они, как одержимые демонами тьмы, кричат такие слова, которых не понимает никто в кочевье, даже жрец Курсука, который разговаривает в грозу с самим богом Папаем.

Спитамен стал задавать невольникам вопросы на разных языках, которые он изучил во время своих скитаний. Они все замолкли, стали прислушиваться и затем наперебой начали отвечать хриплыми, простуженными голосами. Спитамен переводил их ответы внимательно слушавшему Будакеме:

– Вот этот, с волосами, закрученными вокруг головы, из страны тохаров. Он сопровождал караван, везший в Вавилон шелка и драгоценные камни. Массагеты напали на караван, разграбили его, а всех взятых в плен купцов и проводников продали в рабство соседнему племени. Вот эти два, с длинными бородами и тонкими, как палки, руками, родом из Гиркании. Те же массагеты, пробравшись горными тропами, внезапно ночью напали на их селение, подожгли его и увели с собой людей, лошадей и верблюдов. Они оба сделали рабами, но хозяева не хотели их держать, так как у них нет сил, чтоб работать. На родине они были магами, молились богам и изгоняли из больных злых демонов, поэтому они лучше хотят сидеть в яме, чем вертеть мельничный жернов.

Четвертый говорил на языке, из которого Спитамен не мог понять ни одного слова. Среди длинной речи иногда слышались названия городов: Тир, Сидон, Иерушалаим,^[74] но, что он хотел сказать, оставалось тайной.

– У него кудрявые волосы и черные глаза, – объяснял Спитамен. – Может быть, он из той сатрапии, где главный город Иерушалаим. Он похож на жителя той страны, лежащей на берегу моря. Пятый же болен, покрыт язвами, в которых завелись черви. Он говорит на языке явана, того народа, из которого вышел Двурогий царь; но он безумен, его речи бессвязны, целые дни он писал острым камнем на стене ямы слова и рисовал людей и лошадей, мешая спать другим. Товарищи избили его, чтобы он лежал тихо.

Будакема встал и пошел обратно к своему шатру. Зловонный запах преследовал его. Около шатра он увидел скифа, крепко спавшего на спине, с раскрытым ртом. Будакема закрыл ему своей широкой ладонью рот и зажал ноздри. Через несколько мгновений задыхающийся скиф вскочил и уставился на Будакема бессмысленным взглядом.

– Уже светает, пора собираться в дорогу! Подымай молодцов.

Когда скиф пришел в себя, Будакема добавил:

– Ты сейчас же вытащишь из ямы всех пятерых рабов и снимешь с них цепи. Я им прощаю их упрямство. Они могут уходить на все четыре стороны. От них нет никакого толку: работать они не могут. Зря приходится их кормить. Среди них есть два мага из Гиркании с длинными бородами. Пусть помолятся своим богам, чтобы моя поездка была удачна. Все это им может

растолковать тот бродяга-охотник в красном согдском платке, который укрощал Буревестника. Там еще есть один больной, в язвах. С него цепи не снимать, а пусть жрец Курсук совершает над ним молитвы и пляшет с бубном, чтобы из больного вылетел злой демон. Раны ему надо вымыть коровьей мочой^[75] и смазать бараньим салом. Но ни в коем случае не дать ему убежать. Он может пригодиться для обмена пленных. Потом... Как только старый князь Тамир проснется и поест, мы отправимся в путь. Смотри, чтобы к тому времени и кони и запасы для дороги были готовы.

Будакен отправляется в путь

По жемчужной, ослепительно светящейся степи двигалась группа всадников. Трое ехали рядом. Будакен, в темной дорожной одежде, сидел на гнедом крепком жеребце. Расшитые пестрыми узорами штаны были заправлены в желтые сапоги без каблуков, с остроконечными, загнутыми кверху носками. Переметные сумы за седлом были туго подтянуты сыромятными ремнями. Все на Будакене и его коне было прилажено удобно ввиду далекой поездки.

Рядом на высоком сером в коричневых крапинках жеребце сидел князь Тамир, согнувшийся, высохший, с белой редкой бородкой, торчащей из-под красного, обшитого жемчугами башлыка. Его ястребиные глаза пристально оглядывали далекий горизонт, а впавший рот беспрерывно шевелился. Третий всадник был молод, красив, в новой шелковой куртке с вышитыми на ней птицами и цветами. Широкие полосатые штаны были подхвачены у щиколотки серебряными цепочками. Он уверенно сидел на высоком золотисто-желтом жеребце с белым хвостом. Круп коня был покрыт малиновым чепраком, обшитым золотым позументом. Конь, согнув крутую шею, грыз удила, порывался вперед, но твердая рука князя Гелона сдерживала его.

Впереди, в ста шагах, ехали четыре дозорных воина. Сзади следовала густая толпа всадников – большая часть их была с тонкими копьями, украшенными у острия пучком красных волос. Один держал древко с поперечной перекладиной, на которой сидели три медных сокола с колокольчиками в клювах, под ними свешивались три белых конских хвоста.

Это был боевой знак старого князя Тамира, желавшего лично проводить Будакена до границы подчиненных ему кочевий.

Вьючный караван Будакена был отправлен заблаговременно, за несколько часов, и должен был сделать в условленном месте привал при заходе солнца.

Когда всадники поравнялись с небольшим кочевьем, около десяти шатров, к Будакену подскочил Кидрей и указал на темно-серого верблюда с подвязанными коленями, лежавшего около рваного и почерневшего от копоти и времени шатра.

Будакен, как кочевник, помнящий наружность каждого животного из его стад, сейчас же узнал верблюда, которого на его празднике развязала смелая молодая невольница. Он крикнул князю Тамиру, что догонит его, и хлестнул плетью коня, помчавшегося крупными скачками по растрескавшейся глинистой земле. За ним поскакал Кидрей.

Около шатров сорвалась навстречу свора лохматых собак, давившихся от злобного лая. Старуха, в длинной, до пят, полинявшей рубашке, тощая и сморщенная, вышла из шатра и стала вглядываться в Будакена, прикрывая глаза коричневой рукой, украшенной медными браслетами и перстнями.

– Зачем вы врываетесь в шатры, если мужчины уехали на охоту? Уезжайте скорее домой!

Кидрей быстро заговорил, но Будакен остановил его величественным жестом руки:

– Чей это верблюд?

– А зачем тебе знать? Ты откуда? Не послан ли ты жадным Будакеном, который каждый день прибавляет нового коня к своим табунам и нового верблюда к сотням своих стад? А у нас нет скотины, чтобы привезти топлива из степи, и мне все самой приходится таскать на согнувшейся спине.

– Но Будакен не только увеличивает свои стада, он также дарит скот своим братьям по урану. Разве не Будакеном подарен этот верблюд?

– Что ты шипишь, старуха? – шепнул Кидрей. – Ведь сам Будакен говорит с тобой...

Услышав имя всеильного князя, который имел власть убивать, судить и миловать каждого

из их рода, старуха поспешно накинула себе на голову край рваного платка и упала на землю, к ногам пятывшегося коня, стараясь поставить его копыто себе на голову.

– Прости меня, неразумную, выжившую из ума старуху! – завопила она. – Сказала я по старости глупое слово. От голода все это, меня злость охватила. Хлеба нет, баранов нет, сын два года бродил, только Папай знает где...

– Встань и ничего не бойся! – сказал невозмутимо Будакен. – Как же зовут твоего сына и где он бродил два года?

Старуха поднялась, покрытая пылью, и стала всматриваться в Будакена:

– Кажется, что верно ты Будакен! Удила у тебя в самом деле золотые. Мой сын уходил погонщикам караванов в Вавилон, а оттуда еще дальше – на берег моря, к тем не верящим в наших богов иноземцам – явана и киликаса,^[76] которые бесстыдно ходят без штанов, с голыми ногами. Недавно приехал он на коне, с чепраком и уздечкой. Теперь меня прокормит... Ведь когда конь дома, то можно конец мира увидеть...

Будакен слушал внимательно болтовню старухи. Поездка Спитамена в Киликию к грекам вызвала новое подозрение недоверчивого князя. Он был бы рад еще порасспросить старуху, которая уже приглашала его сойти с коня и отпить овечьего молока. Но Будакен приблизился к самому шатру, не слезая с коня, и заглянул внутрь, приподняв грубый шерстяной полог.

В глубине, на полуистлевшем ковре, молодая женщина в яркой красной одежде крутила каменный жернов, растирая зерна пшеницы. Сквозь рваную дыру в крыше шатра падал косою луч и освещал смуглую руку с бронзовым браслетом выше локтя и красный платок, окутывавший шею и подбородок, – знак замужества. Глаза женщины, черные и смеющиеся, с прямой линией бровей, соединенных синей краской, показались Будакену знакомыми.

– Откуда эта труженица? – обратился Будакен к старухе, повернув коня от шатра.

– Откуда? Я этого не знаю! – отвечала говорливая старуха. – Она приехала в синюю лунную ночь на темно-сером верблюде. Конечно, мой сын достал ее. Шеппе-Тэмен достанет даже из-под земли все, что задумает... Только я хотела, чтобы он сидел дома, а не разъезжал по горам и равнинам. Тогда бы не страдало материнское сердце. А то я боюсь, что мне однажды привезут его тело без головы.^[77]

Будакен, не слушая больше старуху, поскакал вслед за тихо двигавшимся по степи отрядом князя Тамира.

– Здесь живет тот охотник, что поймал моего Буревестника. Он добавил к своей добыче и темно-серого верблюда, а та бесстыдница, что развязывала его, кажется, стала его женой...

Под Гелоном конь запрыгал, и князь воскликнул со злобой:

– Как ни корми паршивую собаку, ее всегда тянет к падали!..

– Все мы когда-нибудь станем падалью, – произнес шипящий тихий голос.

Князя обернулись и увидели около себя Спитамена. Он был в той же рваной, бедной одежде, подпоясан ремнем, на котором висели небольшой меч и кожаная сумка с дорожной чашкой.

Изогнутый лук и колчан, туго набитый оперенными стрелами, были прикреплены по обе стороны чепрака. Конь Спитамена, степняк-сауран, серый, с темной полосой вдоль хребта, небольшой, но крепкий и горбоносый, был настоящий берк,^[78] на котором скифы отправлялись в дальний путь, не боясь никаких лишений.

Вскоре князя остановились. В этом месте скрещивались главные степные тропы: на северо-запад – к Ховарезму,^[79] на юг – в Сугуду и на восток – к тохарам. Множество колодцев, обложенных ветвями саксаула, было разбросано посреди истоптанной скотом, выжженной степи. Большой каменный идол, высеченный из цельного камня, глядел слепыми, выпуклыми

глазами, держа в руках каменную чашу. Князь Тамир, а за ним и все остальные путники спешили и поочередно положили идолу в чашу по кусочку вяленой баранины, лепешки или несколько зерен ячменя.

Затем князья подошли друг к другу, подержались за локти, шепча слова молитвы, и поцеловались в плечи. Будакен помог старому князю Тамиру снова взобраться на коня. Затем ловко вскочил на своего карего жеребца и по узкой тропе, выдавленной в глинистой почве, как канавка, тронулся к югу. Скифские воины, растянувшись длинной цепью, последовали за ним.

Тамир хлестнул коня плетью и вскачь, без дороги, пустился в степь – в сторону своей ставки. За ним, взбивая пыль, помчались все его спутники.

Одинокий серый идол слепыми каменными глазами смотрел вдаль – туда, где группа всадников быстро уменьшалась в дрожащем раскаленном воздухе.

Часть третья

Счастливая Сугуда

Никто не думал о том, что сейчас все рухнет, что кровь промочит сухие, пыльные дороги, что начнется новая жизнь.

Из восточной летописи

На городских воротах

Город Курешата дремлет в палящих лучах раскаленного солнца. Арка въездных ворот города, сложенная из больших квадратных кирпичей, раскрыла, как пасть, широкий черный вход. Старые карагачевые ворота изъедены временем и термитами; на них резные изображения льва, стоящего на задних лапах, и необычайно храброго персидского царя, который, держа льва за уши, разрезает ему мечом живот. Под аркой проходят ослики, нагруженные зеленым клевером, медлительные бородатые буйволы, малорослые кони, скрытые под громадными вязанками хвороста. За животными идут, покрикивая, крестьяне в серых дерюжных одеждах, в грубых кожаных сандалиях. У них длинные черные бороды, недоверчивые глаза сидят глубоко, носы горбатые. Подпоясаны они тремя разноцветными шнурками – знак того, что они, как честные поклонники огня, имеют три добродетели: добрые мысли, добрые слова и добрые дела. Головы обвязаны желтым или синим полотенцем, конец которого спадает на плечо.

Городские ворота стоят в глубине между двумя сходящимися углом стенами из сырцового кирпича. На стенах выступают бойницы. Если из степи прискачут скифы и захотят штурмовать город, то их обстреляют со стен, забросают сверху камнями и зальют кипятком и горячей смолой.

Над воротами на выступе сидит сторож Кукей и вяжет узорчатые шерстяные чулки. Он стар и провел на этом месте много лет. Лицо выжжено солнцем и изрезано морщинами. Седые брови над слезящимися глазами торчат во все стороны. Давно уже не налетали из степи кочевники. Но он хорошо помнит, как последний раз примчались всадники на небольших крапчатых и бурых конях, с короткими копьями и тяжелыми секирами, в остроконечных черных шапках. Они ревели, как буйволы. Их стрелы летели далеко и поражали без промаха. Защитники города попрятались со стен, оставив котлы с кипятком. Эти всадники вытоптали конями поливные поля пшеницы, на скаку хватали и втаскивали на седла баранов и телят, стучали секирами в ворота. Они ушли обратно в степь, лишь получив вереницу верблюдов, нагруженных полосатыми мешками с зерном и большими кувшинами с крепким вином и медом.

Сторож Кукей дремлет, а руки по привычке шевелят деревянными спицами, продолжая вязать чулок. Он поглядывает со стены вниз, когда там громко заспорят между собою крестьяне.

Направо от Кукея, на верхушке башни из сырцового кирпича, облупившейся и оплывшей под действием солнца, ветров и зимних дождей, – взъерошенное гнездо, и в нем маячит аист на длинной красной ноге.

Иногда аист подпрыгивает, распластав широкие крылья, или закидывает голову назад, кладя клюв на спину, и щелкает им, как трещоткой.

«Счастливый наш город, – думает Кукей. – Видно, еще мы не прогневали нашего всемогущего небесного покровителя Ахурамазду». И он молитвенно протягивает руки с чулком к солнцу.

Налево, в щелях стены, скрыты гнезда больших серых коршунов. Они часто вылетают оттуда, стремительные и бесстрашные, и затем плавают в небе, издавая скрипучие тонкие крики, точно стон блока над колодцем: «пирлюлю-лю-лю, пирлюлю...»

Аист внезапно замахал крыльями, потанцевал на тонких ногах и плавно полетел, направляясь в степную равнину, раскинувшуюся к северу беспредельным выцветшим плащом.

Сонные глаза Кукея проследили за полетом аиста, на солнце отливавшего серебром. Через квадратные поля проса и клевера, где поблескивала спущенная из канав вода, по межам пробиралась группа всадников. Кукей их сразу узнал: это, несомненно, скифы, около двадцати воинов. Как не узнать остроконечных черных шапок, небольших бурых и пегих коней! Уже

можно было различить тонкие, наклоненные вперед копыта.

Кукей бросился к бронзовому боевому котлу, подвешенному на перекладине, и неистово заколотил по нему палкой. Резкие дребезжащие звуки понеслись по городу, пробуждая всюду тревогу. На плоских крышах появились перепуганные жители, побросавшие работу.

Кукей бил в котел, пока не прибежал испуганный десятский ^[80] с опухшим от сна лицом. Он переводил глаза то на Кукея, то на степь и наконец бросился к стене, вглядываясь в приближавшихся страшных всадников. По дороге бежали крестьяне, прыгали через канавы, гнали ослов в стороны, прямо через поля.

– Ворота! Скорей закрыть ворота! – закричал десятский и вместе с Кукеем побежал с башни вниз по истертым сырцовым ступеням.

Но когда оба внизу завернули за выступ стены, то наткнулись на трех скифов, прискакавших на пегих конях. Они уже въехали в ворота и остановились, поджидая других.

– Назад, уезжайте назад! – кричал скифам десятский. Он боялся приблизиться и только издали махал руками.

Один из всадников, с красной головной повязкой, крикнул Кукею:

– Старик чулочник, неужели ты не хочешь узнать меня? Я же Левша, Шеппе-Тэмен, сын горшечника! Разве ты не помнишь? Ты мне показывал, как из кишок крутить тетиву, как из рога оленя гнуть лук.

Кукей начал присматриваться и узнал молодое обветренное лицо, узкие смешливые глаза.

– Верно, ты, кажется, Левша Шеппе! Мне ли не узнать тебя: рядом жили! Теперь ты уже своего коня завел! Разбогател, видно. Но что мне делать, если нам приказано не пускать скифов в город?

Десятский продолжал кричать: он боялся, что скифы начнут рубить его тяжелыми секирами.

– Уезжайте за городскую стену – мы запрем ворота, а потом уже начнем говорить с вами. Кто знает, не едут ли за вами тысячи скифов, чтобы ворваться в город.

– Брось кричать! – успокаивал Спитамен. – Зачем всполошил весь город? Сколько лет уже нет войны между нами! Сакские вожди не раз пили с вашими князьями чашу дружбы.

– Не пой мне песни, поворачивай! – кричал десятский. – Наместник города прибьет в гнев гвоздями к воротам и меня и сторожа Кукея за то, что мы впустили вас.

Из соседней, людной улицы с криками вылетело несколько всадников. Впереди на большом откормленном коне несся толстый согд, обвешанный оружием, с копьём наперевес. Его латы блистали, на шлеме развевались фазаньи перья. За ним скакали безусые юноши с поднятыми мечами.

Одновременно в ворота въехал Будакен и за ним его спутники. Он сидел на коне, спокойный, как всегда, угрюмый, со свисшими усами; только глаза его сузились и настороженно поблескивали. Все остановились.

Кукей выскочил вперед:

– Вот это приехал наш сотник. Он тоже скажет, что скифам нельзя въезжать в город.

– Зачем вы приехали сюда? – задыхаясь, закричал сотник.

– Это очень знатный посол от саков, – отвечал Спитамен, – князь Будакен Золотые Удила.

Он едет в Мараканду к сатрапу Бессу, везет драгоценные подарки. Если твое благородство будет кричать и не впустит нас в город, а заставит ночевать за стенами в поле, на отбросах, вместе с шакалами и собаками, то мы не останемся здесь, а поедем дальше. Там мы пожалуемся на вас царскому сатрапу и расскажем, как грубо вы встречаете важных послов!.. Тогда Бесс пришлет правителю города и заодно тебе крученые конопляные веревки, чтобы вы оба удавились в наказание за обиду, нанесенную знатному послу.

Сотник пошептался со своими спутниками.

– Впустим их на торговый двор,^[81] а там запрем, – советовали юноши.

Сторож Кукей схватил коня под уздцы и принял от сотника копье. Грузное тело сотника сползло с коня. Сложив руки на груди, он стал медленно подходить к скифскому князю, склоняясь к земле.

Будакен спрыгнул на землю и двинулся, раскачиваясь на кривых ногах, навстречу сотнику. Оба протянули руки и подержали их, подняв в знак уважения согнутую правую ногу.

– Приветствую высокого гостя, – сказал сотник, – добро пожаловать! Проезжайте дальше, на главную площадь. Там есть торговый двор для путников. Не сердитесь на сторожа – он был прав: есть приказ из Мараканды, чтобы никого из чужестранцев без разрешения не пускать в город. Но высоким послам всегда мы рады. Такое опасное стало время! Говорят, что на Сугуду идут враги под начальством Двурогого царя. Пусть твоя сила садится на коня и следует за мной.

Будакен и сотник снова сели на коней.

– Азрак, сторожа Кукея взять на петлю! – крикнул сотник.

Угрюмый, плечистый согдский воин подъехал к сторожу Кукею, набросил ему на шею петлю и, повернув коня, потащил старика за собой. Кукей схватил руками веревку, которая его душила, и всхлипывал:

– Пропала моя голова! Теперь мне нет спасения! Все из-за этих саков! Кто спасет меня! Мать моя, ты увидишь мою смерть!

Юноши бросились в узкую улицу, полную народа, и стали хлестать плетью по головам всех встречных.

По обеим сторонам этой улицы тянулись лавочки купцов. Ослы, лошади, крестьяне, нарядные горожане в пестрых одеждах – все бросились вперед, спасаясь от страшных скифов.

Слышались крики:

– Саки ворвались! Сыновья Аримана! Запирайте ворота! Афрасиаб вернулся! Уже режут!

Купцы спешно закрывали резные двери лавочек. Убегая, опрокидывали корзины с гранатами, померанцами, персиками.

На плоские крыши домов выбегали женщины в длинных цветных одеждах. Они хватили плачущих детей, тащили одеяла, ковры, кувшины.

Дряхлая старуха, волоча зеленую подушку, вылезла на край крыши и, потрясая пятерней с растопыренными кривыми пальцами, повторяла самое обидное персидское ругательство:

– Жгу вашего отца!.. Пусть он сгорит в аду!..

Тогда Кидрей, смеясь, закричал ей:

– Зачем показываешь свое лицо? Оно безобразно, как вымя гиены! Закрой его подушкой!

Когда жители города увидели, что скифы едут спокойно, что их секиры и копья никого не поражают, они осмелели и стали останавливаться отдельными группами, затем следовать сзади, постепенно приближаясь, указывая пальцами, смеясь, хлопая себя по бедрам и бросаясь в стороны, как только скифы оборачивались.

Главная улица перерезала город от восточных въездных ворот до противоположных западных. На улицу выходили глухие глинобитные стены, кое-где прорезанные калитками и узкими переулками. За этими стенами виднелись зелень садов и крыши домов – огромных замкнутых жилых кварталов.

Всадники прибыли на небольшую площадь, в середине которой возвышалась кирпичная арка, а за ней низкие строения, огороженные стеной.

– Это торговый двор для караванов, – объяснил Будакену Спитамен.

На площадь выходили лавки купцов Курешаты. Перед лавками пестрели деревянные лотки и нары, крытые коврами, полные материй, цветных туфель, тарелок с красками в порошке,

кривых ножей, платков, бус, ожерелий, браслетов, кувшинов, мелкой посуды, конской сбруи, крючков, колец и прочих ярких и диковинных для скифов вещей.

Передние согдские воины, хлопая плетьюми, влетели в широкие ворота торгового двора. Послышались крики и рев верблюдов.

Сотник, делая приветливый жест рукой, кричал:

– Сюда, сюда!

Скифы столпились и переговаривались вполголоса:

– Бойся согдианских стен! Въедем – и потом не выедем. Здесь нас передавят, как крыс в яме. Лучше остановимся в поле.

Но подошедшие близко согды приседали, ударяли ладонями по коленям и звали въехать внутрь двора.

Пегий конь Кидрея и его широкая спина мелькнули в темных воротах. Он вернулся оттуда и закричал:

– Там есть вода, есть сено, и для нас чистят место!

Будакен поднял руку с плетью, и двадцать скифских коней гуськом двинулись в ворота.

Большой квадратный двор, обнесенный стеной, был полон кричавших людей и встревоженных верблюдов. Деревянные резные колонны поддерживали навесы над террасами, окружавшими двор. В стенах темнели глубокие ниши, где могли располагаться путники.

Некоторые ниши были завешаны цветными занавесками и коврами. Из-за них испуганно выглядывали женщины, закутанные в оранжевые и малиновые покрывала.

По всему двору бегали согдские воины, расталкивая путников, подымая их ударами плетей, сгоняя толпу в одну сторону двора. Они, громко крича, бежали из разных ниш, ловили испуганных верблюдов, тащили в одно место вьюки, мешки, подбирали рассыпанную солому и клевер.

Скифы, недоверчиво оглядываясь, привязали коней вдоль одной стены, в которой были углубления – кормушки для скота.

Согды осмелели, приближаясь к скифам; некоторые ощупывали добротность материи их одежд, сбрую и оружие, приседали на корточки и быстро переговаривались на своем плавном, мягком языке.

Голые рабы стали мести пучками полыни террасу и ниши, выталкивая женщин, выбрасывая узлы и плачущих детей.

Старый Хош морщил нос, покачивал головой и вполголоса расспрашивал Спитамена:

– Знаешь ли ты, как выбраться отсюда? В этом городе легче запутаться, чем в камышах. А это еще что за безумец? Чего он здесь ищет?

По террасе шел согд в дорогой шелковой одежде, но босой, с куском рваной материи на голове. В руках он держал мешок, который встряхивал, и беспрестанно бормотал молитвы, закатывая глаза кверху.

Он зашел в нишу, где рабы обметали стены и пол, и бросился к мусору, выхватывая оттуда клопов, сороконожек и муравьев.

Все это он сбрасывал в свой мешок, потряхивая его с монотонными причитаниями.

– Что ты делаешь, достойнейший сын добродетельной матери? – спросил его Хош.

– Я грешник! Семьсот семьдесят семь несчастий свалились на мою голову. Теперь мне грозят наказания и в этой жизни и после смерти. Духи тьмы будут грызть меня.

– За что такие несчастья свалились на тебя?

– Я был на празднике у моего брата, когда он был назначен сборщиком податей. Старое вино бросилось мне в голову, и я пошел домой, шатаюсь и распевая песни. Ариман позавидовал

мне, за мной увязались собаки и вцепились в мою одежду. Тогда я схватил камень, чтобы отогнать их, и так ударил одну собаку, что она упала, задергала ногами и – о, горе мне! – околела.

– Но почему же это такое несчастье? – удивился Хош. – Ты вполне правильно сделал, ударив собаку.

– Какие грешные слова ты говоришь! – ужаснулся согд. – Ведь корова и собака у нас священны, и их оберегает сам великий бог Ахурамазда. Когда я ударил собаку, поблизости проходил служитель из храма и пожаловался верховному жрецу. Теперь – по закону – я должен собрать своими руками четыреста восемьдесят слуг злого Аримана: сороконожек, ящериц, змей, клещей, скорпионов, сколопендр и других нечистых животных. Всех их я должен принести в храм непременно живыми, сдать жрецу для умерщвления священными щипцами. А затем он совершит моление и очистит меня от грехов.

– А кроме того, сколько ты должен еще заплатить жрецу? – спросил Спитамен.

– Я уже пожертвовал жрецу барана, двух овец и восемь кур, а сколько еще придется платить, знает только жрец... – Со стоном и вздохами согд пошел прочь.

– Что за страна! – удивлялся Хош. – Кажется, собаке здесь живется лучше, чем человеку?

– Ты легко можешь убедиться в этом, – ответил Спитамен. – Попробуй ударить камнем сперва человека, а потом собаку.

Во двор въехал старик на красиво убранном коне, которого под уздцы вели двое слуг. Желтая одежда, обшитая малиновой бахромой, остроконечная войлочная шапка, короткая палка, отделанная золотом, говорили о важном положении старика. Длинная серебристая борода была искусно завита в ряды ровных колечек. Глаза, обведенные черной краской, тревожно вглядывались.

Сотник громко провозгласил, обращаясь к Будакену:

– Да хранит всевидящий Ахурамазда благородного Фейзавла, правую руку правителя нашего города!

Один слуга стал около коня Фейзавла и нагнулся до земли. Старик поставил ногу, оплетенную красными ремнями, на его спину и сошел на землю. Другой слуга поднял над ним широкий зонтик с красными, белыми и синими полосами. Фейзавл приподнял позолоченную палку, сказал тихо несколько слов.

Согды, почтительно склонившиеся при его появлении, услышав приказание, стремительно разбежались в разные стороны. Слуги быстро притащили ковер и пестрые подушки и разложили на террасе между колоннами.

Фейзавл опять поднял руку с выкрашенной красной краской ладонью, и слуга подал ему корзинку. С торжественным видом Фейзавл вынул из нее красную розу на длинном стебле и оранжевый плод граната. Держа их перед собой, как большую драгоценность, Фейзавл медленными шагами направился к Будакену:

– Премудрейшая и прекраснейшая Рокшанек, дочь князя этого города, украшающая светом своих добродетелей землю, посылает тебе по случаю твоего приезда пожелания благоденствия и прибыли в делах и говорит тебе: «Добро пожаловать!» – При этом Фейзавл схватил руки Будакена, вложил в них розу и гранат и отступил назад под защиту ставших около него воинов.

Будакен проворчал Спитамену:

– Ты здесь бывал, не знаешь ли, что я должен с этим делать? Съесть, что ли?

– Нет, отдай своему слуге, и пусть он стоит рядом и держит в руках, как чашу, переполненную водой.

Будакен повел бровями, взглянул на Хоша, и тот стал позади князя, держа на вытянутых руках розу и гранат. Будакен мрачно молчал.

Спитамен обратился к Фейзавлу:

– Скифский князь Будакен благодарит и просит рассказать, почему ему присланы роза и гранат.

– Княжна Рокшанек желает, чтобы князь так же процветал, как прекраснейшая роза, и чтобы прожил счастливо столько же лет, сколько зерен внутри граната.

Будакен громко захохотал:

– Всем расскажу в нашей степи, что я похож на розу и буду жить четыреста лет. – Он добавил: – Я очень хочу увидеть вашу княжну Рокшанек. Я тоже поднесу ей подарок, который будет достоин ее красоты и добродетелей.

Глаза Фейзавла метнули взгляды по сторонам, и он сказал, указывая медленным, величественным жестом на ковер:

– Пойдем сперва туда, на ложе отдыха, и погрузимся в сладостный разговор, возвышающий наш разум и наши души.

Будакен и Фейзавл сели на разных концах ковра.

Сзади Фейзавла стали сотник, слуга с зонтиком и несколько вооруженных юношей.

Фейзавл начал обычными вопросами:

– Здоров ли, князь? Толст ли твой нос?^[82] Сильны ли, как всегда, твои мышцы? Свободно ли дышит твоя грудь?

– Благодаря твоей милости я дышу так же хорошо, как и мудрая «правая рука» правителя города.

Фейзавл поднял золоченую палку – подошли слуги и опустили на ковер медные подносы. На них лежали горой лепешки, сушеный виноград, миндаль, фисташки и медовые соты.

Гольй невольник с костяным кольцом в ухе принес большой, покрытый мхом и плесенью глиняный кувшин. Старик слуга с желтой повязкой вокруг головы и в широкой полосатой одежде вытащил из-за пазухи стопку медных чашек, вложенных одна в другую, вытер их концом своего синего шерстяного пояса, ножом сбил смолу, облепившую горлышко кувшина, вытащил деревянную пробку и разлил в чашки темное густое вино.

Затем старик взял полную чашу вина, слил с нее несколько капель на свою сморщенную левую ладонь и подал чашу Будакену. Одновременно он слизнул вино с левой ладони и прищелкнул языком. То же самое он повторил, передавая другие чаши Фейзавлу и скифам. Все поняли, что если разливающий старик пьет первый, то в чашах нет яда и вино можно пить без опасения.

Фейзавл взял чашу обеими руками и, подняв глаза кверху, воскликнул нараспев:

– Пусть хранит Ахурамазда великого царя царей, нашу землю и всех почитающих высочайшего! – И он выпил одним духом всю чашу.

Будакен наблюдал, что делает Фейзавл, и старался повторять его жесты. Выпил вино – оно было душистое, сладкое и крепкое.

Будакен стал задавать вопросы:

– Как здоровье царя царей? Где теперь великий, непобедимый правитель Персии?

Фейзавл развел руками:

– Вы, саки, достойные и мудрые доители кобыл, живете в беспредельных степях, так что все новости приходят к вам через год. Про какого царя царей ты спрашиваешь? Если про великодушного Дараиавауша,^[83] то его уже нет – его призвал к себе на небо Ахурамазда; где его семья – неизвестно: или погибла, или – еще хуже – обращена в рабство Двурогим злодеем. Выпей еще этого вина – оно пролежало в земле много лет и потому стало густым, как мед.

– Что же случилось с царем царей, какие несчастья могли обрушиться на него? – продолжал расспрашивать Будакен.

– Что можем мы знать здесь, в маленьком городке, на границе с соленой пустыней! Мы должны тихо молчать и ждать приказаний великих людей, которые правят нами. – И Фейзавл скромно опустил глаза.

– Но сатрап Бесс? Наверное, он жив и правит по-прежнему Бактрией и Сугудой?

– Ты, я слышал, кажется, хочешь проехать в Мараканду?

– Да, я проеду в Мараканду, к сатрапу Бессу. Он звал меня к себе как гостя еще год назад.

Фейзавл покачал головой:

– Ты совсем ничего не знаешь, что произошло. Сатрапа Бесса уже нет. Великому создателю этого мира благоугодно было сделать Бесса царем царей, возложить на него царскую тиару ^[84] и передать ему жезл правления всей Персии. Теперь не так легко и просто приехать в Мараканду в гости к Бессу.

– Если Бесс стал царем царей, то, вероятно, потому, что он полон справедливости, – сказал Будакен. – Царь должен помнить и исполнять свои обещания. Я думаю, что Бесс не забыл двух жеребцов, сыновей славного Буревестника, полученных им от меня в подарок, и вспомнит, что звал меня навестить его.

Фейзавл стал говорить сладким, вкрадчивым голосом:

– Теперь царь царей находится в Мараканде и строго охраняется: никому не разрешается въезд в город без особого вызова и письменного приказа за печатью. Не лучше ли тебе отдохнуть здесь, в этом городе, и переждать, пока мой гонец съездит в Мараканду с письмом и просьбой разрешить тебе приехать? Тогда ты свободно проедешь в Мараканду – она ведь теперь новая столица всей Персии.

Будакен уже выпил несколько чаш сладкого вина. Хотя он был очень силен, но вино разгорячило его, и слова Фейзавла показались ему оскорбительными и обидными.

– Мы, саки, – народ свободный и не состоим на службе ни у сатрапа Бесса, ни у царя царей. Мы живем где хотим; если не понравится, снимаем свои шатры, грузим их на телеги ^[85] и уходим к другим колодцам. Ты думаешь, что сможешь нас задержать в этой глиняной ловушке, полной клещей и скорпионов, и послать в Мараканду донесение, что Фейзавл один, без войска, только своей мудростью и хитростью взял в плен непобедимого князя Будакена и двадцать свободных скифов? Ты ошибаешься, Фейзавл, и, верно, забыл походы Афрасиаба. Эй, воины, приведите мне моего коня! – закричал Будакен. – Я посмотрю, как ты со всеми своими воинами попробуешь задержать Будакена, который один уводил целые караваны согдов!

Будакен вскочил, схватил боевую секиру и стал со свистом размахивать ею.

Фейзавл отбежал в сторону и, пятясь, издали старался успокоить гнев Будакена:

– Мы нарочно отвели для тебя этот двор, чтобы тебе не мешали любопытные жители города!..

– А ты не нашел места похуже? Сюда приходят сумасшедшие, чтобы собирать клопов, и здесь ты захотел заморить меня с моими воинами?

– Закройте ворота, не выпускайте никого! – кричал, прячась за колонну, Фейзавл.

– Там собрано целое войско, – говорили скифы. – Кидрей хотел выйти из ворот, а его встретил лес копий.

Снова секира Будакена с воем завертелась над головой Фейзавла. Он протягивал Будакену дрожащие руки:

– Успокойся, князь! Ты можешь переехать в летний дворец нашего князя. Там ты будешь в саду, под тенью деревьев, лежать на ковре и есть сладкие персики. А наши певцы споют тебе лучшие песни.

– Прикажи своим воинам, чтобы они уехали от ворот, а не то мои воины покажут, как летают сакские стрелы, как наши копыта пробивают сразу трех человек.

В воротах раздались крики:

– Саки взбесились! Они садятся на коней! Они сейчас бросятся на нас!

– Улала!.. Улала!.. – заревел Будакен боевой клич саков.

– Улала!.. – ответили ревом двадцать скифов.

За воротами послышались крики команды и топот лошадей, бросившихся вскачь по улице.

– Я должен увидеть премудрую дочь правителя Курешаты! – наступал Будакен на Фейзавла.

– Наши женщины не боятся мужчин, но ты два мужчины! – отвечал Фейзавл. – Рокшанек умрет от страха, когда ты войдешь в ее дом.

– Ты меня проведешь к ней. Мы, саки, ни женщинам, ни детям зла не делаем. Веди меня к ней!

Фейзавл поднял руки к небу:

– О всемогущий! О создатель луны и шести планет! Ты видишь, что я не виноват; избавь меня от гнева моего князя Оксиарта!

– Какого Оксиарта? – остановился изумленный Будакен.

– Князь Оксиарт – владелец города Курешаты и всего округа. Только его здесь нет. Он уехал доставать коней для войска царя царей. Вместо него правит мудрая дочь его, Рокшанек.

Будакен с досадой вспомнил о появлении в его шатре Оксиарта и обо всем, что потом с ним произошло.

– Подожди меня, – говорил Фейзавл, – я съезжу сейчас к княжне Рокшанек, переговорю с ней и привезу ее ответ.

– Но могу ли я верить, что ты вернешься?

– Я тебе оставлю в залог самое ценное, что имею: золотой пояс, стальной меч или янтарное ожерелье.

– Этого и у меня много.

– Тогда я тебе оставлю еще более ценное – мою бороду... – Фейзавл снял свою серебристую завитую бороду, которая искусно держалась на золотых крючках, зацепленных за уши, и оказался молодежью красивым персом с гладко выбритым лицом.

Он приказал одному слуге сесть на ковер и на медном подносе держать драгоценную бороду. Сам же сделал приветственный жест золоченой палкой и направился к разукрашенному коню.

Слуги подхватили его, посадили на круглую лоснящуюся спину жеребца, крытую ковровым чепраком, и Фейзавл со своими воинами и провожатыми скрылся в широких воротах.

Кобылицы не доены

Сняв свои шерстяные одежды, Будакен заменил их полосатыми согдскими шароварами, подставляя лучам солнца голую мускулистую спину. Он лежал на широком ковре, затканном синими цветами и красными птицами. Над ним распростерло ветви столетнее абрикосовое дерево с бесчисленными мелкими оранжевыми плодами. Толстый ствол виноградной лозы обвивался, как змея, вокруг дерева, поднимаясь на самую его вершину, и среди густой листвы повсюду виднелись восковые грозди винограда.

Несколько слуг Фейзавла было приставлено к Будакену, и он их расспрашивал, как сажают деревья, сколько с них собирают плодов, как их сушат на зиму, что помещается в сарае.

Скифы освободили коней от седел и вьюков, полили их водой из канавок, смыв накопившуюся на боках соль и пыль, и кони стояли в тени, блестящие, шелковистые, погрузив головы в свежие снопы сочной травы.

В торговый двор прибыл новый скиф на исхудалом коне, покрытом густой пылью. Он привязал коня к кольцу на столбе, подтянув коню голову высоко, чтобы он остыл.

Мягкими шагами скиф подошел к Будакену и остановился перед ним, скрестив руки на рукоятке ножа, заткнутого за пояс. По лицу, серому от пыли, капли пота провели темные полосы. Встретившись со взглядом Будакена, скиф опустил на колени на краю ковра и сел на пятки.

– Что делают мои кобылицы? Как бегают Буревестник? Жив ли маленький чита? – были первые вопросы Будакена.

Скиф развел руками. Из-под его войлочного остроконечного колпака выбивались, падая на плечи, длинные полуседые космы. Редкая борода завитком свисала с подбородка.

– Бой-бой, плохо! Если уйдет пастух, разве не разбредется его стадо? Сейчас же прибегут волки и начнут растаскивать овечек во все стороны.

Будакен отставил пеструю глиняную чашу с вином, которую держал обеими руками, и насторожился:

– Но князь Гелон обещал мне, что будет наблюдать за всеми моими стадами! Разве князь Гелон уехал?

– Князь Гелон делает все, что может: скачет от одного стада к другому, меняет усталых коней, кричит на пастухов, сам колотит их плетью, но толку от этого не много!

– Зачем же он скачет? Это не его дело. Ему надо сидеть около шатров на ковре в прохладной тени, попивать кумыс и ждать, а к нему должны приезжать табунщики с поклоном и говорить все, что им нужно и что случилось во всей степи. Разве я когда-нибудь гонялся за моими пастухами?

– Ты – другое дело. Ты всех держал в своей широкой ладони. А когда ты уехал, то все поползли во все стороны, как щенки без матки. Бой-бой, что будем делать!

Кочевник ничего не скажет сразу. Его речь вьется, как тропинка в степи, и он должен начать издали, чтобы пересказать все, что видел в пути.

Будакен передал ему чашу с вином:

– Выпей сперва согдского вина и не бойся. Пастух вернется к своим баранам и все исправит. Что же случилось?

Старый скиф взял чашу, покосился одним глазом на темное маслянистое вино и понюхал его:

– Никогда такого не пробовал. Пусть Папай даст нам всем много сил и целое стадо детей! – Отпил немного и почмокал: – С медом? Голова на плечах не закачается? – Скиф закинул голову

назад, показалось доньшко глиняной чаши, и старик, вытаращив глаза и отдуваясь, поставил чашу на ковер.

– В битвах согды послабее нашего, а такого вина наши кумысобои не сделают, – сказал Будакен. – Ну, рассказывай теперь по порядку, что погнало тебя из нашей равнины вдогонку за мной? Как тебя звать? Кажется, Асук?

– Верно, верно – Сагил Асук! – ответил сразу развеселившийся скиф. – Когда я родился, в шатер вошел отец и принес дикого козла – асука! ^[86] Вот меня и прозвали Сагил Асук. С тех пор я, как асук, езжу по степи и не люблю сидеть в шатре. Сам знаешь: дома сидишь – последнее проешь, а по степи побродишь – счастье найдешь.

– Ладно, ладно! Теперь рассказывай дальше, что делает согдак Оксиарт, приехавший ко мне, когда загорелись огни на курганах.

– Этот согдак очень полюбил кумыс и бузат, пьет без конца, потом вскочит, бегают, пляшет, угощает стариков и их тоже заставляет плясать.

– Хозяин может только радоваться, если гость его весел. Но я еще не вижу, отчего мне надо тревожиться.

– Князь Будакен Золотые Удила, большие у тебя убытки: кобылицы стоят недоенные, косяки сбились и пасутся на вытоптанном лугу, где уже травы не осталось: некому их перегнать на новые места.

– А что же делают мои слуги? Разве загуляли вместе с согдаком? Или порубили друг друга? Или болезнь их передушила?

– Они почти все ушли от тебя...

Будакен, нахмурившись, уставился на Асука. Большая рука его невольно шарил по ковру, точно отыскивала меч. Он всматривался в глаза вестника, желая узнать, что таится недосказанного в обветренном, сморщенном его лице.

– Пей еще! – сказал он, указывая на полную чашу.

Старик опять выпил одним духом чашу, и язык его развязался. Он наклонился к Будакену и стал говорить вполголоса:

– Несколько саков нас подбивали. «Зачем, – говорят, – мы служим князю Будакену? Разве не такой же он скиф, как и все мы? Разве не родился он в закопченном, промасленном шатре, как и мы? Почему же, – говорили они, – мы стараемся, работаем на него, а он все прибавляет баранов и жеребят к своим стадам, а мы как были в рваных кожаных штанах, так и остались, только новые заплатки нашили?» «Верно, верно, – отвечали мы тем, которые нас подбивали, – но что же поделаешь с Будакеном? Ему и солнце больше светит, чем нам».

– И все сговорились уйти от меня? – прохрипел Будакен.

Кулаки его сжимались. Хош запрягал его меч под ковер, зная дикие вспышки гнева своего хозяина.

– Не то что сговорились, – отвечал Асук, – а больше вожак нас подбивали. Я им говорю: «А вы знаете, что значит: «он мне хлеб дает»? А те отвечают: «Трусливый ты козел, Асук! Будакен не хлеб тебе дает, а крошки от того хлеба, что сам ест». И некоторые недовольные саки тайком съехали на берегу реки Яксарта в тот самый день, когда мы устроили скачки и праздник.

– Кто же тогда был? Говори имена всех! – Будакен навалился на Асука и своей могучей рукой придавил его к ковру.

– Всех назову, всех! И я сам там был тоже. А больше всех говорил против тебя тот охотник, который приехал на твоём жеребце Буревестнике...

Будакен отпустил Асука, встал и поглядел кругом – скифы, приблизившись, стояли молча, и их глаза впивались в Будакена. Спитамена среди них не было.

Скифы шепотом переговаривались. Все слышали рассказ Асука и ждали, как поступит их князь. Будакен ведь ничего не делает так, как другие, а все по-своему.

А Будакен похлопал по плечу Асука, засмеялся, и никто не мог понять, что у него на уме.

– Пей, Асук! В нашей степи тебе такого вина не дадут! Рассказывай дальше. Куда же ушли мои слуги? К какому князю? Не к хитрому ли старику Тамиру?

Асук, упиваясь вином, продолжал:

– Свой собственный выселок сделали, особое кочевье около каменного бока Скроша. «Будем жить вольные, – говорят, – никому не будем кланяться!» И я хотел было там поставить шатер, да думаю: подожду еще, посмотрю, что дальше будет. Будакен – мой хозяин, он мне хлеб дает, зачем я его брошу? Вот меня Гелон и послал к тебе, чтобы я все рассказал. Девять раз менял я коней на наших сторожевых курганах. Днем и ночью скакал, чтобы тебя остановить и скорее вернуть обратно к твоим стадам.

Будакен стал громко хохотать:

– Ты думаешь, старая ящерица, что я вернусь сам доить кобылиц? Пусть остаются недоенными – жеребяткам больше молока достанется! Ты думаешь, старый Сагил Асук, что я поскачу за моими слугами и буду просить их вернуться к старому хозяину? Пусть бог Папай даст всем сакам столько же косяков, сколько он дал мне. Вперед! Вперед!.. – прогремел Будакен. – Где же этот плясун с пришитой бородой? Что же, он думает спить нас вином в этом рабате, полном верблюдов и блох, и затем нас пьяных перевязать веревками? Зовите его сюда, а то я сам пойду его разыскивать...

А Фейзавл, величественный и прямой, в длинной лиловой одежде, с пестрой повязкой на голове, с новой, каштановой завитой бородой, уже входил во двор, сопровождаемый несколькими тощими слугами. Один из них на блестящем подносе нес разрезанную звездой дыню.

Фейзавл, склоняясь, приложил ладонь ко лбу:

– Княжна Рокшанек шлет тебе эту дыню, чтобы ты накормил ею своего прекрасного коня. Она хочет повидать твое великолепие и силу, а также твоих смелых воинов. Она сейчас ждет тебя.

Будакен приказал шести скифам оседлать коней, взять оружие и следовать за ним, а остальным оставаться неотлучно около вьюков. Он скинул согдские шаровары и переоделся в скифскую одежду.

– Смотрите не отходите от коней, держите оружие около себя и не верьте ласковым словам согдаков! Одного воина я пришлю обратно, когда приеду ко дворцу, чтобы вы знали, что с нами случилось.

Будакен и шесть скифов выехали из рабата, а на ковре, обнявшись с пустым кувшином, лежал Асук и бормотал:

– Сагил Асук – умный человек: он и от Будакена получает хлеб, и товарищам поможет!..

Оставшиеся скифы сидели вокруг Асука и старались разузнать от него, что произошло в кочевье Будакена.

Потянулись узкие, кривые переулки, сбитые из глины глухие стены: за ними прятались дома, дворы и сады. Вся жизнь затаилась где-то там, внутри дворов.

Кругом ступенями, одна над другой, громоздились плоские крыши. На них женщины растягивали для сушки длинные белые и синие холсты. Смуглые полуголые дети влезли на заборы, бросали пращами глиняные пули и испуганно прятались.

Встречные согды в полосатых одеждах пробирались вдоль заборов и прижимались к стене, чтобы пропустить всадников, сверкающих оружием, яркими плащами, едущих на храпящих необычных конях.

В центре города на холме возвышалась мрачная пузатая башня. Перед ней была небольшая квадратная площадь, окруженная глухими стенами, за которыми виднелся бесконечный ряд плоских крыш, усеянных народом. Красные, оранжевые, зеленые с белым, полосатые одежды на женщинах и детях, которые держались отдельными группами. Мужчины, так же пестро одетые, сидели на стенах, и их желтые, синие и красные головные повязки казались большими цветами.

Посреди площади стоял каменный кубический жертвенник; над ним вился легкий дымок. Около жертвенника ходили два старика в белых длинных одеждах и веерами раздували тлеющие угли. Чтобы не оскорбить дыханием священного пламени, рот стариков был завязан квадратным лоскутом белой материи.

Вдоль одной стены выстроилась линия пеших согдских воинов, вдоль другой – всадники. Всего их около сотни. Все они были одеты по-разному. Одни – в вязанных из веревок панцирях, другие – в кожаных. Лошади и большие, и мелкие, разных мастей.

Фейзавл со своими слугами вместе со скифами проехал вокруг площади и остановился под стеной башни.

– Князь Будакен, сейчас на этой площади ты увидишь моления и затем передвижения воинов!..

– Ты видишь, что здесь делается? – зашептал Будакену на ухо Хош. – Поедем обратно. Мы еще успеем пробиться к своим. Здесь сотня воинов! Нас зарежут и сожгут на этом камне.

Ворота в углу площади отворились, и пронзительно загудели трубы и засвистели флейты. Вышли парами восемь музыкантов. Впереди флейтисты, за ними барабанщики и сзади трубачи с длинными прямыми кожаными трубами, концы которых были протянуты над головами передних музыкантов. За ними показались в белых халатах несколько мальчиков-певчих. Дальше шел дряхлый старик в высокой шапке, закутанный в лиловый плащ. Два молодых жреца поддерживали старика под руки, а один шел сзади, держа конец просторного плаща. Вышли еще три пары жрецов в высоких колпаках и длинных широких накидках.

Вся процессия расположилась перед жертвенником. Музыканты замолкли. Певчие спели заунывную, тягучую песню. К жертвеннику подвели старого жреца, и он дрожащими руками вынул из подставленной ему корзины несколько веток и, прикрыв рот широким рукавом, чтобы не осквернить жертвенник своим дыханием, бросил ветки в огонь. Растения затрещали, за клубился душистый голубой дымок. Потом жрец вылил в огонь две чаши вина и масла, отчего большими языками вспыхнуло пламя. На всех крышах раздались громкие восклицания:

– Агни^[87] принял нашу жертву! Агни любит нас! Агни услышал наши молитвы!

Молодой жрец тонким голосом запел старинную песню из священной книги Заратустры:^[88]

Звездное небо,

Моря пучины,
Звери и боги,
Дивы и люди —
Связаны все мы
Силой единой.

Вещее слово
Властно повсюду,
Слово сильней
Стрел и мечей.
Слушайтесь, звезды,
Слушайтесь, ветры,
Песни моей.

Силы, покорные
Знанию волшебному,
Звуки призывные,
Мчите вы ей...^[89]

Пение жреца разносилось по всей площади, отдаваясь эхом в мрачной башне.

Старый жрец поднял восковые руки, и оба его служки поддерживали их, чтобы они не опускались. Перед стариком развернули длинный свиток пергамента. Все на площади затихли, чтобы лучше слышать дребезжащий старческий голос главного жреца.

– Слушайте царский указ! Слушайте, что говорит царь царей:

«Великий бог Ахурамазда, который создал эту землю, который создал это небо над нами и облака, плавающие наверху и не падающие на нас, который создал все питание и питье на пользу человека, этот великий бог Ахурамазда избрал новым царем Персии и всех земель, ей подвластных, Бесса, великолепного и достойнейшего, почитающего пресветлого бога, чтобы Бесс был молителем и ходатаем за других перед Ахурамаздой.

Отныне царь Бесс будет царем над царями, царем над всеми землями и всеми разноязычными народами и владыкой над счастливой нашей землей Сугудой и над далекими странами.

Отныне имя ему будет царь Артаксеркс.

Он из рода Ахеменидов, перс по роду, сын перса, ариец, арийского семени. И ныне всем объявляется воля царя Артаксеркса: так как бог Ахурамазда сделал Бесса-Артаксеркса царем царей, то приказывается всем народам подчиняться царю Артаксерксу и поминать его имя в молитвах и приносить ему дары ежегодно, как это делалось раньше, во имя царя царей Дараиавауша, Кодемана, сына Бистаспахия, душу которого великий Ахурамазда взял к себе для высшего суда.

И теперь Артаксеркс, царь царей, говорит: как раньше персидское копьё далеко разнесло силу великого царя царей, покоряя всех его воле, бросая в пыль к ногам персов всех, кто им сопротивлялся, так и теперь, когда сын злого Аримана и змеи, двурогий явуна разбойник киликаса Искандер вторгся, как гантак-гад,^[90] в наши земли и во многих боях не мог разбить славные и могучие силы персов, а только гоняется, как бешеный волк, по персидской земле, то великий Ахурамазда пожелал отогнать двурогого Искандера от мирной и счастливой Сугуды, и он ушел в засыпанные снегом горы Хараивы,^[91] где он издохнет на камнях, как грязный шакал,

изъеденный червями.

О люди! Артаксеркс, царь царей, говорит всем честным почитателям светлого бога: что ни случается на земле, все случается по воле Ахурамазды.

Ахурамазда помогает желающим исполнить его волю. Ахурамазда защищает всех почитающих его, и поэтому не смущайтесь тревожными слухами, ибо Ахурамазда, который создал великое царство Персидское, он же и сохранит его нетронутым и единым до пришествия Великого Суда.

О люди! Не идите против воли Ахурамазды! Не оставляйте прямого пути, не делайте зла никому! Почитайте Ахурамазду!»

Старый жрец опустил руки. Жрец, державший пергамент, тщательно свернул его, приложил ко лбу и спрятал в кожаную трубку, висевшую на ремешке у пояса. Старик сделал знак рукой, и шесть других жрецов стали вокруг жертвенника. Они склонились своими длинными колпаками к земле, пошептали молитвы, выпрямились и, закрыв ладонью рот, бросили на жертвенник горсти зерна и куски смолы. Огонь опять вспыхнул.

– Жертвы приятны богу Агни! – воскликнули шесть жрецов и подняли кверху руки. Правая рука была ладонью кверху, как берущая, левая – ладонью вниз, как дающая.

Флейты заиграли нежный мотив, барабаны и бубны выбивали дробь в шесть тактов, жрецы стали кружиться, одновременно двигаясь вокруг жертвенника. Каждый из них делал круги различной величины, одни возле самого жертвенника, другие все более от него отдаляясь. От равномерного кружения их длинные одежды развевались колоколами, и в этих одинаковых позах с поднятыми руками жрецы казались большими пестрыми волчками.

Будакен услышал возле себя знакомый тихий голос:

– Это обозначает шесть планет на небе; они кружатся вокруг Земли: Луна, Нагид, Тир, Гормизд, Брагам и старый древний Кайван. [192](#)

Будакен оглянулся. Возле него находился на своем сером коне Спитамен. Он смотрел прищуренными глазами на вертящихся жрецов, затем сделал рукой небрежный жест:

– Этими молитвами и верчением они думают остановить натиск двурогого зверя! А он ищет крови и с каждым днем все к нам ближе...

Будакен смерил Спитамена холодным взглядом. «Гад-гантак! – прошептал он про себя. – Это ты сманил моих саков? Да я могу тебя раздавить двумя пальцами! Но ты мне еще нужен!» Он сдержал себя, его лицо оставалось непроницаемым.

Старый жрец воскликнул:

– Стой!

Танцевавшие жрецы мгновенно остановились. Служанки подняли старика и посадили на свои плечи. Прикрыв глаза рукой, он всматривался, где и как стояли кружившиеся жрецы. Затем его опустили на землю.

Старик стал громко и нараспев выкрикивать:

– Шесть планет созданы всеблагим Ахурамаздой. Они движутся по небу, не падая, по своим вечным путям, чтобы указывать людям волю великого бога, предсказывать будущее и предупреждать об опасностях. Большой враг сперва подошел совсем близко. Но расположение планет показало, что беда пролетает мимо и нас не коснется. О Сугуда! Ты прожила тысячу лет, счастливая и не тронутая врагами, и ты будешь жить дальше в мире, накапливая богатства благочестивых согдов. Слушай, Фейзавл, ты теперь заместитель Авшина Оксиарта, напиши царю царей Бессу-Артаксерксу, что мы молимся о нем днем и ночью, так что он может быть спокоен. Напиши также, что сочетание планет на небе и предсказание вертящихся планет на земле – все показывает, что двурогий зверь уходит все дальше в горы, оставив Сугуду в покое.

Фейзавл громко воскликнул:

– Да живет благополучно много лет наш царь Артаксеркс!

И все жрецы и воины на площади повторили этот крик.

Пешие и конные воины, стараясь соблюдать порядок, повернулись, прошли мимо Фейзавла с криками «Слава царю царей!» и скрылись в воротах за башней.

Фейзавл тронул своего нарядного коня и подъехал к Будакену:

– Ты слышал указ высочайшего, премудрейшего Артаксеркса? Теперь Согдиана будет главной сатрапией всего великого Персидского царства, а Мараканда – его столицей. Бывший наш сатрап Бесс отсюда будет управлять всеми народами. Великая судьба выпадает теперь Согдиане, и если тебя помнит Артаксеркс, то он может облагодетельствовать тебя и одарить подарками.

Будакен пожал широкими плечами:

– Мы, кочевники, живем бедно, но свободно. У нас нет ни дворцов, ни запрятанных в них богатств. Поэтому нам незачем и бояться двурогого зверя. У нас крепкие мечи и хорошие кони. Мы можем и уйти от врага в глубину степей, и встретить его так, как уже встречали царя царей Куруша.

Фейзавлу не понравился ответ Будакена, но персидская утонченная вежливость заставила его сдержаться и не показать своего недовольствия.

– Я должен тебя покинуть, князь Будакен, мне нужно писать в Мараканду об этом важном предсказании нашего главного святого жреца. Тебя обратно в сад радости души проводят мои слуги.

– А княжна Рокшанек? – воскликнул возмущенно Будакен. – Ты же сказал, что она меня ждет и примет для беседы! Для этого я и приехал сюда. Зачем ты шутишь со мной?

– Ведь здесь сейчас ты был на ее приеме, чего же ты еще хочешь? – ответил с видом крайнего удивления Фейзавл. – Вот она там, на крыше. – И Фейзавл указал на крышу дома, с которой свешивались красные узорные ковры. Там сидела группа женщин в ярких цветных одеждах. – Вон там княжна Рокшанек. Она смотрела на праздник гадания шести планет и уже видела тебя и твоих воинов.

– Я не для того здесь, чтобы увидеть на крыше покрывало княжны Рокшанек. Я хочу видеть ее и говорить с ней, и если ты этого не хочешь, то я сам пройду к ней в дом и разыщу ее!..

Будакен так настойчиво требовал свидания, что никакие уверения Фейзавла, что княжна устала, что она очень робка и боится вида воинов, не помогли. Фейзавл ударил плетью коня и подскакал к дому, где на крыше находилась Рокшанек. Через несколько мгновений на крыше поднялись переполох и беготня, и все женщины исчезли, оставив груды подушек.

Фейзавл вернулся к Будакену:

– Сейчас ты увидишь прекраснейший цветок Сугуды княжну Рокшанек. Теперь все они побежали переодеваться.

Всадники остановились около выбеленной глухой стены. Открылись ворота, пропустили Фейзавла и опять закрылись.

Скифы остались ждать снаружи. Казалось, дом замер, ни одного звука не доносилось изнутри.

Хош шептал Будакену:

– Зачем ты хочешь увидеть эту девушку? Она боится, она ничего не знает. Всем управляет этот толстый человек с привязанной бородой.

– Молчи, ты ничего не понимаешь.

– Но у тебя уже есть четыре дородных жены! Зачем тебе еще? – не унимался Хош. – Разве у тебя мало забот?

– Если я поехал в далекие страны, – объяснял Будакен, – то моя душа хочет все увидеть: как живут у себя дома согдские князья, какие у них ковры, как одеты их жены и дочери. Должен же я все это рассказать дома, когда благополучно вернусь в мои шатры и поочередно буду сидеть у моих жен. Если этот князь живет хорошо, то, может быть, и я у себя в степи построю такой же дворец и моих дочерей одену так же. Пусть кругом все в степи знают, что и князь Будакен живет не хуже, чем согдские богачи.

Хош стал причмокивать:

– Какая у тебя мудрая голова! Ляй-ляй, вай-вай! А я и не понимал, зачем ты все это делаешь. Думал, что ты хочешь опять жениться.

Ворота открылись. Показался Фейзавл:

– Войди, князь, и еще пусть войдет сюда один человек. Больше нельзя: женщины таких, как ты, очень боятся.

Скифы отказались войти во двор.

– Там нас задушат, – бормотали они. – И ты, князь Будакен, получишь удар кинжала сквозь шелковую занавеску. Вспомни песни Саксафара!

Если Будакен решал что-нибудь сделать, то никому не удавалось отговорить его. Он соскочил с коня, отдал копьё Хошу, расправил плечи и затекшие ноги.

– Кто пойдет со мной?

– Если позволишь, я пойду. – Спитамен прыгнул на землю. – Я же обещал проводить тебя до самых Суз. Вот мы и увидим согдианскую сус. ^[93]

Остальные скифы решили ждать, а Будакен, согнувшись, шагнул в дверь вслед за Фейзавлом. За ним последовал Спитамен.

Посередине двора находился квадратный бассейн с водой, обложенный плитами, отшлифованными временем. По сторонам кудрявились клумбы с кустами темно-красных роз. Двор окружала галерея с тонкими деревянными колонками, покрытыми затейливой резьбой. Несколько сплетенных из синих ниток клеток с соловьями и красноглазыми перепелами висели под крышей.

Оба скифа, следуя за Фейзавлом, прошли в персиковый сад, окруженный высокой глиняной стеной. Под развесистыми карагачами показался небольшой дом, как будто сложенный из серых кубиков, приставленных друг к другу. Вместо крыши пузырился ряд небольших куполов.

Черные павлины, волоча длинные хвосты, бродили по дорожкам, перекликаясь резкими голосами. Две ручные антилопы с маленькими рожками паслись между деревьями. В дверях дома стоял, как будто не впуская, высокий толстый евнух с обвисшим, сморщенным, безволосым лицом. Фейзавл грубо оттолкнул его.

Из глубины сада понеслась ноющая песня, начатая высоким, тонким голосом. В стороне под тенистым деревом сидели несколько юношей в нарядных лиловых одеждах, подпоясанных шарфами, с пестрыми повязками на головах. За ухом у каждого был заткнут красный цветок. Они держали в руках лютни и сопровождали песню нежными аккордами.

Над плоской крышей – желтый месяц.
Любимой тень увидел я,
Она смешалась с тенью лестниц,
Ступенек затемнив края.

Я люблю тебя, милая, за капризный обман!

О любимая! Померанец ты Курешаты!
Я себя приношу тебе в жертву.
В исступленной безумной пляске
Я верчусь подобно ветру.

Я люблю тебя, милая, за капризный обман!

Ты убила на крыше влюбленного,
Его кровью письмо написала,
И кровавая рана сияла
На письме из-под локона темного.

Я люблю тебя, милая, за капризный обман!

Я ушел с караваном, болея тобой,
Нес тоску от долины к долине.
К плоской крыше стремились лучи золотой,
Драгоценной, небесной лилии...

Я люблю тебя, милая, за капризный обман!^[94]

Спитамен тронул за руку Будакена:

– Это все женихи! Времени у них много. Им не приходится ловить в степи диких коней.

Фейзавл ввел скифов в первую маленькую комнату. Слабый свет лился сверху, из купола, в котором было три круглых окна, закрытых узорчатыми решетками. Во всех отверстиях решеток просвечивали тонкие роговые пластинки.

Когда глаза привыкли к сумраку, можно было увидеть в стенах ниши, где стояли рядами медные и глиняные вазы, чашки и разноцветные стеклянные пузырьки.

Фейзавл, поднимая цветные занавески, повел гостей дальше, сквозь такие же небольшие комнаты, и привел в более просторную залу, верх которой состоял из четырех куполов с круглыми резными окнами. Все четыре купола опирались на одну резную колонну, стоящую посреди зала.

На полу лежали пестрые ковры. В стороне стояло одинокое пустое кресло с высокой, изукрашенной резьбой спинкой. Вдоль стены, тесно прижавшись, сидели около двадцати женщин в ярких пышных платьях.

Все женщины разом встали, приложили руку ко лбу и к груди и наклонились до земли,

воскликнув по-согдски:

– Добро пожаловать!

– Процветайте! – ответил Будакен.

Платья зашуршали, и женщины опустились на ковер, но при каждом движении Будакена шевелились, приподнимались и вздрагивали, словно готовые убежать.

– Садись, достойный защитник справедливости! – прозвучал певучий женский голос.

Гости опустились на подушки.

Воцарилось молчание.

Будакен косился на пестрые, яркие одежды женщин, на их нарумяненные лица и не мог решить, которая же из них княжна – дочь правителя края.

В середине группы величественно восседала очень полная женщина, закутанная в прозрачный шелковый шарф. На голове в золотом венке дрожали на проволоках золотые бабочки. Будакен заметил тяжелые золотые серьги, ожерелье из цветных камней, множество золотых браслетов на полных руках и кольца на всех десяти пальцах.

Впереди на ковре сидели маленькие девочки, одетые в длинные платья, как у взрослых. Глаза их были обведены черной сурьмой, брови соединены в одну линию и лица так набелены и нарумянены, что все девочки были похожи одна на другую. Впереди детей сидел маленький толстый мальчик, украшенный ожерельем и золотыми побрякушками, пришитыми к одежде.

Он один смотрел в упор на Будакена и улыбался.

Все остальные сидели опустив глаза.

Фейзавл стал задавать вопросы вежливости:

– Каковы ваши благородные обстоятельства? Много ли у вас силы? Не мучает ли болезнь головы?

За всех отвечала полная женщина одной и той же фразой:

– По воле бога всемогущего и благодаря вашему вниманию очень хорошо.

Фейзавл обратился шепотом к Будакену:

– Может быть, и ты, князь, хочешь что-нибудь спросить?

Будакен хотел ответить тоже шепотом, но его голос прогудел на всю залу:

– Кто эта одаренная полнотой красавица, сидящая посередине? Не она ли княжна, дочь правителя?

Все женщины зашептались, раздалась удивленные восклицания и сдавленный смех.

– Эта женщина, украшенная столько же добродетелью, сколько и полнотой, жена правителя этого края. А дочь ее, княжна Рокшанек, еще не выходила.

Княгиня-мать, оправив платье и ожерелье на груди, зашептала на ухо мальчику:

– Княжич Гистан, пойдя к Рокшанек и скажи, чтобы она вышла наконец. Этот храбрый скифский царь очень хочет ее видеть.

Мальчик засеменял зелеными сафьяновыми сапожками. Заколебалась шафранная, расшитая узорами занавеска, и из-за нее раздался недовольный голосок:

– И он тоже хочет меня видеть?

Мальчик, фыркнув в руку, вернулся, откидывая занавеску. За ней показалась худощавая девушка с бледным лицом. Она глядела вверх обведенными сурьмой продолговатыми глазами, не обращая ни на кого внимания. Две черные, с синим отливом, волнистые косы, сплетенные под ушами из нескольких маленьких косичек, падали на грудь, украшенную янтарными бусами. В длинной, до пят, малиновой с лиловыми полосами рубашке, с поднятыми горизонтально белыми руками, она двигалась по ковру такими осторожными шагами, точно старалась обойти невидимые хрупкие предметы.

Подойдя к большому резному креслу, усталым движением княжна ступила на скамеечку и

опустилась на парчовую подушку, подобрав ноги в зеленых шелковых шароварах. На ее ногах блеснули тонкие золотые браслеты.

Рокшанек полуотвернулась от Будакена с таким видом, точно ей все надоело.

– А где же мой красавчик? – забеспокоилась она. – Приведите его сюда!

Из-за занавески вышла весело улыбающаяся девочка – эфиопка с курчавыми блестящими волосами, с полосатой повязкой вокруг бедер. В ноздре было продето медное кольцо с бирюзой.

Эфиопка держала на цепочке большую серую ящерицу-варана, которая то тянулась вперед, то отбегала в сторону.

– Дай ей мушку, – сказала Рокшанек.

Эфиопка вынула из плетеной корзинки зеленого кузнечика и пустила его на ковер.

Кузнечик скакнул, ящерица прыгнула и схватила кузнечика на лету.

– Я благодарю тебя за твой подарок, – загудел Будакен.

– Какой подарок? – протянула удивленно Рокшанек. – Разве я ему посылала подарок? – обратилась она к Фейзавлу.

– Когда я узнал о приезде храброго князя, я от твоего имени передал ему из твоего сада лучшую розу и спелый плод граната.

– И еще он мне прислал дыню, – добавил Будакен.

– Только одну дыню?! – воскликнула Рокшанек. – Разве можно такому большому человеку послать одну дыню? Фейзавл, ты бы послал ему верблюда, нагруженного дынями и гранатами.

Все женщины засмеялись, а мальчик, указывая пальцем на Будакена, сказал Фейзавлу:

– Он гораздо сильнее тебя.

Рокшанек равнодушно спросила:

– Правда ли, что у вас мужчины сами доят кобылиц?

– И вы едите лошадей? – добавила княгиня-мать.

– На наших конях мы мчимся по степи, они дают нам еду, и мы едим то, что мы любим.

– Водятся ли у вас на родине такие ящерицы? Убиваете ли вы их?

– У нас их много, – ответил Будакен. – Но их трогать нельзя: они наши друзья – ловят ядовитых змей.

– А у тебя есть такой дом, как этот? – лениво обратилась Рокшанек к молчаливому Спитамену.

– Мы, кочевники, имеем такие дома, чтобы их можно было увезти с собой на другое место.

– А почему? – Мысли Рокшанек были далеко, и она дразнила павлиньим пером ящерицу, шипевшую и раздувавшую горло...

– Наши кони и бараны любят новые места, – отвечал Спитамен. – Когда мы стоим целую зиму в одной долине, весна разогреет землю, зацветут красные маки, желтые тюльпаны и синие ирисы, потянутся на север перелетные птицы – тут у всех кочевников разгорается сердце, мы торопимся снять шатры и уходим далеко, на много дней пути, к берегу речки или к подножию горы, где из камней выбиваются чистые ключи. Там мы снова спешим поставить шатры и пустить наш скот на свежую, незатоптанную траву. И тогда наши быки и кони скоро делаются круглыми, с блестящей шерстью.

Рокшанек захлопала в ладоши:

– Вот это мне нравится! Мне скучно здесь, в этих стенах. Я хочу повидать мир, проехать по бесконечным дорогам, которые тянутся через всю вселенную. А они меня, – она показала на других женщин, – заставляют выйти замуж за одного из мальчиков, воющих в саду, чтобы он запер меня в своей башне и заставлял всю жизнь вышивать занавески.

– Почему же ты не уйдешь посмотреть мир? – спросил Спитамен.

– Я? Уйти одной? А кто будет заплетать мои волосы? Кто будет растирать мое тело

душистым маслом? Нет, я жду, что великий Ахурамазда услышит мои молитвы и пришлет мне такого могущественного человека, который провезет меня через далекие страны до того места, где небо сходится с землей.

– Я знаю женщину, – сказал Спитамен, – она без могущественного человека, одна с ребенком прошла пешком через всю Персию, от Мараканды до Вавилона, чтобы разыскать своего мужа, проданного в рабство.

– Значит, она шла пешком, как нищая? – Губы Рокшанек скривились в усмешку.

– Да. Она раскаленным гвоздем сожгла себе лицо до пузырей, закуталась, как прокаженная, рваным покрывалом, чтобы ее никто не тронул в пути, и протянутая за милостыней рука прокормила и ее, и ребенка.

– И что же, нашла она в Вавилоне мужа? – спросила одна из женщин.

– Да, она нашла мужа, помогла ему бежать, и они вместе вернулись в Мараканду. Это была моя мать.

– О, счастливая! – воскликнули женщины.

Но Рокшанек, пожав плечами, отвернулась от Спитамена и обратилась к Будакену:

– Почему ты так грустен?

– Мой сын ушел на войну по вызову царя царей и попал в плен, теперь он стал рабом.

– Мое сердце грустит о нем – я жалею его...

– Если бы мой сын был свободен, – сказал Будакен, – то он бы смог показать тебе полмира.

– Но я же не могу его долго ждать! Мне скучно в этом доме.

Фейзавл решил, что разговоров было достаточно, и шепнул Будакену:

– Не хотел ли ты сделать княжне подарок?

Будакен порывшись за пазухой, вынул кожаную коробочку, искусно сплетенную из черных и красных ремешков, и передал ее Фейзавлу. Тот выдернул из-за пояса шелковый зеленый платок, положил на него коробочку, встал и, наклонившись с видом крайней почтительности, мелкими шажками подошел к Рокшанек. Опустившись на колени, он на вытянутых руках протянул ей подарок. Рокшанек, скривив недоверчиво губы, взяла коробочку концами тонких набеленных пальцев с накрашенными ногтями, раскрыла, посмотрела внутрь, опять закрыла и повертела в руках. Затем снова открыла и вынула оттуда золотое ожерелье, сделанное скифскими мастерами из тонких завитков проволоки, колечек и бляшек.

Она повернула ожерелье перед собой и нетерпеливо крикнула:

– Чего же вы ждете? Дайте же мне зеркало!

Эфиопка побежала за занавеску и принесла оттуда серебряное шлифованное зеркало с длинной ручкой и глиняную расписную чашу с водой. Рокшанек окунула зеркало ^[95] в воду и передала эфиопке, чтобы та держала его перед ней, сама же стала примерять золотое ожерелье.

– Очень хорошо! – восклицали все женщины. – Ты красавица! Ты можешь быть царицей у скифов!

– Конечно, могу, – ответила небрежно Рокшанек. – Все меня любят. Но если скифский царь умирает, то его жену сжигают вместе с покойником, поэтому мне не очень хочется быть скифской царицей... – И воркующим голосом она обратилась к Будакену: – Я буду ждать полгода; если твой сын за это время вернется, то пусть приедет сюда, ко мне. Я посмотрю на него и тогда скажу, кто лучше: ты или он.

Она подняла тонкие руки и, звеня браслетами, осторожно раскачивающейся походкой вышла и скрылась за занавеской. За ней проскользнула эфиопка с ящерицей. Все молча глядели ей вслед, а из сада доносился вопль песен женихов.

Фейзавл осторожно поднялся. Будакен посмотрел на него, грузно встал, широко расставил ноги.

Все женщины вскочили и хором прокричали:

– Да хранит вас всевидящий!

– Процветайте! – ответили уходившие.

Они прошли сквозь пропитанные запахом гвоздики и мускуса маленькие комнаты и вышли во двор. Яркий свет солнца ослепил их. Скифы, сидевшие в тени за воротами, вскочили и подвели Будакену коня. Они тронулись и вереницей въехали в узкий глухой переулок.

Хош стал спрашивать Спитамена:

– Правда ли, что княжна Рокшанек самая красивая и умная девушка в Сугуде?

Спитамен подумал и ответил:

– В сказках всегда рассказывается, что жена или дочь царя прекраснее и умнее всех. О том, что Рокшанек прекрасна, поют все юноши, которые хотят сразу попасть в райский сад, сделавшись зятем князя Оксиарта. Но едва ли Рокшанек сумеет растереть три зерна пшеницы в муку и едва ли знает, как надо доить козу!

Хош вздохнул:

– Это надо знать нашим женщинам, женам бедняков, а ведь она княжна! Разве княжны должны работать?

Спитамен посмотрел на Хоша и процедил:

– Ты блюдолиз, все шепчешь на ухо своему князю. Вот и шепни ему, чтобы он отрезал твой потрепанный язык...

* * *

Когда скифы вереницей подъезжали к торговому двору, Спитамен остановил Будакена, указав на двух вооруженных согдов, удерживавших рвавшегося и громко стонавшего человека. Лицо его было залито кровью. Сквозь нос была продета кость и к ней привязан конец веревки. Руки были скручены за спиной. При каждом движении веревки он вскрикивал.

– Наверное, большой преступник? – спросил Будакен.

– Левша-Шеппе! Из-за тебя погибаю, спаси меня! – кричал человек.

– Кукей-чулочник! Что с тобой сделали? – воскликнул Спитамен.

Он бросился вперед, стал наотмашь бить плетью, и оба согда, державшие Кукея, отбежали. Спитамен спрыгнул с коня, ножом перерезал веревки.

– Не выдергивай кости из носа, – стонал Кукей. – Кровь опять польется! – Кукей вцепился в повод коня Спитамена. – Теперь я не уйду от тебя, я буду с вами, иначе меня казнят!

– Кукей, хотя ты теперь и без носа, но можно жить и без этого – подумаешь, какое горе! – успокаивали скифы Кукея. – Ты будешь с нами, и никто тебя не тронет! – И они под руки увели плачущего Кукея внутрь двора.

«Я люблю тебя, милая!..»

Когда гости из сакских степей ушли, Рокшанек вернулась обратно в большую комнату. Прижав ладони к вискам, она вздрагивала и покачивалась, готовая упасть.

Все женщины, сидя тесным кольцом, щебетали, обмениваясь своими наблюдениями:

– Этот толстый скиф совсем не умеет себя держать как князь – размахивает руками и скребет за ухом.

– Но у него лошадей больше, чем жителей в нашем городе!

– Как замечательно ходила наша Рокшанек – совсем как царица! Она рождена стать царицей!..

– Если бы Рокшанек вышла за этого князя замуж, она бы стала царицей всех скифов и носила бы красную царскую одежду с золотой бахромой.

Рокшанек простонала:

– Перестаньте кудахтать! Разве вы не видите, что я умираю!

Княгиня-мать и другие женщины вскочили, испуганные, и подхватили княжну.

– Что с тобой, милая? – шептала мать. – Этот молодой скиф смотрел очень злобно; не испортил ли тебя его дурной глаз? Может быть, то ожерелье, которое подарил тебе «полтора человека», было заговоренное и принесло тебе болезнь? Ведь скифы не любят нас, согдов.

Но Рокшанек нетерпеливо отмахивалась тонкой рукой, и браслеты раздраженно звенели.

– Нет, нет! Совсем не то!

– Так что же? Скажи, моя душа!

– Ничего вы не видите и не понимаете: от этих диких людей пахло так ужасно, как от табуна диких лошадей!

Все женщины переглянулись и всплеснули руками:

– Вот это настоящая княжна! Как она страдает от того, чего мы даже и не заметили! Но они уже ушли, почему же ты страдаешь?

– Разве вы не чувствуете, что после них в доме осталось невыносимо кислое облако? Дайте мускуса и розовой воды! Сделайте же что-нибудь, а то я задохнусь!

Все забегали. Принесли жаровню с горячими углями. Закурились голубые дымки от тлеющих ароматных корешков. Мать с молитвой бросала на угли сушеные стебли васильков и порошок шафрана. Служанки обрызгивали комнату розовой водой. Все бережно перевели Рокшанек в ее комнату и уложили на мягких подушках. Она стонала, закатывая глаза. Маленькая эфиопка обмахивала ее опахалом. Даже любимая ящерица раздражала Рокшанек, и ящерицу унесли.

Княгиня выслала всех женщин и тихонько ушла, оставив на ковре около Рокшанек блюдо с виноградом и медовым печеньем. Эфиопка заперла за княгиней дверь на задвижку и вернулась к Рокшанек.

– Все ли ушли? – простонала девушка. – Как они меня мучают женихами, гостями и заботами! Ты будешь сидеть у двери и слушать. Если постучат, скажи, что княжна очень больна и не позволяет ее беспокоить.

Эфиопка со страхом взглянула на больную и скрылась за ковровой занавеской на двери.

Тогда Рокшанек вскочила и бесшумно, как кошка, прошла по комнате. Из-под ковра она вытащила сверток, сняла со стены маленький кинжал и засунула его за шелковый пояс, по приставной лестнице легко поднялась к потолку и сквозь квадрат, светившийся синим небом и звездами, вышла на крышу.

Город гудел тихим ропотом теплой засыпающей ночи. Певуче перекликались ручные

перепела. Издалека неслись затейливые переливы песни, сменяясь мягким перебором струн. С полей прилетали взрывы мрачных воплей подбирившихся к домам шакалов и разом обрывались.

При сиянии больших оранжевых звезд голубое платье Рокшанек светилось в темноте. Она подошла к краю крыши и смотрела вдаль, на рассыпанные по равнине потухающие огоньки домов. За ними в небе четко вырисовывались угловатые линии горных хребтов.

Она взглянула вниз, в сад, где темнели гранатовые кусты и тянулись ряды молодых персиковых деревьев.

В кустах засвистел кузнечик. Рокшанек развернула сверток и осторожно спустила с крыши шелковую лестницу, зацепив ее за деревянный выступ стены. Неясная тень проскользнула на крышу и, как дуновение ветра, приблизилась к Рокшанек.

– Это я, Фирак, раненный стрелой из лука бровей твоих! Три дня и три ночи я умирал в страданиях, не видя на стене твоего красного покрывала. Теперь я здесь, милая! Я пришел по твоему зову и готов умереть для тебя.

Трепетная рука коснулась плеча Рокшанек, и ее ожерелье зазвенело.

– Иди сюда, Фирак. Мы останемся здесь под алмазными звездами, и ты будешь мне много говорить. Сегодня я хочу слушать тебя... Говори мне про далекие страны. Я хочу увидеть шумные города, синие моря с краснокрылыми кораблями...

– Я не князь, – шептал юноша, – у меня нет богатств, я только бедный певец, но я умею петь, и люди любят слушать мои песни. Эти песни прокормят и меня и тебя. Бежим отсюда, уедем в далекую страну. Там я буду петь про твои лучистые глаза, про твою нежную тень, про звон твоих браслетов, когда ты идешь, легкая, как пантера. Люди будут бросать мне тяжелые серебряные монеты и блестящие золотые дароки.^[96]

– Я не могу бежать с тобой. Я не могу идти по пыльной дороге, одетая в рубище нищей. Но я не хочу жить и без твоих песен. Отец сказал, что отвезет меня в Мараканду, где новый царь царей ищет невесту. Он говорит, что если я буду умна и хитра, то сумею стать царицей Персии. Ты знаешь, как строг мой отец, и, если я не исполню его воли, он прикажет бросить меня в Башню молчания.^[97] Так жить я больше не могу... Но что это? Концы моих пальцев чувствуют у тебя на глазах слезы. Ты не огорчайся, я не забуду о тебе и возьму тебя с собой; ты будешь петь при княжеском дворе, и, когда я позову тебя, ты будешь петь песни о райских садах, к которым стремятся и не могут прийти караваны...

– Умрем вместе – и мы улетим на крыльях вечного сна в чудесные сады!

Громкий стук в ворота и крики заставили встрепетаться Рокшанек. Она вырвалась из объятий юноши и подбежала к краю крыши. По дорожке сада шли люди с оранжевым фонарем.

– Это отец! Я узнаю его голос. Он неожиданно вернулся! Что делать? Он идет сюда. Если он нас увидит, то барабаны моего позора покатаются отсюда и загремят по всем базарам.

– Умрем вместе сейчас!..

– О мой драгоценный Фирак! Да, умрем! Вот мой кинжал!

Юноша приставил конец кинжала к груди и бросился на него.

– Я люблю тебя, милая!.. – прошептали немеющие уста.

Рокшанек наклонилась над юношей и прислушалась.

– Что мне делать? Как спастись? Как страшно умирать! Зачем он это сделал?

Голоса в саду обошли дом и потом донеслись снизу, из внутренних комнат.

Рокшанек ждала, обессиленная, не зная, что делать... Заскрипела лесенка из ее комнаты, и в квадратном отверстии крыши показалось освещенное фонарем лицо князя Оксиарта, его длинный сухой нос, курчавая борода и войлочный колпак, из-под которого выбивались длинные волосы. Оксиарт весело улыбался. За ним влез на крышу угрюмый старый евнух Фанфал.

– Ты здесь, Рокшанек? Ты ходишь, не боясь дивов или опасного болезнями ночного ветра?

Значит, ты уже не больна? Сама ты виновата – зачем принимала этих степных разбойников саков. Я разрубил бы их на мелкие куски и бросил гиенам. Подумай, этот князь Будакен держал меня, как простого пленника. Только его зять, князь Гелон, дал мне лошадей и проводника и отпустил на свободу. За это я ему обещал прислать старого вина, золота и невольниц... Но что с тобой?.. Твое лицо бледно... Откуда кровь на твоих руках и одежде?..

Опустив глаза, Рокшанек отвечала с трудом:

– Сюда на крышу влез неизвестный разбойник и набросился на меня. Я – дочь воина и ударила его кинжалом. Он упал...

Рокшанек зашаталась и бессильно опустилась на ковер. Оксиарт растерянно посмотрел на дочь, затем на евнуха. Тот невозмутимо поднял кверху указательный палец:

– Тише!

– Фанфал, негодный баран! Я тебе отрублю голову!

– Не за что!

– Почему ты недосмотрел? Что ты делал?

– Я исполнял приказание княжны Рокшанек и наблюдал, чтобы все женщины в доме не ходили, не пели и не говорили – у нее болела ее мудрая голова.

– Но ты забыл мое приказание – охранять дом!

– Нет, я был также в саду и там слушал пение кузнечика.

– И видел что-нибудь?

– Видел, как кузнечик влез на крышу.

– И ты ничего не сделал, чтобы схватить его?

– Я услышал топот лошадиных копыт, побежал тебе навстречу и привел тебя сюда, на крышу. Вот лежит этот разбойник... Да ведь это наш беззаботный певец Фирак! Тише, господин!

– Как ты можешь говорить «тише»? Надо позвать слуг, отнести презренное тело на площадь и там рассечь на части, чтобы устроить других!

– Нет, господин! Не так надо сделать. Злые языки любят чернить самое достойное. Поэтому надо взять верного слугу и отнести тело этого кузнечика в Башню молчания. Туда надо войти втроем, а назад выйти одному.

– Ты мне предан, Фанфал. Я этого не забуду! Когда все заснут, ты сделаешь это. А сейчас позови только основу добродетели, княгиню-мать! Надо помочь бедной княжне. Она нездорова. Мы должны охранять ее.

В башне молчания

Подъехав к воротам постоянного двора, Будакен придержал коня и подозвал Хоша.

– Прикажешь зажарить тебе барана? Или сварить в молоке ягненка? – подобострастно заглядывая в глаза, спрашивал Будакена старый слуга.

– А как ты думаешь, что будет лучше? – обратился князь к Спитамену.

– Самое лучшее – сейчас же выючить коней и уезжать! – отвечал шепотом охотник. – Стены надвигаются на нас, и за этими стенами шуршит измена.

– Да будет так! – ответил Будакен.

– Но теперь поздно, – вмешался Хош, – подняты шлюзы и по канавам вода пущена на поля. Мы не найдем брода, кони увязнут в намокшей земле.

– Мы сейчас едем, поторопи молодцов! – проворчал Будакен.

– Твоя воля – тетива для стрелы! – Хош поклонился и коснулся ноги Будакена. Он глазами подмигнул в сторону Спитамена и шепнул: – Не верь ему.

– Делай свое дело! – рявкнул Будакен.

– Делаю, делаю! – забормотал Хош и проехал в ворота.

* * *

Верхушка сторожевой башни еще горела в последних красных лучах заходящего солнца, в переулках протянулись лиловые тени, когда скифы гуськом пробирались задворками, через проломы стен. Они выехали из города сквозь задние ворота, ведущие к Шур-Бельским горам. Асук был привязан к спине лошади, он был так пьян, что ничего не понимал и твердил одно:

– Асук – умный человек, он умнее самого Будакена!

Коня вел за повод сторож Кукей. Боясь быть узнанным слугами Фейзавла, он обернул себе лицо синей тряпкой и закутался в скифский плащ.

Два сторожа, сидевшие близ ворот, смотрели, разинув рты, на проезжавших скифов, на их необычные пестрые одежды и мохнатых коней. Сторожа долго спорили о том, нужно ли пойти к начальнику и донести об уехавших иноземцах. Наконец они решили, что попозже, когда ворота закроются, они пойдут на базар, в винную лавку, и там расспросят постоянных посетителей, что за странные гости проехали через город.

Скифы подымались по пустынной дороге в сторону гор. Когда скалистые хребты загородили багровое небо, Спитамен дал знак остановиться. Впереди расстилалось большое поле с зелеными кустами хлопчатника, залитое водой. Несколько черных от загара и грязи крестьян, едва прикрытых рваными тряпками, ходили около канав с длинными шестами и направляли по полям потоки воды. В тихом вечернем воздухе ясно доносились их крики.

Здесь скифы сняли вьюки и стреножили коней. Поляна, на которой они находились, заросла репейником и травой.

В стороне виднелась низкая и широкая башня без крыши. Возле нее прилепился глинобитный домик.

Скифы развели три костра и, воткнув в землю пики, улеглись звездой вокруг огней.

– Что это за башня? – расспрашивал Будакен.

Спитамен поморщился:

– Это Башня молчания, там собаки объедают покойников. Ты, князь, умирай где-нибудь подальше – здесь плохо умирать.

– Зачем же этих собак не передавят?

– Что ты! Это священные собаки. Кто их тронет, того убьют. А в этом домике около башни живут особые святые старики, сперва они помолятся над покойником, а потом отдают труп собакам.

– О великий Папай! – воскликнул Будакен и плюнул назад через левое плечо. – Я хочу умереть в поле, в битве, чтобы в последний раз увидеть Железный гвоздь^[98] на небе, слышать свист ветра и чувствовать запах лошадиного косяка. А здесь лучше совсем не умирать, а скитаться, как последний нищий. А все-таки надо бы рассказать в степи, как согдские собаки объедают покойников. Князь Тамир, наверное, этого не видел. Нельзя ли сходить туда, в башню, посмотреть?

Взошла луна. Скифы дремали, пригретые огнем костров. Будакен и Хош направились к Башне молчания; впереди Спитамен отыскивал дорогу межами среди залитых квадратов полей. Они шли по краю канавки, где быстро струилась вода, перепрыгивали через запруды. Голубой лунный свет заливал тихую равнину, по голым пустырям скользили бесшумные тени волков и шакалов. Широкая башня одиноко чернела впереди. В пристройке мерцал огонек. Когда скифы приблизились, они услышали глухое ворчание, визг и вой, на который откликались в оврагах сотни голосов невидимых шакалов. С одной стороны к верхушке башни вела узкая каменная лестница. Спитамен стал бесшумно подниматься по громадным ступеням, высеченным из цельных камней. На верху башни раздался шорох, большие черные тени замахали широкими крыльями и, взлетев, закружились над головами скифов.

Будакен выхватил меч; Хош уселся на ступеньке и умолял не идти дальше.

– Это дивы и пэри слетаются сюда по ночам, чтобы попугать мертвецов. Они выпьют нашу кровь и разорвут нас на куски.

– Это голошеие орлы-стервятники! – сказал Спитамен. – Смотри, Хош, чтобы они не унесли тебя на вершину горы. Они любят таких откормленных, как ты.

С верхушки лестницы можно было смотреть внутрь башни. Лунные голубые лучи ярко освещали часть внутренней площадки. Белели груды человеческих костей. Большие черные длинношерстные собаки бродили и дрались, вырывая друг у друга кости. Почуя присутствие посторонних, собаки прекратили возню, сбежались в кучу и начали лаять.

– Собаки просят, чтобы им дали есть! – сказал Спитамен. – Придя сюда, родственники покойников смотрят на собак сверху и бросают им еду.

– Какой шум, какой собачий базар! – плевался Будакен. – Идем скорей отсюда!

Вдруг собаки замолкли и отбежали в сторону. Внизу стукнула дверь. Показался старик в белой одежде и в белом колпаке. В одной руке он держал фонарь, в другой – длинную палку с трезубцем на конце.

– Спрячься! – шепнул Спитамен. – Сейчас ты увидишь то, что не всякому удастся посмотреть.

Все трое припали к стене, продолжая наблюдать.

За стариком вошли два человека с носилками на плечах. Один из несших был большой пухлый безбородый человек. Другой – полуголый раб. На носилках лежало тело, перевитое веревками. В лунном свете отчетливо было видно лицо юноши с закрытыми глазами, бледное, как снег. Носилки поставили одним концом на землю, другим прислонили к стене, так что юноша оказался в стоячем положении.

Старик в колпаке распорядился и объяснял:

– Покойник должен быть обращен лицом к востоку, чтобы встретить восход солнца. Его душа будет оставаться здесь, пока священные собаки не объедят все мясо. Тогда душа улетит на мост Чинвад и там будет ждать разрешения пройти по доске, тонкой, как острие ножа. Если

душа была праведна, то счастливо пройдет по доске, если же в жизни сделала много зла, то оборвется и упадет в зеленое топкое болото, где пэри ее будут мучить и жечь на вечном огне.

Старик стал бормотать и петь молитвы, простирая руки к луне. Пухлый безбородый человек отошел назад, вытащил веревку и сзади стал подбираться к рабу. Петля упала на голову раба, и он опрокинулся назад, но тотчас же стал яростно защищаться, и оба упали на землю. Собаки подняли лай, а старик старался ударить трезубцем боровшегося раба.

– Безумец, что ты хочешь сделать? – прошипел Будакен.

Спитамен вскочил на стену, уцепился за край руками и спрыгнул вниз.

– Я пэри этого места! – зарычал он хриплым голосом. – Кто осмелился нарушить священный покой мертвецов?

Спитамен поднял берцовую кость и начал колотить ею толстяка и старика. С диким воплем они бросились прочь и выбежали из башни. Дверь оставалась открытой.

Перепуганные, взерошенные священные собаки, прыгая друг через друга, с визгом бросились в нее и исчезли из башни.

Спитамен нагнулся к лежащему рабу и распустил узел, затянувший его шею. Тот поднялся, полуоглушенный, и попятился, со страхом глядя на Спитамена:

– Если ты пэри этого места, не убивай бедного раба! Я никому не сделал зла.

– Я такой же пэри, как ты! – ответил Спитамен. – Кто твой хозяин?

– Мой господин – князь Оксарт, владетель этого города. Он внезапно приехал сегодня вечером и приказал отнести этого мертвеца сюда, в Башню молчания.

– А кто был с тобой?

– Главный евнух Фанфал. Я не знаю, за что он начал душить меня. Я усердный раб господина моего.

– Но ты узнал больше, чем хотел твой господин, и в этом твоя вина.

Спитамен повернулся к покойнику. Юное лицо сохраняло нежные черты, не тронутые смертью. Глаза были закрыты. Спитамен прижал ухо к сердцу и долго слушал. Потом отцепил от пояса маленькую тыкву и влил в губы юноше несколько капель. Веки дрогнули, и уста прошептали:

– Я люблю тебя, милая, за капризный обман!..

– Э, да тут опять замешана эта тонкая ящерица. Она отправила его на мост Чинвад, а он все еще не может забыть ее! Я вылечу тебя от такой болезни!

Выхватив нож, Спитамен перерезал веревки. Маленький кинжал выпал к его ногам. Спитамен поднял его, осмотрел и засунул за голенище.

– Послушай, ты, неразумный раб господина твоего!.. Если тигр сделал неудачный прыжок и промахнулся, то он сделает второй прыжок, чтобы прикончить свою жертву. Тебе, бедняга, не будет житья у князя Оксарта: он все равно тебя убьет. Уходи сейчас со мной. И помоги мне взвалить этого молодца на спину.

Спитамен подхватил юношу и сквозь маленькую дверь вышел из башни. Будакен и Хош ждали внизу.

– Что здесь случилось?

– Князь Оксарт внезапно вернулся из степи и хотел двоих отправить на мост Чинвад. Мы должны ехать дальше, чтобы скорее выбраться из этой земли. А вот это тебе, князь Будакен, новый верный слуга. Он будет смотреть за твоими конями. Мальчик, лежащий у меня на спине, умирает, потому что коснулся ядовитых уст княжны со змеиными глазами. Он поедет на моем коне, если ты позволишь, а я пойду рядом. Это один из тех чудаков-красавцев, которые в саду пели песни в честь княжны Рокшанек...

– Пускай едет! – сказал Будакен. – Хватит и пшена, и хлеба. А когда он выздоровеет, то я

возьму его к себе в степь – пусть поет песни моим гостям и воспеваает красоту моих дочерей.

* * *

Когда все вернулись к кострам, Спитамен уложил юношу и долго с ним возился. Он осмотрел и обмыл грудь, засыпал рану темным смолистым порошком мумиё и перевязал тряпками.

Юноша что-то бормотал и вскрикивал, но не приходил в сознание. Спитамен посидел около него, пока тот не затих. Все скифы спали. Будакен, подложив ладонь под щеку, лежал на попоне. Его глаза то открывались и следили за огоньками костра, то опять слипались. Спитамен встал и подошел к рабу. Раб сидел у костра, обняв руками колени, и боязливо поглядывал на скифов. Спитамен толкнул его в плечо и сделал знак следовать за ним. Он нагнулся над одним из лежавших, который тихо и непрерывно стонал, приподнял его и шепнул несколько слов. Все трое отошли в поле, и, когда за кустами репейника скрылись огни костра, они уселись тесным кружком, прикоснувши ладонь к ладони, и переплели пальцы. В таком положении они приблизили головы.

– У тебя, Кукей, нос пробит верблюжьим гвоздем, тебе житья не будет за то, что ты убежал из города; а ты, покорный раб, можешь снова попасть в петлю князя Оксиарта. Теперь вам одно спасение: уходить в горы. Здесь, в этом ущелье, на берегу реки живет моя сестра – Улыбка Месяца. Туда вы отправите этого молодого дрозда, который пищал свои песни, пока не попал под княжеский нож. Моя сестра его вылечит горными травами, и если он не захочет навсегда замолкнуть, то тоже уйдет дальше, к вольным горцам. Сестра укажет вам тропу, которой вы придете в горы к кузнецам; они льют железо и куют стальные мечи; им всегда нужны работники, и они вас прокормят. Если же вам и там будет плохо, то вы сможете уйти еще дальше, за великую реку Окс.

Все трое обнялись, договорились, где снова встретиться, затем все разом подняли руки к небу, прошептав молитвы, и тихо вернулись к кострам. Осторожно взвалили они раненого юношу на коня, перевязали волосяными веревками и бесшумно скрылись в темноте.

* * *

Когда восток стал белесым, Будакен вскочил и крикнул:

– Готовить коней!

Спитамен сидел около костра, подкладывая в огонь репейник. Он растолкал крепко спавших скифов.

– А где же раненый? Где раб, где сторож с пробитым носом? – удивлялся Будакен.

– Они бежали, князь, – отвечал Спитамен. – Какая тебе польза от них, когда их уже нет?

Всадники навьючили лошадей и в предутренних сумерках потянулись верхней дорогой, изгибавшейся у подножия гор, направляясь к Мараканде.

Три дня ехали всадники пустынной тропой, избегая главного торгового пути. От времени до времени вдали в тумане показывались высокие стены то одного, то другого из семи городов, выстроенных против набегов кочевников пустыни.

Вдоль дорог тянулись старые тутовые деревья, покрытые белыми сладкими ягодами. От деревьев падала на дорогу непроницаемая тень... От легкого сотрясения с низко свесившихся ветвей градом сыпались тутовые ягоды на пыльную дорогу.

По всей равнине рассыпались богатые усадьбы согдских князей. Высокие глиняные зубчатые стены окружали постройки. Вдоль стен поднимались стройные тополя. Сквозь раскрытые ворота усадеб виднелись квадратные пруды, обсаженные кустами роз. Над ними простирали ветви величественные карагачи, громадными шапками поднимающиеся к небу. Около прудов на ровных приподнятых площадках, покрытых коврами и войлоками, лежали пестрыми цветниками группы женщин и детей. Они пели, смеялись, плясали, ударяя в бубны. Все они удивленно вскрикивали и замолкали, когда сквозь раскрытые ворота замечали вереницу скифов в черных башлыках, вооруженных тонкими пиками. Иногда по дороге встречались согдские князья, окруженные пышной свитой. Около князей ехали верховые, держа на кожаных рукавицах соколов и беркутов с надвинутыми на глаза птиц колпачками. Впереди бежали своры борзых собак, белых и желтых, с поджарыми животами и мохнатыми хвостами. Князья в нарядных одеждах, с позолоченным оружием гарцевали на горячих аргамаках, украшенных пучками перьев между ушами. Кони были покрыты серебряными или золотыми сетками и сияли, как пламя.

Среди полей возвышались насыпанные курганы. Возле них лепились жалкие хижинки крестьян, сложенные из глины и хвороста. Там работали обожженные солнцем крестьяне, едва прикрытые лоскутами дерюги. Голые бронзовые тонконогие дети с большими животами, с несколькими косичками, торчащими в разных местах головы, барахтались в пыли и, увидав путников, карабкались на заборы и кричали оттуда.

Две ночи скифы разбивали стоянки вдали от селений, на холмах. Уже проехав Зар-Гар и Дарвас-Кам, они переправились через множество каналов реки Санзар. Наконец спустились в долину реки Золотоносной^[99] и увидели вдали бесчисленные дома и сады блистательной Мараканды, столицы согдов.

Казалось, этот город не имел ни начала ни конца. К городу тянулись со всех сторон бесконечные сады. Между деревьями прятались плоские крыши домов, и среди этого сплошного сада возвышались высокие глиняные стены с зубчатыми башнями.

– В этой крепости живет правитель Сугуды сатрап Бесс – новый царь царей, – сказал Спитамен. – Там у него сложено запасов хлеба на пять лет. На конном дворе прикованы цепями тысяча лучших жеребцов, а в домах, окруженных розами и персиками, тоскуют триста шестьдесят пять жен – столько, сколько дней в году. Согдские князья живут весело и горя не знают, не правда ли?

Часть четвертая

Гроза с запада

...И там, где был город, поселятся пеликан и еж, и станут развалины логовищем зверей, и путник, проходя мимо, посвищет и не остановится.

Из восточной летописи

В согдской деревне

Фирак лежал на камышовой циновке. Глаза равнодушно смотрели на закоптелый потолок, сложенный из жердей, переплетенных хворостом. Внимание Фирака привлекал большой желтый паук, который то пробежал по жерди, то так же быстро возвращался обратно и останавливался, подняв две передние мохнатые лапки.

На другом конце жерди из трещины в стене показывался второй желтый паук, осторожно пробирался до середины жерди и быстро убежал назад.

Все тело Фирака затекло и ныло, при каждой попытке пошевелиться его пронизывала острая боль в груди. Кто-то тонко пропищал, затем послышались равномерный стук и поскрипывание. Фирак приподнял голову и в ногах у себя увидел неподвижно сидевшую женщину. Ее пальцы сучили белую нитку, на конце которой, подпрыгивая, крутилось веретено; другой рукой она выдергивала шерсть из прялки. Лицо ее, смуглое, загорелое, изборожденное резкими морщинами, говорило о тяжелой работе в поле. На голове белый платок, конец его прикрывал шею и подбородок.

Опять раздался писк, и рука, оставив нитку, толкнула детскую люльку, расписанную яркими цветами; люлька, качаясь, поскрипывала.

– Пить! – прошептал Фирак, и свой голос показался ему чужим, хриплым и далеким.

Женщина подняла глиняную миску, обмакнула в нее морщинистый мизинец и провела по воспаленным, сухим губам юноши. Она окунула палец в молоко и кормила его с пальца, привычным жестом, как ягненка, потерявшего матку. Жесткий, воспаленный рот Фирака стал влажным.

– Где я?

– Не спрашивай, не говори, чтобы див болезни не вернулся и не задушил тебя. Не двигайся, а то опять кровь пойдет.

Фирак чувствовал теплое сладковатое молоко, и ему казалось, что он только что родился, что прошлого нет и не было. Он не мог вспомнить, что было раньше, до того, как он попал сюда, в эту закоптелую хижину. Он казался себе маленьким ребенком, а эта женщина – всемогущей, всесильной, как мать: она может спасти его, слабого, только что рожденного.

– Пить! – опять помимо воли прошептали его губы.

– Довольно! – отвечала женщина, крутя нитку. – Надо оставить и моему ребенку.

Фирак опять забылся. Когда он очнулся, то не мог сообразить, сколько времени прошло. Женщины не было, ребенок не пищал, люлька неподвижно застыла. На жерди два ядовитых паука сидели один против другого и угрожающе шевелили поднятыми передними лапками. Солнечный луч, проникнув из квадратного отверстия под потолком, прорезывал всю хижину. Яркое оранжевое пятно горело на стене. В луче светились пльвшие пылинки.

Фирак чувствовал себя бодрее, силы прибывали. Но сильно болело в груди. Он выше приподнял голову и осмотрелся. По сторонам широкие глинобитные нары. Между ними узкий проход. В конце его очаг в стене; по бокам очага вылеплены из глины колосья пшеницы и птичка, клюющая зерно.^[100] Груда углей, засыпанных золой, и над ними голубой дымок, вьющийся к закоптелому выходу на потолке. На нарах потрепанные камышовые циновки и стертые обрывки ковров.

Фирак не понимал, почему он прикрыт бурым крестьянским плащом, а его ноги – в пестрых шерстяных чулках: ведь раньше он был одет как-то по-иному, по-городскому, – в зеленых туфлях и полосатых шароварах.

За спиной раздался стук. В отверстие грубо сколоченной двери просунулась стариковская

корявая рука и долго возилась с засовом, стараясь открыть дверь; потом все затихло.

Фирак лежал, наблюдая за солнечным пятном на стене, которое медленно подвигалось, осветив глубокую трещину, из которой серая мышь высовывала мордочку. Под лучом ярко забелела на стене грубая холщовая рубаха, обшитая красной каймой, и заблестел изогнутый бронзовый серп, подвешенный на деревянном гвозде рядом с пучком высохшей полыни.

– Дружок! – раздался возле него тонкий хриплый голос. – Дружок, да хранят тебя светлые духи неба! Как тебя зовут?

Возле него стоял старик в широком плаще, подпоясанном разноцветными шнурками, в остроконечном колпачке. Все лицо его, заросшее седыми волосами, с прищуренными масляными глазами, было в бесчисленных складках от расплывшейся улыбки. Когда рот закрывался, то нижняя губа уходила под верхнюю и лицо уменьшалось вдвое: у старика не было ни одного зуба.

– Что же ты мне не отвечаешь?

Фирак смотрел на старика, не понимая, что тому нужно. Раздались грубые голоса. В хижину вошло несколько крестьян в длинных, до колен, рубахах и широких дерюжных шароварах.

– Зачем тревожишь больного? Видишь – он умирает. Ты атраван – служитель бога, твое дело молиться, хоронить покойников. Зачем же ты приходишь раньше времени, непрошенный, в чужой дом?

– Хе-хе-хе! А кто это?

– Это охотник. Упал со скалы, переломил себе кости. Наши старухи его лечат.

– Разве он охотник? – Старик окинул крестьян недоверчивым взглядом и погрозил пальцем. – А почему он кутает свое лицо? Может быть, он беглый разбойник? Ведь за поимку важных преступников князь Оксиарт заплатит пять дариков и больше.

– Ну и пускай их ловят слуги Оксиарта. А ты зачем вяжешься в это дело?

Старик захихикал:

– Пять дариков награды! Подумайте только – пять серебряных дариков!

– Верно, верно, святой праведник, – сказал один крестьянин. – А на что тебе дарики? Ведь святые атраваны денег не ищут, а живут молитвой. Что будешь с ними делать?

– О, чего только не сделаешь за деньги! Я могу открыть лавочку и торговать свечами и священной коровьей мочой для излечения всех болезней. Я даже могу жениться.

– Никто не пойдет за тебя, такого старого. У тебя ни одного зуба нет.

– Если будет кошель звенеть серебром, то самая первая роза в селении будет в моей хижине. Пойду к мудрому нашему виспайти. ^[101] Не держите меня, пустите! О, пять дариков! – Старик торопливо выбежал.

Крестьяне шептались:

– Хорошо, что виспайти сейчас нет в селении. Он поехал встречать князя, едущего к нам из Курешаты.

– Что же делать с больным?

– Ты еще не можешь идти? – обратился один крестьянин к Фираку.

Фирак взглянул усталым взглядом. Крестьяне наклонились над ним.

– Он полуживой. Где ему идти! Если он и пойдет, то его нагонят и схватят.

– Нужно пожалеть его. Пока начнут разбирать, разбойник ли он или нет, его засадят в яму.

– Какой же это разбойник! Шеппе сказал, что он наш, – значит, надо побережь его.

– Положим его на крышу и прикроем сеном, а скажем, что убежал. Кто станет искать поблизости? Старшина пошлет людей по тропам и дорогам. А дня через два суматоха уляжется. Мы его отвезем за пределы владений князя Оксиарта, тогда он сам поплетется дальше. Раз

Шеппе сказал, то мы должны его сберечь!

Крестьяне подхватили Фирака осторожными руками, вынесли во двор и по лестнице втащили на крышу сарая. Там его прикрыли ворохом горного сена.

– Смотри же не заплачь! Не закричи!

Крестьянский сход

Фираку было удобно лежать на сене. Высохшие горные растения сладостно одурманивали мятой и полынью. С крыши он видел часть улицы, высокий карагач и несколько хижин и дворов, где бродили куры и дремали взлохмаченные собаки.

По дороге спешили крестьяне, женщины, перебегали дети.

Крестьяне собирались кучками и горячо толковали.

Вздывая клубы пыли, прискакали на взмыленных красивых аргамаках всадники. Алые чепраки блистали золотом, между ушами коней колыхались пучки фазаньих перьев. Крестьяне, низко кланяясь, схватили горячих коней под уздцы и отвели в сторону.

Один из всадников, молодой, дородный, выхоленный, с шелковистой завитой бородой, поднялся на квадратную площадку, устланную коврами, под старым тенистым карагачом. Холодным, надменным взглядом он обвел толпу.

Крестьяне подталкивали друг друга локтями и шептали:

– Гляди, одно только шелковое платье князя Катена стоит так дорого, что за него можно кормить полгода всех жителей нашего селения. А на платье нашиты золотые цветы настоящими золотыми нитками.

– А какой меч в золотых ножнах! Сразу видно, что большой князь!

– Скоро ли соберутся жители деревни? – крикнул князь Катен.

– Идут! Вот уже все идут!

Приближалась шумная толпа. Впереди шло несколько стариков. Двое держали под руки еще более древнего седобородого старика. Он не поспевал за шагавшими, и ведущие его приподымали так высоко, что он махал ногами в воздухе. Копну его пушистых белых волос раздувало ветром. Посреди заросшего сединой лица выдвигался орлиный нос, из-под нахмуренных темных бровей поблескивали черные сердитые глаза.

Это был виспайти – старшина селения, глава многолюдного рода, обитавшего в горной деревне и ближайших поселках, где в каждом старшина имел жен и дома для них.

Рядом с древним старшиной шли его уже седобородые сыновья – все с такими же орлиными носами и острыми сметливыми глазами. За сыновьями шагом шли десятка два пожилых и молодых крестьян – внуков и правнуков виспайти. А кругом в толпе шныряли дети всех возрастов и тесными рядами шли женщины, привлеченные ожидавшимся зрелищем.

– Раз князь прискакал – не к добру!.. – причитали женщины.

Прибывшие окружили возвышение, где стоял, выжидая, князь Катен и несколько персидских воинов из его охраны.

Впереди толпы, положив бороду на длинный посох, остановился старшина.

– Верные сыны Авесты!^[102] – закричал князь крестьянам, крепко расставив ноги в красных сандалиях с множеством тонких ремешков. Он ударил рукой по рукоятке меча. – Нам придется взяться за мечи! Слушайте, что я вам скажу. На страну нашу, счастливую Сугуду, идут неведомые враги. Они хотят отнять нашу землю, забрать наши дома и всех нас изрубить или продать в рабство. Разве мы допустим это? Будете ли вы биться с врагами за ваших жен и детей, за ваши дома и посевы?

– Будем! Все встанем на защиту! – закричала толпа. – Пусть только они сунутся к нам сюда!

– Нет, нельзя ждать, пока враги придут в ваше селение. Надо собрать большое войско и пойти им навстречу, напасть на них в Бактрийских горах. Нельзя позволить им переправиться через великую реку Окс и прийти в наши долины. Если бои будут на наших полях, то мы

вытопчем посевы и останемся без хлеба. Тогда настанет голод. Надо скорее уйти отсюда вперед в Бактру. Все ли вы пойдете?

Толпа зашевелилась и загудела. Один голос протянул:

– Я, пожалуй, пойду.

За ним другой голос спросил:

– А далеко ли идти?

– Сперва надо идти в город Курешату, там собирается наш отряд. Оттуда воины пойдут в Мараканду, где царь Артаксеркс – жить ему и править тысячу лет! – соберет все отряды в одно войско и сам поведет его на злодея – Двурогого царя, чтобы запереть и раздавить его в горных ущельях Дрангианы.^[103] Итак, что ж молчите? Все ли вы пойдете?

Несколько человек стали кричать:

– Как же нам бросить поля? Сейчас начинается сев. Если не засеять поля, чем будут кормиться наши семьи? Пусть на войну идут жители городов: им не надо работать на полях.

Крики усиливались. Женщины, взобравшись на крыши, шумели и вмешивались в спор:

– Три четверти урожая мы отдаем князьям и всегда голодаем. Если бросить поля, то кто прокормит наших детей?

Древний старшина, поддерживаемый сыновьями, взобрался на возвышение и стал махать руками на толпу.

– Слушайте меня, верные сыны Авесты, как слушались до сих пор, – сказал виспайти. – Всего у нас в нашем роде сто восемьдесят дымов, а работников-мужчин пятьсот сорок. Я получил строгий приказ, чтобы от каждого дыма выступило в поход не меньше чем по одному воину. Оружие нам дадут. Мы можем от наших работников отделить треть и отправить на войну. А кто останется, те помогут возделывать и засеять поля ушедших. Никакого ущерба нашему роду не будет. Мы должны поставить также по одному коню от каждых десяти очагов – всего, значит, восемнадцать коней. Разве мы не справимся с полевыми работами без восемнадцати коней? Конечно, справимся. – И старшина, подмигивая глазами, кивал головой и делал жесты в сторону князя, как бы давая понять: «Что поделаешь, надо уступить, надо покориться».

Крики еще более усилились. Женщины на крышах подняли вопль:

– Мы уже посылали воинов, когда год назад их требовал царь царей. Где эти воины? До сих пор мы их не видим. Жены вдовами стали, дети сиротами!.. Горе нам!

Тогда выскочил вперед один крестьянин в одежде, казавшейся пестрой – так она была перекрыта заплатами. Лицо его было скуласто, рот до ушей, ноги колесом.

– Позвольте мне сказать мое тараканье слово.

– Говори, говори, Таракан! – загудела толпа.

– Может быть, неумело скажу, да не учился я у мудрых атраванов или городских купцов говорить складные речи. Князь Катен зовет нас на войну – защищать наши земли. А чьи земли мы будем защищать? Наши? Ой ли? А не княжеские ли? Князю легко идти воевать – у него слуг полный двор и на полях копошатся почерневшие от солнца рабы: они ему и вспашут и засеют урожай. Разве не так?

– Кто это говорит? – тихо спросил старшину князь. – Заткни ему ядовитый рот!

– Самый непутевый хозяин. Детей умеет делать: у него их, что тараканов, полная хижина. А вспаханного поля всего на три горсти зерен. Мы его и зовем Тараканом.

– Верно сказал Таракан! – закричали в толпе. – Что на полях соберем, то князю и несем. Воевать-то пойдём мы, а будет ли нам какая прибыль от этого? Разве князь не заберет опять нашего урожая? Пусть он сейчас объяснит нам, какая нам будет награда, если мы пойдём воевать.

– Что за лягушка сейчас квакала! – закричал князь и решительно вытащил из золотых

ножен блестящий меч. – За его богопротивные слова мало ему отсечь дерзкий язык – я отхвачу и его глупую голову. Подайте-ка мне его сюда!

Слуги князя бросились в толпу к тому месту, где только что говорил Таракан, но их оттолкнули возбужденные, кричащие крестьяне:

– Ты нам не даешь говорить свободное слово! Тогда зачем же приехал? Отбирай людей, как скот, и гони. Если же ты приехал к нам, чтобы говорить, то не закрывай нам рты!..

Тогда из толпы крестьян выступил согнувшийся от долгой жизни старик. Белая борода завивалась козым хвостом и падала на грудь. Из-под щетины торчащих бровей косились на князя живые, пронизательные глаза.

– Послушайте меня, почтенный князь, и вы, дети мои! Не торопитесь гневаться. Я напомним вам, как делалось раньше.

– Пусть говорит дедушка-охотник! – закричали в толпе.

– Когда я еще мальчиком ловил в горах куропаток, мне говорили старики, что раньше было время свободных земель. Тогда наши предки впервые пришли сюда, в эти долины. Земель свободных было так много, что каждый брал себе столько, сколько мог распахать. Воевать приходилось с дикими племенами дербиков, литейщиков меди, живших в горах. Наши предки, как один, защищали свои земли – ведь своими руками они их обработали, своим потом и кровью полили! А потом старшины и князья постепенно начали отбирать наши земли, а нас делать данниками. Какой-нибудь бедняк не уплатит князю долги, глядишь, и рабом его делается, а земля объявляется княжеской. Так пусть же теперь князь скажет вам: если вы, дети мои, сложите ваши головы в боях со злым Двурогим царем, то по-прежнему ли сыновья ваши останутся рабами князей или же земли, что мы распахали, станут опять нашими?

Князь пошептался со старшиной и сделал знак своим воинам.

– Я слышу здесь речи не умудренных опытом долгой жизни стариков, а собачий лай бунтовщиков против царя и против князей. Вы забыли, что князья поставлены над вами самим великим богом Ахурамаздой, без князей мир стоять не может, и вы должны им повиноваться. Говорить с вами больше не о чем... Сегодня же из вашего селения пойдут в Курешату двести ратников и двадцать лошадей. Если же этого не будет сделано, то завтра же мои воины заберут силой весь ваш скот и весь хлеб, а селение я сожгу!..

Древний старшина и другие старики упали на землю:

– Не гневайся, князь! Наши люди – честные сыны Авесты и верные слуги царя царей. Мы сами обсудим меж собой, кого выбрать, и пришлем все, что требуется для тебя. А сейчас просим отведать нашего хлеба, наших умочей, нон-у-ош и сладких груш с орехами. ^[104] Пока ты будешь отдыхать, наши девушки тебе попляшут и споют.

Князь прошел в сад старшины. Под старыми грушами пестрели ковры, и на них были расставлены глиняные миски с кислым молоком, сыром и другим угощением. На полянке девушки завели хоромы и запели песни.

* * *

К вечеру князь уехал и погнал перед собой выбранных по жребию на войну поселян. Стемнело. Сплюснутая, с надутыми щеками, оранжевая луна показалась в глубине ущелья. Крестьяне осторожно опустили Фирака вниз по приставной лестнице и посадили на осла.

– Куда тебя отвезти – в горы, к медным литейщикам-дербикам, или вниз, в долину, на поля Сугуды?

– Мне все равно, – ответил Фирак.

– Отвезем лучше в сторону Мараканды. Там по дорогам народу ходит много, и всякий бросит лежащему лепешку. А в горах холодно, там ты замерзнешь.

Тот крестьянин, которого звали Тараканом, пошел рядом с ослом и весь путь говорил Фираку, как тяжело живется крестьянам:

– Самое главное для нас – получить оружие, а с оружием мы сумеем отстоять наши земли. Что Двурогий, что князя – не одни ли для нас болячки?..

Осел тихо плелся всю ночь до рассвета. Солнце застало путников уже на равнине. Повсюду весело бежала вода в канавках, выведенная из прозрачного горного ручья. В одних местах женщины жали пшеницу, в других крестьяне шли за омачами,^[105] покрикивая на рыжих бычков. За ними по взрыхленным бороздам прыгали птицы, отыскивая червей.

Таракан поднял Фирака, как сноп, и опустил в высокую траву на пограничной меже между двумя полями.

– Отсюда ты пробирайся к Мараканде, – сказал он. – Не бойся ничего: протянутая рука тебя прокормит!

* * *

...Фирак лежал так тихо, что прямо на него мягкими прыжками выскочил заяц, присел, забарабанил передними лапками, огляделся и, уставившись на Фирака блестящим выпуклым глазом, вдруг бросился в сторону, с шумом пробиваясь сквозь густую траву.

Где-то монотонно позванивали колокольчики. По большой дороге ехали два всадника, вооруженные копьями. Их лица показались Фираку знакомыми: не они ли сторожили ворота персикового сада, когда он ходил туда петь песни около белого дома? Далее трусили, взбивая пыль, навьюченные ослы. Рядом шли погонщики в длинных рубахах. «Хр-хр!» – доносились их покрикивания на ослов.

Еще дальше шагал высокий белый верблюд, украшенный сеткой с малиновой бахромой и с большим колоколом на изогнутой шее. Между двумя горбами сидела тонкая женская фигура. Прозрачное золотисто-оранжевое покрывало спускалось с головы. Тонкая рука со множеством браслетов откинула покрывало, открыв худощавое лицо. Продолговатые темные глаза равнодушно смотрели вдаль. Взгляд на мгновение скользнул по Фираку.

«Милая!» – хотел закричать Фирак, но его тихий, жалобный стон только спугнул куропатку с выводком пестрых птенцов, которые быстро юркнули в гущу травы.

Тонкая рука снова накинула покрывало, и верблюд, покачивая надменной головой, медленно прошел, бесшумно ступая в пыль громадными мохнатыми ногами. Несколько женщин, закутанных в полосатые материи, дремали на разукрашенных лентами и бусами серых мулах, шагавших вслед за верблюдом.

Вся процессия проплыла мимо, как сон, оставив после себя только облако медленно садившейся пыли, и долго еще слышались Фираку удаляющийся звон колокольчиков и хриплые покрикивания погонщиков.

Главная торговая площадь города Мараканды тесно застроена рядами лавок. Проходы между ними образуют сеть извилистых улиц и переулков. Перед каждым домом-лавкой у стены – глиняный квадратный выступ, покрытый стертым ковром. С утра на нем разложены различные товары: у одних купцов – глиняные чаши и светильники, ножи, ложки, у других – деревянные ящики с мелкими отделениями и в них кольца с бирюзой, сердоликом, ляпис-лазурью, серьги, цепочки, браслеты, ожерелья, головные гребни, баночки с гвоздичным маслом и мускусной мазью. Среди товара сидит, поджав ноги, сам хозяин, поджидая покупателей. Сзади него раскрыты двойные дверцы и на них на деревянных гвоздях развешаны башмаки, уздечки, ремни, пестрые шарфы, платки, деревянные сандалии. Закрывая дверцы, хозяин сразу прячет половину своих товаров. Тут же согнулся полуголый раб с длинными всклокоченными волосами. Он выстукивает молотком по наковальне, выделывая изогнутый нож или медные щипчики для вырывания волос.

Между соседними лавками протянуты изодранные камышовые циновки. Проходящая толпа то попадает под яркие лучи солнца и на мгновение вспыхивает красными, желтыми, синими цветами пестрых просторных одежд, то снова окунается в тень и движется неясными пятнами.

К площади примыкают переулки, где идет горячая работа. Ряды горшечников, оружейников, красильщиков материй, сапожников целый день, до захода солнца, заняты упорной, непрерывной работой.

В одном переулке несколько лавок было занято торговцами, одетыми по-иному, чем обычные согдские купцы.

Это серы ^[106] – купцы из страны, лежащей далеко на востоке, за горными хребтами. На них длинные черные или синие халаты, головы обриты, в ушах большие серьги. Этот ряд лавок торгует шелковыми тканями, железными изделиями, божками, сделанными из нефрита и мыльного камня, и лекарствами, дающими старикам силу, молодость и здоровье.

Несколько торговцев-серов шептались, сидя кружком на ковре:

– Почему сегодня такие долгие моления на площади? Уже много лет эта страна живет счастливо и никто ее не тревожит. Если в этой стране избран новый царь, то он уедет отсюда в Сузы, а в Мараканду будет назначен сатрап, который с нас потребует богатых подарков. Смотрите, вот идет Цен Цзы. Что нам скажет его мудрость?

Степенной походкой шел мимо них Цен Цзы, одетый, как и все купцы: на нем наброшен был на левое плечо серый плащ с широкой розовой каймой. Его скошенные полузакрытые глаза глядели устало.

– Привет тебе, Цен Цзы! Остановись, скажи нам, что видел и что ты думаешь обо всем этом.

– Люди хотят крови. Гроза надвигается. Можем ли мы быть спокойны? Если будет война, то у нас отнимут имущество, а может быть, и жизнь.

– Вы слышали? – шептали купцы. – Может быть, отнимут жизнь? Но куда же нам бежать?

– Разве можно бросить наши склады товаров? Что делать?

Цен Цзы повернулся и пошел дальше. Пройдя несколько лавок, он постучал палкой в ворота. Они приоткрылись, сдерживаемые цепью, и Цен Цзы проскользнул внутрь.

Ему низко поклонился изможденный старик в головной желтой повязке. На его темном лице белела жесткая седая борода. Небольшой двор был окружен амбарами с дощатыми навесами. В раскрытую дверь рабы втаскивали полосатые узкие мешки, перевязанные камышовыми веревками. Несколько верблюдов лежало на земле. Густая пыль на них говорила о

далеком пути.

Цен Цзы, пройдя калитку, очутился в саду, окруженном высокой глинобитной стеной. Он обогнул темный квадратный бассейн и пошел по прямой дорожке среди аккуратно подстриженных деревьев. В глубине сада была беседка с двухсторонней покатой крышей. Внутри беседки улыбалось застывшей гримасой каменное изваяние.^[107] Около трех стен изгибалась кирпичная лежанка,^[108] покрытая циновками и волчьими шкурами.

Цен Цзы откинул занавеску на стене и вынул из ниши черную лакированную шкатулку.

Он открыл ее серебряным ключиком и достал пергаментный свиток, бронзовую чернильницу с черным лаком и тростинку.^[109] Оставив на полу сандалии, Цен Цзы уселся на лежанке, поджав под себя ноги. Придвинул низенький столик на крохотных ножках, расправил на нем пергаментный свиток, снял крышку чернильницы, осторожно обмакнул тростинку в черный лак и стал быстро ставить правильными рядами значки сверху вниз.

Он писал:

«Продолжаю мое письмо о той стране, куда направили меня добрые духи. Страна называется Кангюй.^[110] Она защищена горами и пустынями от вторжения других народов и многие годы живет в счастье и спокойствии, не испытывая бедствий войны.

Эта страна Кангюй лежит на большом пути из страны Небесного спокойствия^[111] к Западному морю. Богатые караваны с различными товарами непрерывно проходят в разных направлениях через эту страну. Как это радует взор!

Жители отличаются замечательными способностями в ремеслах и искусствах. Они высоки ростом.

Бедняки заворачивают голову куском бумажной материи, богатые – куском шелка. Одежду носят бумажную, шерстяную или кожаную. Очень любят торговлю. Но имеют крайнюю склонность к наживе и обману. Какой стыд!

Они чрезмерно высоко ставят и любят женщин, которые пользуются у них свободой. В каждой семье муж исполняет все желания жены. Ради того, чтобы постоянно быть с женщинами, мужчины перестают заниматься военными упражнениями и теряют мужество. Безумцы, ведь это опасно! Кто станет охранять родную землю?

Половина населения занимается земледелием и половина – торговлей. В стране имеется замечательная порода пятишерстных лошадей. Самые красивые из них называются «небесными», и у них бывает кровавый пот.^[112] Нашим доблестным воинам подобало бы ездить на таких конях.

В стране имеется семьдесят городов, окруженных высокими тройными стенами. В каждом городе живет князь и по наследству передает свою власть сыну. Если князя убивают, то царь присылает нового князя, который отрубает голову убийце, а сам делается правителем.

Земли плодородны, дают обильную жатву и розданы князьям в вечное владение. За это они должны по первому требованию царя являться на конях вместе со слугами, хорошо вооруженные. Это разумно!

Простые земледельцы могли бы жить привольно и счастливо в такой богатой стране, но четыре пятых своего урожая они должны отдавать князьям за то, что те им разрешают возделывать свои земли. Поэтому трудолюбивые крестьяне, имея хлеб, постоянно голодают. Как их жаль!

Жрецы и некоторые князья умеют читать и писать. У них сочинения пишутся с помощью только двадцати пяти знаков, которые они переставляют в разном порядке и этим обозначают различные вещи. Это хитро придумано, но наше письмо более мудро.^[113] Книжное обучение продолжается непрерывно. Книги написаны на выделанных коровьих шкурах справа налево.^[114]

Это неудобно.

Жители поют на праздниках песни о древних временах. Очень длинные песни всегда поются от начала до конца, так как они передают знание достойных поступков предков и мудрых правил жизни.

Мирная жизнь в течение многих лет сделала жителей страны Кангюй очень богатыми; они собрали в своих домах ценные товары из других стран. Довольные этими богатствами, они называют свою страну «счастливая Кангюй». Но богатство, соединенное с жадностью, подобно мимолетному облаку.

Так как всякое богатство вызывает у одних жадность, а у других зависть, то теперь государству Кангюй грозит вторжение народа, который наступает с Западного моря, разоряя по пути всю страну. Во главе этого народа идет страшный царь, про которого говорят, будто бы на его голове растут два бараньих рога...»

Цен Цзы услышал шаги на дорожке сада. Старый слуга остановился в дверях:

– Тебя хотят видеть два путника. Один – высокий, сильный, как медведь, немолодой, по виду кочевник из степи; его оружие покрыто золотом. Другой – молодой, вероятно, его проводник. Они сказали, что ты давно их ждешь.

Цен Цзы радостно закивал головой:

– Очень хорошо! Пускай войдут, а ты поскорее принеси сюда тридцать две радости.

Китаец быстро свернул рукопись, спрятал в лакированный ящик и поставил его обратно в нишу.

Будакен и Спитамен вошли в сад. Старый слуга, сложив руки на груди, торжественно шел впереди. Будакен с удивлением и любопытством рассматривал не виданные им раньше растения. Он остановился, изумленный, около бассейна, где пламенели красноперые рыбки с широкими, нежными, как паутина, хвостами.

Китаец, подойдя к бассейну, вытащил из кармана желтый шелковый мешочек, отсыпал из него на ладонь белых крупинок и стал звонить в серебряный колокольчик. Все рыбки быстро поплыли к нему. Цен Цзы, продолжая звонить, бросал рыбкам белые крупинки. Гость и китаец опустили на корточки рядом и наблюдали, как рыбы, толкаясь и высывая из воды золотистые головки, хватали белые крупинки и вырывали их друг у друга.

Будакен смеялся, указывая толстым корявым пальцем на рыбок:

– Совсем как люди: так же живут вместе и так же ссорятся и толкаются из-за вкусного кусочка... А что это за белые зерна, которыми ты кормишь этих рыбок?

Оба встали. Китаец низко кланялся и, приседая, повторял:

– Это муравьиные яйца.

Будакен, уважая обычаи иноземцев, старался также поклониться с приседанием, и потом оба протянули друг другу руки.

– Какие умные рыбки! – удивлялся Будакен. – Продай их мне, я выкопаю около моего шатра пруд, поселю там рыбок, и вся степь съедется смотреть, как рыбы слушаются моего звонка.

Китаец, улыбаясь, шептал: «Очень хорошо», – затем повернулся к Спитамену, радостно протянул ему руки, и оба подержали прямые ладони и прижались правыми плечами.

У Спитамена на лице засветилась теплая улыбка, и глаза ласково сузились.

– Я очень рад, Левша, – сказал китаец, – что ты спасся от всех несчастий, которые гонялись за тобой, и опять стоишь передо мною невредимым.

– А ты по-прежнему пиешь и учишься?

– Учитель сказал: «В многоучении, постоянном размышлении есть также доброта. А встреча друга, вернувшегося из далекой девятой страны, есть радость и сердцу, и глазам».

– Вот это отец того молодого скифского воина, которого ты видел в цепях, – сказал Спитамен. – Расскажи ему все, что ты знаешь. Чтобы услышать тебя, он приехал издалека.

Цен Цзы обратился к Будакену и жестом пригласил его войти в беседку. Мелкой торопливой походкой китаец пошел вперед, а за ним шагал Будакен. Его мускулистые плечи были вдвое шире, чем у китайца, и он повернулся боком и пригнулся, чтобы войти в дверь.

В беседке они уселись на лежанке, где были постланы меховые коврики, и после нескольких взаимных вопросов о здоровье, пройденном пути и виденных снах Цен Цзы стал рассказывать:

– Я дважды видел твоего сына Сколота, которого беспечность и смелость столкнули в

горький колодец несчастья. Он просил меня помочь ему. А учитель говорил: «Помочь несчастному – это шаг на пути к совершенству». Вот что он сказал...

Но Будакен поднял широкие ладони:

– Постой, не торопись наносить мне удар своим словом. Пожалей мое сердце, хотя оно уже обросло шерстью страданий. Сделай это потихоньку. Расскажи, где и когда ты увидел моего сына Сколота, с кем он тогда был и что он сам в это время делал. Тогда я пойму, почему дивы набросились на него и столкнули в бездну скорби.

– Хорошо. Если у тебя есть терпение, чтобы слушать, и желание, чтобы все понять, я тебе расскажу по порядку, как и почему я попал в городок Фару, [\[115\]](#) где я увидел не только юношу Сколота, но и других весьма прославленных людей. А слушая меня, утешай свое сердце тридцатью двумя радостями, которые я могу предложить тебе по силам желаний моего сердца.

Старый слуга поставил между сидевшими столик и разостлал на нем пестрый, расшитый цветами платок. На столике выстроилось множество маленьких чашек. В каждой чашке было различное кушанье: наскобленная редька, мелко нарубленный лук со сметаной, различные варенья, сваренные на меду, – из моркови, кизила, мелких яблок, имбиря, кусочки мяса с шафраном, бараньи мозги, жареная тыква, виноград, моченный в уксусе, рис с фисташками, вареные кусочки теста, начиненные древесными лишаями, и другие кушанья, незнакомые Будакену. Отдельно стояли три фляги с разогретым вином.

Будакен посматривал то на чашки, то на хозяина, то на неподвижного Спитамена и не знал, как все это начать есть. Он предпочел бы одну большую чашу, чем эти тридцать две маленькие. Не желая показаться смешным, он решил сперва воздержаться.

– Моя душа не принимает сейчас пищи твоих радостей, – сказал Будакен. – Мои уши раскрылись, чтобы слушать твою повесть.

– Я работаю в одном содружестве наших купцов моей страны, – начал Цен Цзы. – Они сообща посылают караванами товары отсюда до берегов Гирканского моря. ^[116] и дальше, до богатых городов Финикии. В главном городе Гиркании Задракарте ^[117] и в некоторых других городах живут наши товарищи по торговле. У них выстроены дома и амбары для товаров. Я два-три раза в год езжу с нашим караваном в Задракарту, а иногда и дальше – до Раг ^[118] Вместе с караваном идут вооруженные попутчики, чтобы защищаться от разбойников. Ехать вместе с большим караваном всегда надежнее, не правда ли? А по пути у нас имеются испытанные друзья из местных жителей, у которых мы останавливаемся и узнаем, безопасна ли дальше дорога. Управителям попутных земель мы платим за проход договоренную пошлину – либо деньгами, либо, чаще, нашими товарами.

Этой весной наш караван сделал путь вполне благополучно. Но в Фаре я заболел лихорадкой и пролежал целый месяц.

Город Фара небольшой, окружен каменной стеной, имеет двое ворот, которые закрываются при заходе солнца. Жители заняты сельскими работами и, когда видят, что солнце уже спускается за горы, скорее спешат в город, чтобы успеть загнать скот, иначе закроются ворота. Оставить же скот за стенами нельзя, так как ночью с гор спускаются дикие звери и душат его.

Однажды среди лета, под вечер, в город влетел отряд всадников. Казалось, что они были без начальника. Воины разных племен были перемешаны и носились, как волки, гонимые охотниками. Эти всадники, проскакав до главной площади, рассыпались по всем улицам. Не считаясь с благополучием граждан и добрыми нравами, они врываются во все двери, сами открывали амбары, брали сено и ячмень и досыта кормили своих лошадей. Тут были бактрийские, согдские, парфянские и даже индусские воины. Когда у них спрашивали плату за все, что они отбирали, они со смехом указывали на юг:

«Царь царей Дараиавауш едет за нами, он за все заплатит».

На другой день всадники уехали, но скоро явились новые. У этих был некоторый порядок, но они требовали от жителей еще больше корма коням и еды себе. Затем войска стали проходить непрерывно. Большинство уже не останавливалось в городе, торопясь уйти дальше.

Последним пришел отряд, который особенно отличался от прежних. Кони были убранны золотом, серебром, ценными камнями. Воины были отлично вооружены. Сзади тянулись повозки с женщинами и мулы, нагруженные вьюками. Впереди отряда по всем улицам скакали начальники, которые кричали, распоряжались, но порядка все же было мало.

Я не хотел верить, когда распространился слух, что в одной из закрытых повозок едет сам царь царей Дараиавауш и что его сопровождают слуги, евнухи, танцовщицы и флейтистки.

Я вышел посмотреть хотя бы издали на царя царей. Около ворот одного дома стояли на страже воины-яваны ^[119] в блестящих панцирях, медных шлемах, с голыми руками и ногами. У каждого были щит и два-три небольших копья-дротика. Я пробрался на крышу соседнего дома и увидел, как великолепно одетые персидские начальники, сложив руки на груди, изгибаясь до земли, входили внутрь двора.

Среди всадников я узнал сатрапа нашей Сугуды – Бесса. Он приехал на большом белом коне. Красный шарф, расшитый золотом, был прикреплен к шее коня, и концы его падали до земли. Голова и грудь коня была покрыты железной чешуйчатой броней.

Все поселяне, стоявшие поблизости, увидя знатного корана, ^[120] упали лицом на землю. К сатрапу подбежали слуги; один взял коня за уздцы, другой нагнулся, подставляя спину, на которую ступил Бесс, сходя на землю. Высокий, сильный, красивый, в красной с золотом

одежде и в блестящем шлеме с большими перьями, Бесс стоял у ворот и говорил с правителем города Фары, который по случаю приезда гостей был в новом плаще и высоком колпаке. Бесс подставил ему для поцелуя щеку, и правитель поднялся на носки, чтобы поцеловать высокого сатрапа.

Правитель города оглянулся, увидел меня на крыше и позвал. Я поспешно спустился к нему.

«У ваших купцов хороший дом, – сказал правитель, – поэтому пусть они позаботятся, чтобы достойно принять корана восточных сатрапий и других знатных гостей».

Это означало, что нам придется кормить персидских начальников, их слуг и лошадей столько времени, сколько они захотят у нас остаться. Но что я мог сделать? Благоразумный покоряется неизбежному. Я поклонился до земли и сказал:

«Все наше имущество мы всегда рады отдать тому государству, которое нас приютило и дает нам хлеб».

Совещание сатрапов

Я поспешил домой, чтобы открыть ворота и принять гостей; но ворота были уже открыты настежь. Во дворе ходили и кричали персы, халдеи, сирийцы, мидяне. Они распорядились, как у себя дома, входили в амбары и подвалы, вытаскивали оттуда муку, сушеный виноград, зерно, кувшины и мехи с вином, кололи наших баранов, тут же рассекали и делили мясо между собой. Когда появился коран Бесс с воинами, он приказал расставить стражу и выгнать шатавшихся в беспорядке воинов неизвестных отрядов.

Затем Бесс с несколькими начальниками прошел внутрь дома, где все они расположились на ковре и стали тихо вести беседу.

Так как я заботился об угощении гостей, то свободно входил и выходил из комнаты, где они сидели. Никто на меня не обращал внимания, и я слышал кое-что из их разговоров.

Персидские слуги мне разъяснили, что здесь собрались знатнейшие правители Персии: начальник охраны царя – Набарзан, сатрап Арей – Сатибарзан, престарелый Артабаз, известный друг царя Дариавауша, и другие сатрапы. Все эти люди, которым бог дал величайшее могущество, богатство, почет, право повелевать сотнями тысяч подданных, теперь, теснясь, сидели на старом потертom ковре и рассматривали пергамент. На нем были нарисованы дороги, горы, реки и города Персидского царства. Светильник с темным кунжутным маслом горел тускло, и я воткнул в поставцы еще три чарога.^[121] Бесс сердился, водил пальцем по карте:

«Вот пути на Бактру и Сугуду. Здесь переправа через великую реку Окс. А дальше, пройдя Железные ворота, будет уже безопасно. Но нужно, чтобы этот трус нам не мешал...» Он показал рукой в ту сторону, где находился персидский царь царей.

В это время в комнату вошел с заплаканным лицом очень полный перс в дорогой пурпурной одежде, с золотым поясом. Ножны его меча тоже были золотые. Он размахивал руками, всхлипывал и долго не мог ничего сказать от душивших его рыданий. Все приподнялись и поклонились до полу. Я сперва подумал, не сам ли это царь царей, но оказалось, что это был Оксафр, брат царя. Его глаза блуждали, то он хватался рукой за меч, то закрывал ладонями глаза.

Бесс стал объяснять ему карту, но Оксафр вырвал ее и бросил на ковер.

«Я сейчас видел царя царей, – заговорил он жалобным, убитым голосом. – Самое важное, что он еще не потерял надежды. Царь только очень огорчен, все плачет и молится. Флейтистки начали ему играть любимые песни, он немного послушал и прогнал их. Отказался от жареной баранины с шафраном и сильфием,^[122] только поел, бедный, немного плохой здешней дыни и выпил красного вина. Теперь царь ждет, что предскажут гадания жреца. До сих пор они были не очень плохие, а один раз даже хорошие... О чем вы совещались здесь?..»

Бесс ответил резким, решительным голосом:

«Мы совещались о том, что делать, и решили, что надо двигаться дальше...»

«Нет, нет... – прервал Оксафр. – Об этом и думать нечего!.. Царь царей устал, хочет передохнуть и приказал мне вам передать, что скоро боги нам будут снова покровительствовать. Он думает, что все наши поражения были только для того, чтобы показать, как не надо забывать богов. Царь царей молился и дал торжественную клятву построить новые храмы и одарить золотом жрецов, чтобы они учили жителей сильнее молиться богам».

Бесс грубо ответил:

«Это будет потом, а что же делать сейчас?»

«Как что делать? Не вечно же боги будут гневаться на нас. Мы должны не избегать больше встречи с Двурогим, остановиться, собрать в одном месте все войска и...»

«Ну и что же?»

«Снова испытать счастье в бою. Царь царей уверен, что теперь счастье будет на нашей стороне. И что очень важно – старший жрец тоже советует остановиться...»

Все затихли и опустили глаза.

«Чего же теперь можно бояться? – настаивал Оксафр. – Двурогий должен был оставить во всех городах на своем пути гарнизоны, боясь восстаний населения, так что войско его уменьшилось почти наполовину. Если он идет по нашим следам, как уверяют некоторые, то только с конницей. В сражении при Гавгамелах у него было конных всадников всего три тысячи. наших же войск даже теперь в несколько раз больше, чем у проклятого явана. Скоро – может быть, завтра – должны подоспеть сюда союзные скифы. В этих горных ущельях они одни смогли бы захватить всех яванов в мешок и раздавить их, как ядовитых змей. И они это сделают, только нужно дождаться их и приготовиться к бою».

Тогда заговорил старый Артабаз. Его голос звучал глухо, и слезы лились по щекам:

«Мы, слуги царя царей, всю жизнь защищали его и в битвах проливали нашу кровь, чтобы персидское копье раздвигало границы славного Персидского царства. Мы и теперь должны пожертвовать всем для царя царей, хотя бы нам пришлось погибнуть».

Встал начальник царского отборного войска Набарзан и обратился к Оксафру:

«Я бы никогда не сказал тех горьких слов, которые рвутся из моего сердца, полного любви к царю, но только крайняя необходимость заставляет говорить прямо. Если сейчас мы начнем биться с Двурогим – это вернейший путь к гибели. Мы и родину погубим, и сами без пользы будем перебиты. Надо как можно скорей отступать в безопасное место, в Бактру и Сугуду, чтобы этим сохранить главную силу Персии – ядро наших войск».

«Отступать... Отступать!..» – шепотом, но твердо проговорили остальные, кроме Артабаза, который зашипел:

«Труссы, труссы! Позорите персидское копье, обвитое старой славой...»

«Нет, нет, не трусость, а разум руководит нами, – ответил Набарзан, – только желание раздавить Двурогого явана. Надо отступать на восток, пока у нас еще не пали кони. Там мы соберем новые силы. Народ не верит более в счастливую звезду царя царей. Есть у нас только одно спасение: у народов восточных сатрапий пользуется славой и любовью коран Бесс...»

При этих словах все посмотрели на Бесса; он сидел с радостным, светлым лицом, и его глаза сверкали.

«Да, да! На Бесса вся наша надежда. И саки, и индусы находятся с ним в союзе. Кроме того, Бесс не самозванец, не какой-нибудь выходец из простого народа, он родственник царя царей. Пусть царь уступит ему тиару – конечно, временно, до тех пор, пока враг не будет побежден...»

«Это измена!.. Предатели!..» – закричал брат царя, выхватил меч и бросился на Набарзана.

Все сатрапы вскочили, преградили ему дорогу, желая успокоить. Набарзан выбежал в дверь. Его громкий голос послышался во дворе; он звал своих сотников. Кони загремели копытами по деревянному настилу. Набарзан вскочил на коня и ускакал.

Все сатрапы горячо спорили; Артабаз старался их успокоить:

«Разве можно ссориться в такое время? Мы должны крепко стоять друг за друга. Не все еще потеряно!..»

Брат царя выбежал, потрясая мечом, и кричал, что Набарзан сейчас же будет схвачен и казнен.

«О, как беспечны саки!»

Коран Бесс заметил меня и сделал мне знак рукой. Мы вошли в другую комнату. Он схватил меня за плечо так сильно, что до сих пор остались синие пятна.

«Ты меня выведешь сейчас так, чтобы никто не заметил, и спрячешь в саду. Иди вперед». Я провел Бесса через эндерун – женскую половину дома, и сатрап дал новое поручение: «Пройди к Восточным воротам; там ты найдешь отряд саков. Разущи их начальника Сколота и приведи его сюда».

Я поспешно стал пробираться по темным улицам. Город, обычно безмолвный в этот час ночи, теперь был полон гула разноплеменной толпы. Всюду взад и вперед ходили воины с охапками сена, кувшинами и бараньими тушами. Во дворах пылали костры и красным светом озаряли плоские крыши, куда забралась семья напуганных жителей.

Я вышел к Восточным воротам. Там по всей площади стояли верблюды, лошади, повозки, ослы.

«Где скифы?» – спрашивал я.

«Да вот они пляшут», – ответили мне.

На середине площади в кольце горящих костров двигалась в пляске вереница скифов. Держась за руки и подняв их кверху, высоко над головой, они передвигались то вправо, то влево, причем каждый скиф ловко и быстро перебирал и притопывал ногами. В середине круга два скифа плясали отдельно, размахивая мечами. Глядя друг другу в глаза, следя за каждым движением, они бросались навстречу, как будто желая пронзить друг друга мечами, ловко отбивая удары, и отлетали назад. Они то приседали, то падали на землю, ползали на коленях и животе, то опять вскакивали и плясали, схватившись за руки.

Я спросил, где найти начальника скифов. Тогда окликнули одного, который плясал в середине. Он был молод, строен и высок, с золотым ожерельем на шее. Пошатываясь, веселый и беззаботный, потряхивая длинными светлыми кудрями, он подошел ко мне. Когда я объяснил ему, что его зовет к себе коран Бесс, он стал хохотать:

«Пускай Бесс сам сюда придет выпить с нами: мы нашли погребок хорошего гирканского вина, нам его хватит до утра».

Он приказал подать мне чашу и насильно меня напоить. Все скифы были пьяны, пели и хохотали без причины. Они вскоре оставили меня в покое. Я пробрался обратно в наш дом, но Бесса уже не нашел.

Там была суматоха: важные сатрапы суетились во дворе, кричали на слуг и садились на коней.

Тогда я увидел двигавшихся по улице всадников с высоко поднятыми горящими факелами. Их медные латы сверкали, лица в шлемах были усталы и суровы.

Среди всадников двигалась грязная навозная повозка, запряженная шестью лошадьми. На повозке лежала груда старых кож. Эти кожи зашевелились, приподнялись, и из-под них высунулся толстый человек. На нем была драгоценная пурпурная одежда. Он испуганно огляделся кругом и опять закрылся кожами.

«Это сам царь Дарайавауш!» – воскликнул удивленно кто-то, и несколько человек упали лицом на землю перед навозной телегой, на которой находился разгромленный владыка Персии...

Какой позор, какой стыд так прятаться от смерти! – добавил Цен Цзы и укоризненно покачал головой.

– В эту ночь я несколько раз выходил на крышу. Войска уходили на восток, их становилось все меньше. Долго слышались песни скифов, но и они к утру затихли.

Когда на рассвете стала розовой далекая снежная вершина горы Демавенд, ^[123] городок уже спал. Изредка раздавались обрывки песни или возглас пьяного.

Перед восходом солнца кое-где на крышах появились жители, кутавшиеся в бараньи шубы. «Вот они! Вот они!» – раздался крик. Все жители разом попадали и ползком спрятались за выступы крыш.

Я смотрел на юг. Солнце, выглянув из-за горы, косым лучом освещало темно-синее ущелье, из которого выехали несколько всадников. Концы их отточенных копий вспыхивали искрами. Равнина от города до ущелья была пуста. На дороге валялась повозка со сломанным колесом, и хромой бык, ковыляя, переходил от одного куста репейника к другому.

Из ущелья выдвинулись два отряда всадников. Они сперва шагом, затем рысью двинулись в разные стороны и стали обходить город, постепенно приближаясь. Несколько разведчиков вскачь пустились к стенам города и остановились невдалеке.

Город казался мертвым. Ни одного дымка не подымалось над крышами.

Тогда из ущелья показался третий отряд и направился прямо по дороге. Впереди шли пехотинцы в кожаных шлемах, с мечами и плетеными щитами. Мерными шагами вошли они на холм и остановились близ Восточных ворот. Вслед за пехотинцами приблизился новый отряд конницы. У них были очень длинные копья, однообразные кожаные панцири, обшитые железными пластинками, и шлемы с конскими хвостами.

По пустынной улице я пробежал к Восточным воротам и хотел взойти на башню, чтобы наблюдать, что будет дальше. С удивлением я заметил, что на площади находилось много скифов. Они все спали крепким сном. Стреноженные лошади были привязаны ремнями к приколам, вбитым в землю. Некоторые кони бродили по площади, подбирая остатки сена и рассыпанного зерна. Скифы, упившись вином, не подозревали, что те яваны, от которых они бежали, уже находились по другую сторону стены...

Я услышал сзади себя крики. Около двадцати стариков и правитель города в своем новом плаще и высоком колпаке торопливо шли через площадь. Вернее, старики тащили правителя, крепко держа его под руки и подталкивая сзади.

Он плакал и упирался.

«Дайте мне умереть дома! – кричал он. – Глупость толкает вас к Двурогому. Он посадит и меня, и всех вас на колья. Что будут делать мои дети и старая мать?»

Но старики продолжали тащить его.

«Иди, иди! Мудрость толкает тебя. Не все ли равно, от кого умереть, от Дарайавауша или от Двурогого?»

Увидав меня, старики закричали:

«Иди с нами, Цен Цзы. Если мы успеем поклониться Двурогому за воротами города и поднести ему хлеб и дыню, то его воины не разграбят наших домов. Если же он увидит запертые ворота, то сожжет город, всех мужчин перебьет, а наших жен и детей продаст в рабство».

У всех стариков были в руках дыни и узелки с лепешками.

Я присоединился к ним, и мы вышли за ворота.

Конный отряд быстро двигался нам навстречу.

Все старики торопливо шли по полю, подымая пыль, как стадо баранов.

Перед нами была ровная линия широкогрудых коней и лес копий со стальными острыми

концами; они могли бы в одно мгновение всех нас проткнуть насквозь. Головы воинов были скрыты под медными и железными шлемами. Все они так покрылись пылью, что походили один на другого, и мы не могли узнать, кто из них начальник.

Старики уже издали начали кричать:

«Добро пожаловать! Бороды наши метут дорогу царю вашему».

Когда мы совсем приблизились, то все упали на колени, коснувшись лбом земли, и затем подняли над головой дыни и лепешки.

Раздался крик команды. Вся линия всадников остановилась. Крайний из них, вероятно, переводчик, сказал по-персидски:

«Перестаньте гадеть! Кто из вас главный?»

Старики подняли правителя, сунули ему в руки узелок с лепешками и дыню, и он на подгибающихся от страха ногах хотел подойти к переводчику, но тот указал рукой на угрюмого молодого запыленного всадника, сильного, плечистого, с мускулистыми руками. Правитель подошел к нему и протянул дыню с лепешками. Воин взял дыню, коротким ножом вырезал себе кусок и отдал дыню соседу. Тот рассек ее на несколько частей, выплеснув сердцевину, и передал куски другим. Тогда наши старики осмелели и стали раздавать передним воинам все свои дыни и лепешки.

Молодой воин, обкусывая корку дыни, что-то говорил вполголоса на непонятном языке.

Переводчик выслушал его и спросил нас:

«Когда здесь проходили войска Дараиаваша?»

Старики закричали:

«Вчера вечером сам Дараиаваш проходил здесь, ел баранину, смотрел пляски танцовщиц и ночью уехал дальше».

Молодой воин с досадой швырнул корку дыни об землю и поднял руки к небу, произнося нараспев молитву.

Переводчик стал спрашивать стариков, и те объяснили, сколько было войск у Дараиаваша и что в городе почти никого не осталось. Когда кто-то сказал, что отряд пьяных скифов спит на площади у Восточных ворот, воины залились безудержным смехом. Молодой начальник выехал вперед, дал распоряжение, и несколько всадников помчались к другим отрядам.

О нас, стариках, уже забыли, и мы побежали к воротам, боясь, что всадники растопчут нас. Послышались громкие крики команды. Конница перешла на рысь, пехотинцы беглым шагом последовали за нею.

Когда войска вошли в город, они захватили всех спящих скифов, связав их скифскими же ремнями. Когда я прибежал на площадь, только три скифа отчаянно сопротивлялись; двое вскоре были заколоты копьями, а один раненый упал и остался жив. Это был тот молодой начальник Сколот, который вечером так беззаботно плясал. Воины хотели прикончить и его, но они заспорили из-за его золотого ожерелья. В это время подъехал тот молодой плечистый воин, которому мы подносили дыню, сопровождаемый переводчиком.

«Кто ты?» – спросил явана.

«Я сак!» – ответил скиф, с трудом приподымаясь на руку.

«Почему же ты не покоряешься?»

«Мы, сакские князья, привыкли сами покорять других».

«Ты князь? Наденьте на него цепи, и пусть он следует за мной в обозе, среди заложников. Он мне скоро понадобится. А остальных, кто еще жив, не тащите за собой, а прибейте их гвоздями к воротам. Пусть все запомнят, как я наказываю тех, кто смеет противиться сыну бога».

Воины связали Сколота ремнями и оставили лежать на месте – он был очень слаб и не мог идти.

Яваны разошлись по городу и начали грабить дома. Я подошел к раненому скифу. Он сидел на земле и плевался кровью. Рана в боку сильно кровоточила. Он меня узнал и указал на виноградную лозу, которая свешивалась со стены.

«Нарви мне этих листьев и приложи к ране, – простонал он, – я истекаю кровью».

Я нарвал больших свежих листьев, наложил их и перевязал бок скифа полосой разорванного плаща.

«Не уходи – я тебе должен сказать важное».

В это время меня схватили два старика и потащили к правителю города. Он стоял перед молодым начальником, которого мы угощали дыней.

«Вот человек, которого ты ищешь! – закричали старики. – Он каждый год три раза ходит с караваном отсюда в Сугуду и обратно. Он знает все дороги».

Явана спросил:

«Можешь ли ты показать самую короткую дорогу отсюда в Гекатомпил»?^[124]

«Я не знаю, про какой город ты говоришь, – ответил я, – у нас города называются по-иному. К востоку будут большие города. Я знаю эти города и дороги к ним. Главный караванный путь идет, как согнутый лук, полукругом, чтобы путники могли каждую ночь ночевать в селениях. Но также есть короткий путь, прямой, как тетива лука. Идя по этому пути, можно обогнать ушедший вперед караван на три дневных перехода, однако этот короткий путь идет по пустыне, лишенной колодцев, так что приходится везти с собой воду в кожаных мехах».

«Ты поведешь нас по этой дороге, – сказал молодой явана, – но, если ты обманешь, тебя рассекут на части. Держите его под стражей, чтобы он не убежал».

Высокий воин положил тяжелую руку мне на плечо и отвел к раненому скифу. Тот был в лихорадке, иногда бредил, как безумный, называл неведомые имена, но в минуту просветления разума сказал:

«Мой отец – сакский вождь Будакен, по прозвищу Золотые Удила. Если судьба тебе позволит вернуться в Сугуду, то пошли гонца в степь, мимо Горьких колодцев, в кочевье Будакена. Передай ему, что я не сдавался, а боролся до последних сил один против многих и только после тяжелого удара копьем был схвачен врагами».

Затем он еще мне говорил:

«Я думаю, что мой отец Будакен не такой человек, чтобы остаться в степи, когда его сын в плену. Он сам проедет через девять стран, чтобы разыскать меня и выкупить. Если я останусь жив, то сумею убежать и вернуться в родные степи».

Весь этот день яваны отдыхали, так как кони их были крайне измучены. Одни воины спали, другие шарили по домам, разыскивая богатства и оставших персидских воинов; их они выводили на площадь в одно место, сдирали с них всю одежду и клеймили щеки каленым железом. Все пленные были потом отосланы для продажи в рабство. В городе яваны нашли любимых царских певиц, танцовщиц и флейтисток. Они были брошены при поспешном бегстве. Из того сада, где они находились, доносились плач и крики, пение и музыка.

Когда взошла луна и стало прохладно, войска двинулись дальше. Я должен был следовать с ними.

Проезжая Восточные ворота, я увидел прибитых к ним гвоздями скифов. Некоторые висели уже мертвые, другие еще шевелились. Длинный тощий скиф был прибит наверху над остальными. Он не переставал ругаться. Один его глаз был вырван и висел на кровавой жиле, другой глаз ворочался и сверкал гневом.

«Шакалы! – кричал он яванам, проходившим мимо. – Вы только и умеете драться с

персидскими свиньями. Скорее догоняйте толстые туши их сатрапов, а мы, саки, и раньше колотили вас и будем бить дальше!»

В это время проезжал молодой начальник отряда среди таких же молодых, как и он, воинов. Они остановились перед воротами и стали дразнить скифа:

«Ну покричи еще! Спой нам песню. Ты очень красив с одним глазом».

«А где ваш петух, – продолжал скиф, – ваш начальник, который прячется среди других, похожих на него петухов? Пусть он подъедет ко мне, чтобы я перед смертью плюнул в его глаза».

Тогда молодой начальник подъехал ближе, от гнева у него подергивались голова и плечо. Он говорил через переводчика, и вот что оба сказали:

«Скифская навозная муха! Ты жужжишь перед смертью, а сделать ничего не можешь. Тебя я приколот гвоздем к стене, и других скифов я также поймаю и посажу на колья».

«Хвастун! – кричал сверху скиф. – Ты на саков нападаешь, только когда они пьяны и спят. А сунься в наши степи, попробуй там сцепиться с нами, и ты убежишь без оглядки, как ошпаренный пес, как бежал Куруш и все, кто лезли к нам. Что ты так мало перьев нацепил на голову? Где твой хвост? Его выдрали у тебя наши саки в бою под Гавгамелами!»^[125]

«Дайте мне дротик! – крикнул явана. – Я ему заткну глотку».

Всадники дали ему копье, и он бросил его в лицо скифу, который в это время кричал:

«Улала! Точите мечи на черном камне!»

Другие пригвожденные скифы подхватили крик и запели:

Сзывайте товарищей, спешите на перекрестки дорог!

Готовы ли ваши кони? Натянуты ли туго ваши луки?

Вероятно, явана был очень взбешен – он промахнулся, и его копье с силой вонзилось в ворота, рядом с головой скифа, и задрожало, точно от стыда.

«Какой ты меткий! – бешено закричал скиф. – Не мог попасть в трех шагах! Ты не сын бога, а помет шакала!»

Но товарищи начальника стали метать копья, и одно из них пробило рот скифа, и он замолк. Только глаз его еще продолжал сверкать гневом, пока медленно не опустилось веко.

Яваны шли всю ночь. Меня посадили на очень тряского коня. Хотя мне подложили подушку, но лошадь была тощая, хребет подымался, как ребро доски, я жаловался и кричал, пока мне не дали доброго мула, который шел так же скоро, как и кони.

Утром была самая короткая передышка. Всадники ничего не могли есть, а сойдя с коней, падали на землю и сейчас же засыпали. Накормив коней, мы снова ехали до полудня и сделали более долгую остановку в небольшой деревне, где, по словам жителей, ночью стоял персидский лагерь. Повсюду виднелись брошенные хромые кони. Крестьяне отбирали себе лучших, а остальных резали и сдирали с них шкуры.

Здесь яваны отдыхали до вечера. Начальники отобрали пятьсот всадников с самыми крепкими конями. Сзади каждого всадника сел еще один пехотинец. Этот отряд двойных всадников двинулся вперед, все же остальное войско должно было возможно скорее следовать за ним.

К вечеру мы вступили на безводную равнину. Серебристые солончаки с мягкой, как зола, почвой, кое-где кусты полыни и кости верблюдов – вот все, что попадалось по пути.

Всадники угрюмо молчали или тихо переговаривались, ворча, что это бессмысленная погоня.

Несколько воинов упали с коней и остались лежать на дороге. Когда моя голова опускалась от усталости и я начинал дремать, то воин, ехавший сзади меня, касался острием копья моего плеча.

Только молодой начальник отряда не признавал утомления и требовал одного – скорее идти вперед.

Луна стала совсем тусклой и небо на востоке побелело, когда впереди показался караван, растянувшийся далеко по степи. Видно было несколько повозок. В тихом воздухе ясно доносились крики погонщиков и скрип больших колес.

Всадники нашего отряда перестроились в боевой порядок. Пехотинцы соскочили с лошадей, рассыпались цепью и пошли вперед. С боевым криком понеслись всадники по степи к каравану.

Персы подняли ужасный вой и помчались во все стороны.

Молодой начальник-явана в развевающемся красном плаще носился вдоль каравана. Он кого-то разыскивал и остановился около повозки, скатившейся в овраг.

Я узнал эту повозку и подъехал туда. На повозке на груде кож лежал окровавленный человек в пурпурной одежде, обшитой золотой бахромой. Восемь измученных мулов со спутавшимися постромками равнодушно стояли, повесив головы; погонщики разбежались. Раненый еще стонал, но, видимо, уже умирал. В предутреннем рассвете вырисовывалось его бледное полное лицо. Широко раскрытые глаза глядели, никого не узнавая. Он часто открывал рот, как рыба, выброшенная на берег, стараясь вдохнуть воздух. Вся его шелковая одежда была в темных кровавых пятнах.

Молодой явана соскочил с коня, заглянул в лицо умирающему, поднял его руку и осмотрел пальцы.

«Царского перстня уже нет. Негодяи-убийцы его сняли! Но, вероятно, это царь Дарий».

«Да, это царь Дарайавауш!» – сказал чей-то голос.

«Вот и все, что осталось от царя царей, – продолжал явана. – Пробитая ножами падаль! Он погиб не в сражении, как подобает воину, а зарезан, как баран, своими близкими, которые еще вчера падали в пыль и целовали его ноги. Вот участь того, кто добр со своими подданными!»

Здесь, в этой дикой степи, окончилась одна песнь и началась другая. Царя Персии больше нет, но есть царь Азии Александр, сын бога, и он жестоко накажет того, кто осмелится надеть на себя царский перстень и украденную у Дария тиару».

Явана сорвал с себя красный плащ и швырнул его на лицо царя Дариавауша. Затем он вскочил на коня и подозвал меня:

«Старик, тебе не пришлось быть нашим проводником. Мы сами нашли то, что искали. Но ты сказал правду о двух дорогах и не пытался обмануть нас и убежать. Как мне наградить тебя?»

Я ответил изречением моего учителя:

«Кусок грубого хлеба, кружка холодной воды и рука, чтобы на нее приклонить усталую голову, разве этого недостаточно для желающего стать более совершенным?»

«Ответ, достойный мудреца, – заметил явана. – Второй раз в жизни я слышу подобный ответ, ^[126] но, может быть, я могу чем-нибудь наградить не тебя, а твоих земляков – купцов из Серики?»

«Для них я попрошу немногого: разреши всем купцам-серам свободно, без особых пошлин, торговать в твоём царстве».

Явана засмеялся и обратился к своим воинам:

«Это хорошее предзнаменование. Чужеземец верит в счастливую звезду Александра, верит гораздо больше, чем многие из моих товарищей. Ты получишь то, что просишь. Гефестион, позаботься о нём».

После этого он повернул коня и стал объезжать остальные повозки. За ним неотступно следовала группа телохранителей. Он не тронул драгоценностей, которые грабили его воины, но приказал собрать все рукописи, которые только найдутся, чтобы прочесть приказы и документы походной канцелярии царя царей.

Отряд двинулся дальше на север. В ближайшей деревне меня отпустили, дали пергамент, написанный по-персидски и на языке явана, с разрешением свободного пропуска через земли Персидского царства. Оттуда я направился на подаренном мне муле в Сугуду и прибыл сюда, в Мараканду. Вот то, что я испытал!

Оранжевый луч падал сквозь прямоугольный узор резной двери. «Тридцать две радости», почти не тронутые гостями, отбрасывали боками своих блестящих чашек тридцать два солнечных пятна. Лица троих расплывались в полутьме. Только на красном, грубом лице Будакена солнечные блики замерли причудливым рисунком.

Широкие плечи Будакена во время рассказа Цен Цзы медленно клонились вперед, и над бровями и на висках набухали извилистые жилы. Не дотрагиваясь до еды, он лишь раз медленно выпил чашу вина. Тонкий пучок укропа, который он взял в левую руку, обвился зелеными нитями вокруг коротких пальцев.

Когда Цен Цзы степенно закончил рассказ и, слегка нагнувшись вперед, замолчал в ожидании вопросов, Будакен поднял на него налившиеся кровью глаза, схватил длинную прядь волос, падавшую на обшито бусами плечо, и стал ее закручивать.

– После этого ты больше не видел саков?

– Нет, достойнейший.

Будакен глубоко вздохнул, и от его дыхания золотистый мотылек, трепетавший над чашками, стремительно отлетел в сторону.

– Ты все мне говорил про молодого начальника передового отряда. А не слышал ли ты про Двурогого зверя, сына дракона – Аждархакаг? Он, говорят, главный царь всех яванов. Где же он?

Китаец погладил свою жидкую бородку и покачал фиолетовой шапочкой с круглым белым шариком на макушке.

– Я все время тебе рассказываю о Двурогом, а ты спрашиваешь, где он! Да ведь этот молодой явана в стальном шлеме, который ел нашу дыню, как и все мы, смертные, заковал в цепи твоего сына и метал копье в распятого сака, что настиг царя царей Дараиаваша, и был тот, кто сжигает города и уничтожает целые народы. Это тот, кого зовут Двурогим, сыном бога и дракона.

– Значит, мой сын Сколот дрался на глазах самого Двурогого и только тяжело раненный взят им в плен? Теперь мое сердце успокоилось: он не посрамил сакского имени, и мне не стыдно будет перед моими друзьями в степи.

– Да, это было так.

– Но чем Двурогий побеждает? Он вооружен так же, как и персидские войска. Воинов у него мало. Может быть, ему помогают боги? Как ты думаешь, Спитамен? Если Двурогий пойдет на нас, саков, что будет?

Спитамен сидел, скосив глаза. Мысли его как будто были далеко. Он вынул из-за пояса нож и, взяв его за лезвие двумя руками, сказал:

– Я думаю, что Двурогому помогают не столько боги, сколько то, что персы забыли об острие своего копья, а вместо себя посылают наемные войска, идущие в бой за серебряные дарики. Я клянусь этой холодной светлой сталью, что, если Двурогий придет в наши степи, мы поймем его живьем и его голову положим в мешок с кровью, как голову царя Куруша, чтобы она наконец напилась крови досыта!

И Спитамен запел скрипучим диким голосом песню саков:

Если увидите вспыхнувшие дымные огни
На далеких сторожевых вышках курганов,
Сзывайте товарищей, спешите на перекрестки дорог!

Готовы ли ваши кони? Отточены ли ваши мечи?
Натянуты ли туго ваши луки?

Будакен, услышав знакомые слова песни, тоже заревел могучим голосом. Оба скифа, разъяренные, пели, точно почувствовав запах крови. Китаец испуганно отодвинулся.

Затем степные гости затихли и долго сидели неподвижно, опустив глаза.

Будакен покачался из стороны в сторону и тяжело приподнялся:

– Чем я могу отблагодарить тебя за заботы о моем сыне? Хочешь благонаправного мерина, корову с теленком, невольника, умеющего шить сапоги, или что другое? Скажи, почтенный иноземец, к чему влечет твое сердце?

Цен Цзы встал, поклонился и отрицательно потряс бородкой.

Будакен посопел, порылся в своих широких шароварах и вытащил маленькую золотую чашку величиной с разрезанное яблоко.

– Прими от меня эту маленькую чашку и каждый раз, когда ты будешь пить свежую воду, вспоминай о Будакене, который всегда с радостью примет тебя гостем в своем шатре.

Китаец принял маленькую блестящую чашку, ударил ногтем по ее краю и, зажмурив щелочки глаз, прислушался к ее чистому звону.

Оба гостя протянули китайцу руки, подержали его выпрямленные ладони, подогнув, по обычаю, правую ногу, и молча вышли из беседки.

Цен Цзы соединил концы тонких пальцев и ждал в дверях, пока скифы не прошли в калитку.

– Достигать совершенства, – прошептал он, – можно, думая о своем несовершенстве, а также протягивая руку тому, кто нуждается в помощи. Вернусь к своим запискам...

Часть пятая

Сумерки Персии

*Герой должен воспламенять и сжигать в битве;
Если он ранен, то пусть грива лошади его ложе.
Да умрет смертью собаки трус,
Зовущий себя мужем и умоляющий о пощаде!*

Шахрух Мирза

На высокой стене Маракандской крепости в просвете бойниц стоял на пестром ковре бывший сатрап Бесс, теперь получивший имя «царь царей Артаксеркс»; высокий, дородный, с искусно завитой черной бородой, он имел осанку правителя, привыкшего к власти. Темно-малиновая одежда, вышитая золотыми цветами, облегла свободными складками его грузную фигуру. Широкий кожаный пояс с золотой пряжкой в форме колеса с крыльями туго затягивал его массивный живот. Короткий меч в синих сафьяновых ножнах с тонкой золотой отделкой висел на боку.

Опустив одну бровь и подняв другую, Бесс пристально смотрел со стены вниз, туда, где между деревьями виднелись раскрытые ворота. Толпа слуг разгружала караван мулов и ослов. Среди них неподвижно стоял белый двугорбый верблюд.

– Посмотри туда, Сатибарзан! Клянусь шестью потоками рая, что на верблюде сидит молодая прекрасная женщина. Видишь, она откинула покрывало. Вот верблюд стал на колени, и нежную девушку сняли осторожно, как гроздь винограда. Кто эта девушка?

Собеседник Бесса стоял мрачный. У него была короткая замшевая одежда воина. Он был широк в плечах, и плечи были подняты, как у атлета, который с детства упражняется в метании копья и боевых играх.

– Это владение князя Оксиарта, правителя Курешаты. Не его ли это дочь? Вероятно, она приехала ради тебя на смотрины царских невест.

– Клянусь шестью потоками, если даже это дочь беспутного пьяницы Оксиарта, то все-таки она достойна стать одной из трехсот шестидесяти жен царя царей! Ты бы поехал туда к ним и разузнал, так ли это.

– Отпусти меня, величайший, – ответил Сатибарзан. – Я не создан для переговоров, и нет времени на это. Медлить нельзя. Я хочу поднять восстание в тылу Двурогого. Дай мне тысячу всадников, и с ними я буду нападать на македонские обозы.

– Да, да, это, конечно, важно, и этим я займусь на днях. Я дам тебе не одну, а целых две тысячи бактрийских всадников. Датаферн, ты слышал ли что-нибудь про дочь Оксиарта?

Мягкой походкой подошел толстый старик с обрюзгшим лицом. Он тяжело согнулся и упал ниц на ковровую дорожку, положив лицо между ладонями, подогнув правую ногу к подбородку и вытянув левую. Став на колени, он отвечал Бессу:

– Я слышал, что дочь Оксиарта не только прекрасна, но она также училась разной книжной премудрости: Оксиарт выписал ученого греческого раба из Финикии, и дочь князя Рокшанек научилась читать и писать по-эллински, играть на египетской арфе и танцевать вавилонские священные пляски. Ученые атраваны научили ее понимать древние книги Авесты. Такая девушка будет одним из лучших цветков во дворце царя царей.

– Пусть так и будет! К чему медлить! Пора устроить смотрины невест. Я готов отложить все другие дела, чтобы скорее отпраздновать свадьбу.

Раздался легкий шум. Царь царей оглянулся. На широкой площадке несколько человек, одинаково распростертых на ковре, ожидали милостивого внимания властелина, не имея права начать разговор.

– О чем вы просите? – спросил Бесс.

Лежавшие приподняли головы, и все заговорили сразу:

– Я приехал издалека, чтобы приветствовать тебя, величайший. У меня нечестивые македонцы отняли поместья, и вот я, переодевшись нищим, пробрался сюда на осле, чтобы отдать свою жизнь за обожаемого царя царей. Я надеюсь служить тебе так же, как служили мои

предки царям великой Персии.

– Пстойте, – прервал их Бесс. – Я рад слышать ваши преданные речи. Мне нужны опытные в правлении люди, много людей. Мои планы громадны. Надо возродить страну. Боги нас не оставят. Они помогут нам снова восстановить и собрать вместе единую, неделимую, древнюю Персию.

– Ты велик, ты мудр, ты сверкаешь, как солнце! – воскликнули лежащие. – Не забудь нас!

– Идите, я вспомню и позову вас.

– Но мы сейчас голодаем. Кто накормит нас, если не ты, величайший?

– Мне приходится столь многих кормить, но еще четыре человека не разорят меня.

Из-за угла стены выступил бледный сириец с двумя навощенными дощечками в руках. Он трижды становился на правое колено, подходя к Бессу, затем опустился на оба колена, ожидая высочайших приказаний.

– Ты запишешь всех четырех на кормление из царской кухни, – обратился к сирийцу Бесс. – А вы идите!

– А жалованье нам? – простили просители.

Бесс показал вид, что не слышал вопроса, и повернулся к Датаферну. Сириец поднялся и, не поворачиваясь, пятясь, удалился с площадки. За ним, так же пятясь, ушли просители.

– С чем ты пришел ко мне?..

– Величайший, приехали скифы.

– Ты слышишь, Сатибарзан? Наконец приехали скифы. Слава всемогущему творцу! Он услышал наконец наши молитвы. Видно, боги желают спасти нашу родину. Где скифы? Сколько их? Тысяча, две, пять?

На бритом лице Датаферна скользила почтительная улыбка.

– Приехал сакский князь Будакен Золотые Удила. Очень большой человек, как горный медведь. Вместе с ним несколько сакских воинов.

– Но почему их так мало? Его отряд остался за городом? Не посол ли это для переговоров? Отправить этого сакского князя во дворец в саду Талиссия, окружить заботами. Дать вина столько, чтобы скифы пили без передышки и выболтали, что у них на уме. Мне нужно сперва выведать их замыслы. Сегодня вечером я устрою совещание моих ближайших советников, а скифов я приму через несколько дней. Не подобает нашему величию принимать чужеземных послов сейчас же, как они постучат в ворота дворца. Ты, Сатибарзан, займешься скифами. Они для нас гораздо опаснее, чем Двурогий. Разве не верно?

Сатибарзан смотрел равнодушно:

– Я не умею вести хитрые разговоры, я воин, отпусти меня.

– Да, да, я тебя отправлю, но не сегодня же ты уедешь. Поэтому сделай, что я сказал. Сходи к этому скифскому медведю.

Сатибарзан отступил на несколько шагов, трижды преклонил колено и, пятясь, удалился с площадки. Старый Датаферн на коленях ждал приказаний.

– А ты, Датаферн, позаботишься, чтобы смотрины царских невест устроить как можно скорее...

Царский прием

Несколько дней Будакен провел в отведенном ему царском загородном дворце Талиссия, ожидая приема у царя царей.

Громадные блюда с разнообразными кушаньями и запечатанные кувшины с вином присылались ему ежедневно. Персидские сановники постоянно сидели вокруг Будакена, расспрашивая его об охоте, лошадях, разных степных зверях, обычаях скифов, и заодно старались выведать, какие замыслы у скифских князей: собираются ли они прислать своих непобедимых воинов, чтобы сразиться с нечестивыми яванами, истребителями людей?

Будакен был молчалив, недоверчиво выслушивал вопросы и рассказы гостей, давая очень туманные ответы:

– Если Двурогий спустится с гор, то саки сперва посмотрят, какие у него воины. Потом мы решим, что нам выгоднее: уйти ли в глубину степей или напасть на Двурогого и раздавить его копытами наших бесчисленных коней.

Наконец Будакену был объявлен день царского приема. Он выехал в красном плаще с нашитыми золотыми бляшками, и его провожали десять вооруженных скифов.

Впереди скакали бактрийские всадники на высоких поджарых конях с вплетенными в гривы красными лентами. Бактрийцы в чешуйчатых бронзовых панцирях, с роговыми луками на боку и колчанами за правым коленом сидели изогнувшись, как кошки. Встряхивая длинными кудрями, они гикали и хлопали плетьюми, разгоняя встречных.

У ворот крепости сгрудились стража и пестрая крикливая толпа. Длинные кожаные трубы повторным ревом возвестили прибытие знатного гостя.

На высокой арке ворот разноцветными изразцами переливался герб персидского царя: распростертые соколиные крылья и посередине их – стрелок, натягивающий лук.

В темном проходе выстроились «бессмертные» – телохранители царя – в длинных, до земли, одеждах, с колчанами за правым плечом. Тонкие бронзовые цепочки свешивались с колчанов и звенели при каждом движении воинов. Скрестив копья, они загораживали доступ внутрь крепости, куда пропускали только немногих избранных, имевших кусочек пергамента с печатью главного надзирателя дворца. По требованию стражи Будакен оставил свое оружие при входе. Спитамен последовал за Будакеном, чтобы служить ему переводчиком.

Сатибарзан и двое «бессмертных» шли впереди; за ними четверо слуг несли на подносах подарки Будакена: короткий скифский меч в искусно отделанных золотом ножнах, драгоценные ожерелья из тигровых зубов, приносящие успех на охоте, и связку темных собольих шкурок.

Первый двор, вымощенный квадратными плитами, был полон согдской знати, ожидавшей возможности увидеть своего правителя. Затем пришлось идти узким проходом между гладкими глухими стенами. Дальше была низкая дубовая дверь. Два воина скрестили копья. Старый евнух с отвислыми щеками, с золотой цепью на шее спросил пропуск. Сатибарзан шепнул ему несколько слов на ухо и показал свиток пергамента. Дверь открылась, и Будакен вошел в небольшой двор, окруженный высокими кирпичными стенами. Бесчисленные деревянные колонны, украшенные тонкой резьбой, поддерживали несколько круглых навесов, под которыми посетители могли укрываться от солнца и от дождя. Весь двор был застлан коврами. В глубине стояло одинокое кресло, отделанное золотом и слоновой костью, с высокой спинкой, на которой было выткано золотом колесо с двумя крыльями.

В кресле, поставив ноги на скамейку, сидел Бесс в золотой, круглой, как дыня, тиаре, в парчовой одежде, обшитой бахромой. По обе стороны Бесса стояли юноши с отличиями «бессмертных». Перед тронем, опустившись на колени, стояли знатные персидские, согдские и

бактрийские сановники.

Будакен на мгновение остановился, окинув всех внимательным взглядом, затем направился к сидевшему на троне Бессу.

Будакен знал, что все подданные великого Персидского царства, встречаясь с царем царей, падают на землю и лежат неподвижно, пока царь с ними не заговорит. Но, поступив так, Будакен показал бы, что саки считают себя в подчинении персидскому царю, а этого сакский вождь не мог допустить. Поэтому Будакен остановился в нескольких шагах от трона в ожидании. Глаза Бесса тревожно метнулись и уставились на скифского князя.

– Будь здоров и царствуй много лет, великий правитель Персидского царства! – прогудел спокойно Будакен. – Сакские племена посылают меня передать их привет и пожелания жить в мире и дружбе с подданными тебе народами.

Бесс самодовольно улыбнулся, решив, что в этом приветствии выражено достаточно почтительности и что большего раболепия от скифского князя все равно не дожидаться. Он поднял кверху ладони в знак обращения к небу с молитвой и заговорил, растягивая слова, как это делают при богослужении жрецы:

– Я рад видеть тебя, доблестный и храбрый князь Будакен. Да хранит тебя создатель неба, земли, гор и морей! – Бесс уже знал из докладов подсылавшихся к Будакену сановников его имя, род и место стоянки кочевья. – Садись рядом, здесь, и поговорим о делах наших народов, а потом перейдем к «козьей шерсти». [\[127\]](#)

Будакен, подойдя к трону, опустился на ковер, подобрав под себя ноги. Оба некоторое время обменивались любезными вопросами о здоровье, силе мышц, состоянии коней, о бурях, дождях и направлении ветров.

– Я знаю, что ты любишь быстрых и сильных коней, – сказал Будакен, – поэтому я привел для тебя двух жеребцов, сыновей знаменитого скакуна Буревестника.

Бесс захотел сейчас же их увидеть и приказал привести коней. Он продолжал спрашивать, живут ли в сакских степях львы и носороги, нападают ли саки на их соседей тохаров и много ли снега бывает зимой в кочевье Будакена.

Старый Датаферн, подойдя к трону, склонился до земли и произнес шепотом:

– Разреши, о величайший, предстать перед тобою верному слуге твоей воли Оксиарту, князю Курешатскому.

– Зачем он вернулся раньше срока? – удивился Бесс. – Что могло помешать ему исполнить мое приказание? Пусть придет.

Князь Оксиарт вбежал и с видом ужасного отчаяния бросился на ковер перед Бессом. На полу он забился в глухих рыданиях.

– Какие несчастья обрушились на тебя, князь Оксиарт? Перестань предаваться горю, как вдова, лишенная поддержки любимого мужа. Говори, кто обидел тебя, – я покараю его всей яростью моего гнева. Не погиб ли твой сын, не заболела ли твоя прекрасная дочь?

– О величайший, о светлейший! Весь небосвод помещается в перстне твоего большого пальца. Когда я помчался исполнять твою волю и, чтобы скорее достигнуть ваших пограничных крепостей, загнал трех жеребцов...

– Напрасно загубил трех жеребцов, – прервал его Бесс, – кони нужны теперь для войны.

– Я проехал сакскую степь, но там меня обидел скифский начальник, с которым я хотел вести переговоры согласно твоему повелению, да блистаешь ты победами тысячу лет! Этот начальник заманил меня в свое кочевье, где жестоко избил и посадил в яму с верблюжьими клещами. Долго ли еще саки будут издеваться над нами? Теперь не Двурогий разбойник наш враг – он уже подыхает, засыпанный снегом в горных ущельях. Теперь саки – наша гибель. Я умоляю тебя, собирай войска против саков. Они уже поют песни про Афрасиаба и призывают

точить ножи на черном камне.

Бесс смотрел с удивлением то на Оксиарта, то на Будакуна. Все окружающие затихли. Оксиарт поднял голову и, посмотрев по сторонам, заметил Будакуна. Скифский князь сидел, сжав кулаки, нагнувшись вперед. Его подбородок дрожал от гнева. Казалось, он сейчас бросится на Оксиарта.

Оксиарт запнулся, закашлялся и стал смеяться:

– Но, конечно, не все саки против нас. Есть и среди них мудрые князья, готовые к дружбе с нами. Все говорят о высоком разуме и подвигах князя Будакуна Золотые Удила. Он так горячо принял меня, что я буду рад отблагодарить его таким же точно образом... Но не его ли я вижу здесь? Какая радость для меня увидеть его теперь гостем согдов!

Будакун заговорил глухо, и глаза его горели скрытым гневом:

– Мы, саки, потому свободны, что всегда точим ножи и всегда наши колчаны полны жаждущих крови стрел. У нас нет крепостей, и наша сила только в том, что мы любим драться. Мы можем воевать сразу и с согдами, и с Двурогим разбойником, и со всеми, кого мы увидим на границе наших степей...

Бесс понял, что между обоими князьями таится еще не понятная ему вражда. Он не хотел ссориться с влиятельным Оксиартом, но в то же время ему нужна была помощь саков. Поэтому он прервал спор князей:

– Славный князь Оксиарт! Ты плохо заметил, против кого саки точили ножи. Конечно, не против нас. Уже несколько кругов лет [\[128\]](#) мы живем в полной дружбе с саками. Я уверен, что саки нам помогут; если Двурогий разбойник захочет пройти в наши долины, чтобы попробовать нашего старого вина, он сперва испробует острие наших прославленных мечей... Но что же нам не дают вина? Мы выпьем за нашего достойного гостя.

Немедленно вошли с подносами мальчики в широких желтых шелковых шароварах. Они принесли бронзовые кувшины с янтарным вином и стали раздавать ценные кубки, разукрашенные затейливыми узорами.

Виночерпий, отлив вина из кубка себе на ладонь, выпил глоток и подал кубок Бессу. Тот с ласковым словом передал этот кубок Будакуну. Затем привычным жестом Бесс сам осушил другой кубок.

Преступные речи

– Поговорим теперь о деле, о котором здесь все только и твердят. – Бесс сделал знак пальцем, украшенным перстнями, чтобы мальчишки подлили еще вина. – Мои верные помощники спорят о том, придет ли в нашу мирную страну преступный царь Искандер. Одни говорят, что он непременно направится сюда, другие же убеждены, что он уйдет в Индию.

– Разве можно думать иначе! Конечно, он уйдет в Индию! – подобострастно зашептали все сановники.

– Он даже не дойдет до Индии, – заявил один из них.

– Почему не дойдет? – строго спросил Бесс и повернулся к сказавшему.

Сухой старик сидел неподвижно, вытянув на коленях ладони рук.

– Я видел одного нашего купца, перебежавшего из лагеря Двурогого. Он говорит, что у киликасов постоянные заговоры и бунты, что Искандер боится за свою судьбу и окружил себя громадной стражей, казнил нескольких самых близких друзей и начальников. Может быть, Двурогий уже убит. Если он жив, то ему приходится больше думать о собственном спасении, чем о новых походах. Как стрела, долетевшая до своей цели, падает, так и Двурогий, истощив все свои силы походом через Персию, погибнет у подножия Седых гор.

Бесс поднял руки. За ним все протянули руки к безоблачному небу, синевшему над серыми стенами.

– О вы, древние хранители нашего великого царства! – протяжно, нараспев проговорил Бесс. – Вы оберегали многие тысячелетия нашу страну, чтобы мы смогли владеть и управлять всем миром. Вы теперь наслали на нашу родину злого сына змеи и Аримана, чтобы наказать нас за неверие и непочтительность к богам. Этот Двурогий наказал нас, как бич наказывает нерадивого раба. Теперь гнев богов кончается, и мы начнем восстанавливать разоренную страну, строить снова разрушенные храмы и дворцы. С востока восходит солнце, и с востока придет возрождение замученной Персии! – Бесс был взволнован, и слезы покатались по щекам.

– Ты великий, ты спасешь нас! – восклицали сановники. – Целуем край одежды твоей. Поведи наши смелые войска на Двурогого. Мы погоним его, как бешеную собаку, до самого моря, где он утонет!

– Молитесь и верьте! – воскликнул Бесс, протягивая руки своим приближенным, и они все подбегали к нему, падали на колени и целовали край его парчовой одежды. – Слушайте, что я решил сделать. Я издам приказ, чтобы все жрецы молились о нашей победе и днем и ночью.

– Верно! Верно! Это очень важно! Будем молиться.

– Я здесь вижу много мудрых сановников, знающих трудную науку управления государством. Через далекие равнины, горы и пустыни они с опасностью пробирались ко мне среди отрядов наших врагов. Все эти ценные люди представляют то ядро, из которого загорится пламенем слава дорогой нам Персии. Они составят Царский совет возрождения и управления государством.

– Это мудро, это велико, это достойно царей древности! – восклицали сановники, и каждый надеялся, что он станет членом этого совета.

– Кроме того, мы должны позаботиться о воспитании нашей молодежи. Нужно сейчас же устроить школы, где будут воспитываться дети князей и высших сановников. В этих школах они будут учиться воинскому искусству, езде верхом, метанию копий и будут посещать суды, чтобы знать, как решать дела.

– Ты все предвидел, ты обо всем подумал! – восхищались сановники.

– Нужно еще многое сделать! Сделаем возлияние богам и выпьем за то, чтобы отсюда, из

Мараканды, началось возрождение Персии.

Бесс обвел всех взглядом, полным растроганной нежности, и остановился на Спитамене. Тот сидел на коленях, глаза его скосились, рот искривился горькой насмешкой, и он, растопырив ладонь левой руки, что-то считал по грубым, загорелым пальцам.

– Отчего у гостя чаша полна вина? Отчего он не пьет? И что он считает?

Будакен, только что выпивший чашу за возрождение Персии, покосился на Спитамена.

– Мой проводник-переводчик видел много народов и прошел много стран, – сказал Будакен. – Может быть, он мог бы рассказать нам что-нибудь ценное? Например, о родине Двурогого?

– Скажи нам, а мы слушаем! – ответил Бесс.

Все затихли и со снисходительным презрением уставились на неведомого, бедно одетого спутника скифского князя. Что может сказать этот измеритель больших дорог, наглотававшийся пыли, – сказать им, правителям сатрапий.

– Что же ты молчишь, говори! – сказал дружелюбным голосом Оксиарт, вспомнивший, что Спитамен удержал руку Будакена словами: «Послов не убивают».

Спитамен медленно произнес:

– Я высчитываю, через сколько дней Двурогий будет здесь, в Мараканде.

На мгновение воцарилась тишина, затем она сразу прорвалась шумом и криками:

– Что он сказал? Кто он? Он не верит в спасение Персии?

Голова Бесса сразу втянулась в плечи; он глядел помутневшими, испуганными глазами на странного для него человека, который сказал именно то, о чем Бесс неустанно думал дни и ночи, никому не решаясь высказать свои опасения.

– Замолчите! – воскликнул Бесс. – Пусть он говорит. Почему ты думаешь, что Двурогий может пойти сюда, на Сугуду?

– Двурогий может пройти всюду, где его никто не задержит.

– Но войска посланы ему навстречу и во всех проходах стоят наши отряды.

– А кто должен задержать Двурогого? Кто должен подставить свою грудь, чтобы откинуть его назад?

– Кто? О чем ты спрашиваешь? Мы! – закричали сановники.

– Нет, вы свою грудь ему не подставите. Вы будете писать законы, а удерживать врага будут ваши пастухи и пахари.

– Вы слышите, что он говорит? – зашипели сановники. – Да он опаснее Двурогого! Он не наш! Нужно разузнать хорошенько, что это за человек. Да это, наверно, лазутчик Двурогого: и в глаза не смотрит, и косится на кончик своего носа.

Бесс заговорил опять громким, властным голосом. Снова он сидел, как царь царей, выпрямившись и ухватившись за ручки кресла пальцами, украшенными сверкающими алмазами.

– Мы можем весело посмеяться сегодня – так меня развеселил этот человек, скосивший глаза, точно на конце его носа сидит скорпион. Ты, вероятно, наслышался женских рассказов о Двурогом и его воинах и поэтому трусишь. Не бойся, войск у нас довольно! Одних согдских воинов в три раз больше, чем всех войск Двурогого. Наши войска сыты, хорошо одеты, они у себя дома, поют песни и пляшут. А войска киликасов мерзнут в горах. Ты, вероятно, никогда не видел яванов. Они такие же люди, как мы, и наш прославленный бактрийский всадник может копьем проколоть сразу нескольких яванов.

Спитамен процедил сквозь зубы:

– Я хорошо знаю яванов-эллинов и не раз стегал их плетью так, что они разбегались от меня, как испуганные поросята.

– Да он еще и хвастун! – воскликнули все. – Где ты смог хлестать плетью этих разбойников?

– Нас было триста скифских всадников. Мы поддерживали порядок и спокойствие в главном городе яванов Афинах. ^[129] Они любят так много говорить, что если два явана заспорят, то их уже не разогнать, к ним пристают еще четверо, затем восемь, и скоро целая площадь спорит о том, кто выше и сильнее – Афины или Спарта. Только скифские всадники были способны разогнать такую крикливую толпу, и нас нарочно держали для этого.

– Ты, наверное, умеешь даже говорить по-киликаски, если жил в Афинах? – спросил вкрадчиво Датаферн.

– Да, умею.

– О, ты можешь оказаться нам очень полезен, – сказал Бесс. – Если князь Будакен тебя отпустит, ты будешь переводчиком в Бактре. Если ты уже бил яванов, то отправься на границу и поймай нам их несколько. Мы бы уж заставили этих болтунов рассказать все, что нам нужно. Теперь же, верные сыны Авесты, пойдите смотреть жеребцов, которых привел из сакских степей славный князь Будакен.

Окруженный свитой и телохранителями из отряда «бессмертных», Бесс прошел в небольшой сад. Посреди стоял шатер из белого войлока, подбитый красной подкладкой. Вокруг шатра были привязаны к столбам любимые жеребцы Бесса. Слуги стояли около с большими подносами. На них лежали ломти спелых дынь. Бесс остановился около двух жеребцов Будакена. Один был золотисто-желтый, другой светло-серый в яблоках, с белым хвостом и гривой. Бесс при почтительном молчании сановников стал кормить коней ломтями дыни, затем он сделал знак Сатибарзану и отошел с ним в сторону.

– Этого проводника награди деньгами, чтобы он ничего не подозревал. Отправь его сейчас же в Бактру с отрядом всадников. Прикажи, чтобы они не спускали с него глаз и по пути надели на него цепи. В Наутаке надо подвергнуть его пытке и выведать, не лазутчик ли он.

С деланно радостным лицом Бесс вернулся к Будакену и стал ему рассказывать, какие он хочет построить каменные мосты через все реки и странноприимные караван-сарай на всех больших дорогах.

– Времени еще достаточно, – говорил Бесс. – Ты, князь, будешь вскоре пировать на моей свадьбе. Дочери согдских и бактрийских князей станут женами царя царей, и я повезу их с собой в Сузы. Разве согдские князья не станут после этого опорой царского трона и первыми вельможами в Персидском царстве? Разве они не станут править отсюда всем миром?

Ночь в ущелье

Когда Будакен вернулся в загородный сад Талиссия, его там уже ждали персидские сановники. Они привезли подарки от Бесса: несколько бронзовых блюд и кувшинов со сценами охоты львов на оленей. Привезли также большой персидский ковер; он изображал цветущий весной луг в виде множества искусно сплетенных цветов и листьев, а также самый ценный для него подарок – большую кольчугу искусной работы, сделанную из стальных пластинок и колечек.

Приехал Сатибарзан и, оставшись наедине с Будакеном, стал настойчиво расспрашивать его, на каких условиях саки могут немедленно прислать сто тысяч всадников, чтобы начать борьбу с Двурогим.

– Если саки нападут на дороги, по которым идут подкрепления царю Искандеру из Суз и Экбатаны, то войска этого разбойника будут отрезаны, лишены поддержки, и тогда всех яванов легко будет передавить, как щенков, в ущельях Дрангианы.

Скифские воины сидели отдельно от князей, вокруг костра, где над раскаленными угольями на вертелах жарились бараньи туши. Кидрей раздувал плетенкой уголья и поворачивал мясо, с которого стекал жир, шипел и вспыхивал, падая на огонь.

Спитамен объяснял:

– Меня посылают к Седым горам. Требуют, чтобы я им поймал пару киликасов. Им не понравилось то, что я им сказал. Они взбеленились, точно испуганные гуси. Мне дают двадцать всадников или меня передают им – не знаю. Боюсь только, не поручено ли им придушить меня по дороге.

– Мы поедем за тобой, – сказал Кидрей.

Спитамен подумал и согласился.

– Если вы поедете следом за мной, то мы встретимся около переправы через Окс. Там всегда задержка: не хватает лодок для перевозки путников. Поберегите моего коня. Если Бессу нужно, чтобы я пробрался к Седым горам, он коня даст. А если он хочет от меня отделаться, то зачем погибать доброму коню?

* * *

Утром двадцать всадников выехали из Мараканды по большой торговой дороге, ведущей к Бактре. Спитамен был среди них.

Начальник отряда, тощий и костлявый сотник, сидел молчаливо на коне, угрюмо глядя исподлобья. Он покрикивал на других всадников, не позволяя им отдаляться от отряда. Спитамен ехал в середине. Несколько всадников неотступно его окружали.

Весь день ехали мимо тщательно возделанных полей с густыми зелеными посевами джугары и пшеницы.

По пути попадались похожие на небольшие крепости усадьбы князей. Поселки крестьян состояли из маленьких хижин, сложенных из камней и смазанных глиной. Громадные, похожие на волков собаки с яростным хриплым лаем прыгали и пробегали по глиняным заборам.

Всадники заезжали на бахчи, выбирали лучшие дыни и арбузы и ели их, не слезая с коней, топчя грядки.

На коротких остановках в селениях сотник стегал плетью старшину, покорно склонявшего голову.

Испуганные крестьяне приносили в плетенках ячмень для коней, горячие хрустящие лепешки и кувшины с молоком.

Вечером, когда солнце легло на гребень гор и их вершины стали рыжими, отряд остановился около ручья, протекавшего между скалами. Место было мрачное, безлюдное. Несколько кривых стволов можжевельника и фисташек кое-где прицепились по склонам гор. Селение осталось далеко позади.

Затрещало несколько костров, и сизый душистый дым стлался по земле. Начальник отряда стал еще грубей и закричал на Спитамена, когда тот вздумал подыматься по горе. Спитамен, не обращая на него внимания, поднялся выше. Остановившись на выступе скалы, он осматривался кругом. Сотник ругался, требуя, чтобы «дорожный бродяга» не колдовал и не призывал на воинов чуму.

Спитамен окинул взглядом горы и заметил направление ущелья – по склонам его зеленой щетиной росли ели. Тропинка бежала зигзагами к вершине горы. «Там перевал и спуск», – подумал он.

Несколько воинов, ругаясь, вскарабкались на скалу и набросились на Спитамена.

– Вы чего взбесились? – крикнул Спитамен, рванулся и в несколько прыжков оказался около костра. Здесь он опустился на колени на войлочном потнике и застыл в неподвижной позе, точно молясь.

Воины с опаской подошли к странному для них охотнику. Он не сопротивлялся, когда они ему вязали сыромятными ремнями руки за спиной. Он только начал дрожать мелкой дрожью, и зубы его стучали.

Ночь быстро закутала горы темно-лиловыми тенями, и в свете пылающих костров покраснели ближайšie камни и кусты.

Спитамен продолжал дрожать. Он метнул несколько косых взглядов на воинов, рывшихся в его переметных суммах и деливших между собой, бросая игральные кости, его лепешки, чашку и цветную рубашку.

– Чего дрожишь? – сказал молодой безусый воин. – Боишься смерти? От нее не убежишь...

– У меня в левом сапоге есть кошелек с серебром, – сказал охотник. – Возьми его себе, только за это прикрой меня своим плащом. Сегодня меня трясет лихорадка: каждый тринадцатый день она прилетает мучить меня.

Юноша пошарил за голенищем мягкого сапога Спитамена и вытащил оттуда кошелек. Он набросил на связанного свой белый войлочный плащ. Постепенно дрожь уменьшилась, и Спитамен затих.

Сотник точил черным камнем свой широкий тяжелый меч и говорил помощнику-дефтадару, сидевшему рядом:

– Сейчас его убивать не следует: если теперь душа его выскочит из тела, она начнет летать всю ночь вокруг этого места и будет пить кровь заснувших. Мы с ним разделаемся на рассвете, перед отъездом. Пусть часовые сидят на полах его плаща, а один будет стеречь коней.

Ночь тянулась долго. Часовые подбрасывали ветви можжевельника. Где-то во мраке заливались визгом и хохотом невидимые шакалы. Летучие мыши чертили воздух.

Когда розовой шапкой заалела далекая вершина горы, засыпанная снегом, когда кони опушились серебристой пылью инея и костер, покрываясь пеплом, медленно потухал, один из сидевших на плаще Спитамена воинов очнулся ото сна. Ему послышалось странное клохтанье. Звук напоминал бульканье вина, вытекающего из меха. Другой часовой храпел, положив голову себе на колени.

Часовой встал, потянулся и увидел лежащую на земле голову сотника. Один глаз был закрыт, другой, прищуренный, как будто смотрел с усмешкой. Сотник лежал в стороне,

раскинув руки и ноги, из горла с бульканьем вытекала кровь; голова была отсечена одним ударом.

Воин видел много смертей на своем веку, но он похолодел и в ужасе оглянулся кругом. Все спали: лошади, съевши весь корм, стояли без движения, понутив головы. Часовой стал толкать ногой спавших товарищей.

– Верные сыны Авесты, – шептал он, поглядывая со страхом на окрестные скалы, – беритесь за оружие, враг близко!

Воины подымались, спросонок плохо понимая, в чем дело. Все хватили копья, готовые биться со злыми духами, летающими в глухих ущельях. Перепуганные воины медленно подходили к голове своего начальника.

– Наверное, дорожный бродяга вчера наколдовал и призвал ночных духов, – шептали они между собой.

– Этого колдуна убивать не следует, мы его живьем привезем в город. Там вытряхнут его из шкуры!

Один воин ткнул копьем неподвижную фигуру Спитамена. Белый плащ, стоявший коробом, повалился.

Охотника под плащом не было. Он исчез. На том месте, где недавно все его видели, на камне сидел небольшой золотисто-желтый скорпион: загнув кверху коленчатый хвостик, скорпион пошевеливал ядовитым жалом, готовый и к защите, и к нападению.

– Дивы! Злые дивы в этом ущелье! – завопили воины. – Скорее прочь отсюда!

Дефтадар старался удержать обезумевших товарищей, но они ничего не слышали, отвязывали коней и мчались по дороге.

Дефтадар один остался около трупа. Его поразило, что исчезли меч сотника и его тяжелое короткое копье. Он нарубил веток можжевельника, снес их в одну кучу и положил на нее тело начальника.

Привязав на аркан коней сотника и Спитамена и вскочив на своего жеребца, Дефтадар быстро двинулся по ущелью вперед, по пути к Бактре.

Путь Спитамена

В полумраке Спитамен бесшумно удалился от костра. Он вытер короткий меч сотника о хвою ветвей, засунул его за пояс и углубился в ущелье.

Зорким глазом охотника он вскоре нашел козью тропинку и стал подниматься вверх по крутизнам уродливо разбросанных скал. Вскоре он услышал топот коней и крики. Притаившись за кустами, он следил, как воины, с которыми он только что ночевал, пронеслись вскачь по ущелью.

Он подымался все выше, и когда забрался на первый скалистый отрог, то увидел впереди себя бесчисленные утесы и причудливо набросанные камни. Ущелья казались особенно мрачными, как бездонные провалы, и дымчатые туманы ползли оттуда к вершинам гор, быстро тая в косых лучах солнца.

Скоро он заметил на горе вереницу тонконогих серых ослов, нагруженных с обеих сторон тяжелыми мешками. До него доносились покрякивания крестьян, шедших с длинными ровными палками следом за осликами. Они привычной походкой подымались в гору и на спусках упирались палками, задерживая свой шаг.

Спитамен то карабкался, то сбегал по скатам, выбирая кратчайшие пути. Несколько раз он обгонял крестьян. Увидев неизвестного путника с копьем, они кричали друг другу «Тереч!» [\[130\]](#) и выхватывали топоры с длинными ручками. Они настороженно смотрели на Спитамена.

– Кто ты, куда идешь?

– Идите с миром!

– Одинаково проходит и добрый, и злой. Но пусть будет так, чтобы имя твое мы помянули добром.

– Я зла не сделаю.

– Говорят, война близко, скоро и здесь будут гореть хижины и женщины рвать на себе волосы. Мы уходим подальше в горы. Нам был приказ от царя царей идти воевать. Зачем нам воевать? Прожить бы только!..

Крестьяне сами доставали из мешков высохшие лепешки и горсти изюма и давали незнакомцу. Обычай не позволяли в дороге просить хлеба. Кто даст, так сам – от доброго желания. Видно же сразу, что у путника нет дорожного мешка и глаза горят, как у голодного волка.

Несколько дней шел Спитамен горами и все туже затягивал свой пояс. Однажды на рассвете он увидел широкую светлую полосу реки, окаймленной высокими густыми камышами. По ту сторону реки раскинулась равнина, и на горизонте едва были видны далекие зубчатые горы, дымчатые в утреннем тумане. Он понял, что это великая река Окс.

За рекой начиналась Бактра.

Спитамен обошел далеко кругом селение, лепившееся по склону горы. Внизу, среди камышей, он заметил полянку с ровными линиями грядок. Он решил там отдохнуть.

Спускаясь к берегу, Спитамен наткнулся на всадника. Седобородый старик ехал на коне, навьюченном мешками. Увидав перед собою незнакомца с копьем, старик пустился вскачь. Один мешок оборвался и остался лежать на дороге. Всадник взлетел на перевал и, остановившись, следил, что будет делать незнакомец.

Спитамен развязал мешок. В нем были тщательно сложены синие и шафрановые рубашки и шаровары. Старик, вероятно, был скупщиком одежд и материй, которые ткнут горные крестьянки. Спитамен вытряхнул на дорогу все одежды и, свернув кожаный мешок, углубился в камыши.

Старик ждал на перевале, пока не подошло несколько путников. Присев на корточки, они долго спорили, потом все направились к тому месту, где лежали выброшенные одежды, и кричали, обращаясь к камышам:

– Выйди только сюда, бездомный бродяга! Много вас теперь, бездельников, шатается! Все бегут, не хотят защищать родную землю. Изрубим тебя топорами, вор, разбойник, сунься только к нам!

Спитамен пробирался через высокие камыши, с трудом вытягивая ноги из топкой, вязкой земли. Он добрался до поляны. Это была бахча, на которой, прячась в пышной зелени, желтели дыни, поблескивали арбузы и большие изогнутые огурцы. Здесь он нашел сухую кочку, разостлал кожаный мешок и упал на него, потеряв последние силы.

Он лежал долго. Солнце перевалило за полдень. Спитамен протянул руку и взял зрелую дыню. Рассек ее мечом и выпил оранжевый сладкий сок. Он ел ее маленькими ломтиками и прислушивался к звукам окружающей чащи.

Гибкие камыши в два-три человеческих роста тихо шелестели, покачивая верхушками с пышными седьми кистями. От порывов ветра шелест усиливался, и из разных мест доносились звуки, точно множество людей собралось кругом и шептало неведомые слова.

Спитамен снял с себя шерстяной армяк, холщовую рубаху, кожаные штаны, истрепавшиеся мягкие сапоги, портянки и разложил их на земле. Он пролежал на солнце весь день, пока верхушки камышей не зачернели на багровом небе и с реки не повеяло холодом и туманом.

Силы восстанавливались. Он оделся, обошел поляну. В конце ее уходила в камыши едва заметная тропинка.

Где-то затрещало, послышалось чавканье. Спитамен спрятался за камыши. Сквозь сетку стеблей ему были видны грядки поляны.

Из камышей показалась фыркающая громадная голова кабана, вымазанная грязью. Белели изогнутые клыки. Хитрые злые глазки зорко смотрели по сторонам. Кабан сильно потянул воздух, затем уверенно и грузно вышел на поляну.

За ним стремительно выбежали несколько больших и маленьких свинок и остановились в ожидании. Кабан поднимал рыло, нюхал воздух. Щетина на хребте поднялась гребнем. Потом кабан успокоился, и щетина на спине улеглась. Он сильно стал взрывать мордой рыхлую сырую землю. Свины забегали по грядкам и, разевая длинные узкие морды, звонко раскалывали арбузы.

Спитамен стоял неподвижно: он знал, что кабан – самое бесстрашное животное и первым бросается туда, где ему почует опасность для стада.

Попортив много арбузов, свины успокоились и легли на бок, вытянув ноги. Один только секач грузно ходил по поляне, громко чавкая, иногда рывками взрывая землю. Вдруг кабан насторожился и тревожно хрюкнул.

Зашумели камыши, послышался треск сломанных стеблей. Все свины вскочили и запрыгали на месте, не зная, куда бежать. Из чащи вылетела могучим прыжком громадная туша, красная, с поперечными черными полосами, и обрушилась на одну свинью. Неистовый визг прорезал тишину вечера. Схватив свинью за загривок, зверь в несколько прыжков перелетел поляну и скрылся в камышах. Только длинный хвост и грязные задние лапы мелькнули на багровом небе.

Кабан и свины врассыпную бросились в другую сторону, ломая камыши. Одна свинья неслась мимо Спитамена. Метнув копьё, он пронзил ее насквозь. Она кувырнулась и, взвизгивая, забилась в топкой грязи.

Спитамен выдернул копьё, озираясь по сторонам. Но тигр не вернулся. Вдали раздавался еще треск ломавшихся стеблей, но вскоре все затихло.

Спитамен притащил тушу свиньи на поляну. Он рассек ее на части, вырезал почки и печенку и съел их теплыми.

Медлить было нельзя. Владьки камышей – тигр и кабан-секач – могли вернуться на место встречи. Спитамен направился по тропинке, оглядываясь и прислушиваясь, не хрустнет ли сзади него ветка под тяжелой лапой зверя.

Показался открытый берег, усеянный круглой галькой. Валялись обрывки гнилых сетей, куски разломанной лодки. Вода неслась стремительно, кружась в водоворотах, в которых толклись сучья, солома, арбузные корки.

Спитамен разделся, расправил мешок, вложил в него всю свою одежду и сапоги, надул мешок и затянул отверстие ременной петлей. Меч и копье привязал сверху.

Держа мешок перед собой, он вошел в воду. Скоро дно пропало под ногами и его понесло течением. Одной рукой он обхватил надутый мешок – турсук; свободной рукой и ногами он загребал, стремясь доплыть до противоположного берега. Ему казалось, что оба берега и камыши бурно уносились назад, а вода оставалась на месте. Медленно, но упорно черная голова продолжала пересекать широкую водную равнину и наконец стала приближаться к противоположному берегу. Ноги коснулись песчаной отмели. Берег был низменный и пустынный. Серые кулики перебежали по мокрому песку и, подхватываемые ветром, взлетали с жалобными криками.

Спитамен ползком пробрался по берегу к более высокому месту и сейчас же сполз обратно под откос. Здесь он развязал мешок и оделся. Все вещи были сухие.

Над берегом слышались голоса. Говорили двое.

– Князя потеряли голову. Все они делают точно для того, чтобы погубить народ.

– Каждый день наши воины проходят мимо.

– А какие воины – кто с топором, кто с колом, а кто и с голыми руками.

– Всех посылают в Бактру, а еды не дают. Каждый должен взять с собой из дому хлеба. Вот по пути они и бросаются на крестьянские огороды, рвут огурцы и арбузы, выкапывают морковь и репу.

– А что же нам останется? Они съедят все наши запасы.

– Говорят, что князя приказали сжечь все деревни, все запасы, весь хлеб – на семь дней пути...

Голоса удалились. Спитамен поднялся и увидел двух крестьян. Они шли, согнувшись под тяжестью мешков, и скрылись за песчаными холмами.

Спитамен шел целый день по раскаленному песку, и в лицо его непрерывно ударял пылью горячий порывистый ветер.

Долго тянулась пустынная равнина. Наконец Спитамен пересек большую дорогу. Там он попал в гущу ревущих верблюдов, бараньих стад, повозок и всадников.

От путников он узнал, что недавно в Бактру приехал сам новый царь царей Артаксеркс, раньше называвшийся «сатрап Бесс». С ним была тысяча всадников на прекраснейших лошадях. Сзади ехало столько же слуг. Они везли ковры и палатки и всякие походные вещи. Сто поваров сопровождали караван верблюдов, груженых котлами и большими кувшинами с маслом и вином.

К вечеру пришлось переправляться через бесчисленные каналы с мутной глинистой водой. Впереди горели красные огни; это был город Бактра, прозванный «матерью персидских городов».

Чем темнее становилась ночь, тем ярче вспыхивали кругом огни. Они загорались по всей равнине. Красные языки подымались к небу, и низкие облака окрасились в багровый цвет.

– Это войска царя царей варят себе обед, – говорили путники. – Здесь собралась тысяча тысяч воинов.

– Нет, это воины приносят жертвы добрым богам, – возражали другие. – Это для того,

чтобы великий Ахурамазда дал победу персидскому мечу.

Но огни становились слишком велики и тревожны.

Вдруг крик пробежал по всей дороге:

– Горят наши селения! Горят склады хлеба! Бесс приказал сжечь Бактриану! Проклятие могиле его отца!

– Мы все помрем с голоду! Кто накормит наших жен и детей?

Вся толпа, двигавшаяся по большой дороге, рассыпавшись, побежала. Одни бросились в город, толкая, давя друг друга. Другие повернули обратно, стремясь скорее вернуться в свои селения. Толпа потеряла рассудок. Пастухи, гнавшие баранов, растеряли их в темноте и давке. Всадники понеслись вскачь. Повозки катились в стороны и падали в канавы. Где-то громко звучали трубы, собирая воинов и усиливая тревогу.

Спитамен шел через рытвины рядом с большой дорогой и думал только о том, где бы ему поесть. В стороне он увидел коновязи и ряды костров. Около них сидели воины; отблески огней вспыхивали на медных пластинках их кожаных панцирей.

«Где много людей обедают, всегда найдется кусок для путника», – подумал Спитамен и подошел к одному из костров.

Сидевшие не обратили на него внимания, но один, стоявший в стороне, одетый как начальник, в бронзовом изрубленном шлеме, окликнул:

– Ты здесь чего побираешься, бродяга? Плети захотел?

– Я хочу быть воином.

– Воином? А ну-ка подойди ближе! Ты копьё бросать умеешь? А стрелять из лука? Отбивать удары мечом? – Железная рука схватила Спитамена за плечо и оцупала его мышцы. – Ты говоришь, что все это умеешь? Ладно. Как тебя зовут? Шеппе-Тэмен? Ты, верно, родом из дахов?

– Нет, согд.

– Ну, все равно! Ахурамазду почитаешь? Да? Хочешь всякой беды и пакости Ариману? Если все так, как ты говоришь, то отныне ты будешь нашим воином.

Начальник указал на большого рыжего коня, привязанного на приколе отдельно.

– Видишь этого коня? Его хозяин убит. После него остались этот конь и оружие. Ты все это получишь, но уплатишь справедливую цену брату покойника. Конечно, уплатишь не сейчас, а потом. Война кормит воина. Обдерешь одного-другого киликаса – вот и будут деньги. Живот тебе, верно, подвело, так садись к костру – там тебе дадут горсть пшена.

Но когда Спитамен подошел к костру, несколько голосов закричало:

– Это колдун! Он убил нашего сотника, вяжите его! Он может провалиться сквозь землю и обратиться в скорпиона! Смерть слуге Аримана!

Воины вскочили. Подошел начальник.

– Так это ты убил сотника? Правда ли, что ты колдун?

Расставив ноги, Спитамен стоял, озираясь, как волк, готовый сцепиться с нападающими собаками. Он схватил за горло одного воина и так отшвырнул его, что тот покатился.

– Да, я убил сотника, труса, боявшегося биться со мной один на один. Я задущу каждого, кто скажет, что я слуга Аримана. Да исчезнет он, и да будет всегда правда на земле!

– Не слушайте! Убить его, убить! – кричали воины.

– Тебя надо отвести к князю Сатибарзану, – сказал начальник. – Как он скажет, так и будет. Пойдем!

Сатибарзан, в малиновой шелковой рубашке, в зеленых замшевых шароварах и желтых сапогах, лежал на пестрой ковровой попоне. Возле него стояли бронзовое блюдо с виноградом и золотая скифская чаша с вином. Кругом сидели, поджав под себя ноги, несколько воинов и

слушали молодого певца. Он наигрывал на семиструнной арфе и пел о подвигах древних богатырей.

– Колдуна привели, вот он, колдун! – кричали воины.

– Тише, не мешайте слушать! – Красивое лицо Сатибарзана недовольно поморщилось. –

Тише, говорю я вам! – прикрикнул Сатибарзан.

Воины замолкли, но певец, видно, устал и тяжело переводил дыхание.

– Отдохни, Фирак, выпей вина. – Сатибарзан протянул певцу свою чашу. – Ну, говорите теперь, что это за человек.

– Он колдун. Связанный, скрылся в нору скорпиона, отрубил голову сотнику и улетел, как летучая мышь.

– Ха-ха! Вот это забавный человек, он мне нравится! – воскликнул Сатибарзан. – Давно я ищу такого человека, о котором говорят только в сказках. Ну, сядь рядом со мной. Или ты опять вспорхнешь сейчас летучей мышью? А вино ты пьешь?

– Из твоих рук выпью, – сказал Спитамен и опустился на ковер.

– Правду ли говорят воины? За что ты убил сотника?

– Я убил сотника потому, что он хотел убить меня. Разве я неправильно сделал?

– Постой, я тебя где-то видел. Припоминаю – не ты ли был в царском дворце вместе со скифом Будакемом и уверял, что бил плетью яванов?

– Да, ты меня видел в Мараканде.

– А ты сумеешь влезть в нору скорпиона?

– Для того чтобы поймать киликасов, я пролезу даже в нору очковой змеи.

– Воины! – воскликнул Сатибарзан. – Вот человек, который ищет драки с яванами, а не бежит от них. А вы хотите такого человека убить! С врагами вы или против них? Сотник умер, и пусть душа его счастливо доберется до шести потоков рая. А у нас новый товарищ, и мы скоро увидим, как он ведет себя в бою. Его зовут Левша-Колючка. Он левой рукой так же хорошо бьет, как правой, и, как скорпион, ужалит каждого, кто захочет сесть на него. Завтра мы двинемся искать киликасов и не будем больше валяться здесь, как шакалы, которым перешибли хребты.

– Живи, Сатибарзан! Веди нас в бой! – закричали воины.

Фирак поднялся и обратился к Спитамену:

– Постой! Ты не только Шеппе-Тэмен, но ты Спитамен, блистающий своей доблестью, как раскаленный уголь, летящий во мраке. Друзья, он подарил мне жизнь, когда злодеи бросили меня, связанного, в Башню молчания. – Фирак подошел и коснулся рукой Спитамена:

– Я целую край твоей одежды.

Воины сбегались со всех сторон и указывали на Спитамена:

– Вот этот человек все может сделать и ничего не боится.

– С таким богатырем не может быть неудачи.

Фирак повел Спитамена к костру. Все протягивали ему чаши с вином и растопленным коровьим маслом и старались коснуться рукой его левого плеча, чтобы получить от него часть чудодейственной силы.

Гибель Сатибарзана

На рассвете всадники ходили между конями, подвязывая им пестрые торбы с ячменем, затягивали широкими ремнями войлочные потники. Некоторые воины еще спали, и их кони, видя ячмень и не получая корма, рвались с привязей.

Сатибарзан, покрывшись белым шерстяным плащом, всю ночь пролежал, не закрывая глаз. Подперев рукой голову с растрепанными длинными кудрями, он глядел на равнину, где еще пылали дальние селения и черные полосы дыма, как смерчи, вились к небу, слабо относимые ветром.

– Пропала старая Персия, и нет нигде спасения, – шептал он.

К нему подошел молодой слуга и, блеснув зубами, насмешливо бросил:

– Царь царей... улепетывает!

Плащ отлетел в сторону. Сатибарзан вскочил. Слуга держал наготове панцирь и боевой шлем.

– Ты врешь! Раздавлю тебя!

– Гляди сам.

По большой дороге рысью двигалась густая вереница всадников. Топот тысяч ног гудел в тихом утреннем воздухе. Видны были начальники кухонь, палаток, обоза. Главный евнух трясся на разукрашенном муле. Вдали над толпой на длинном древке подымался золотой значок Артаксеркса.

Сатибарзан надел панцирь. Слуга затянул ремни, прицепил пояс с мечом, накинул полосатый плащ. Медленно подошел Сатибарзан к краю дороги. Оруженосец подъехал к нему, держа в поводу боевого коня с железной кольчужной сеткой на груди.

Золотистый конь с белой гривой («Подарок Будакена!» – вспомнил Сатибарзан) бежал по дороге крупной рысью, грызя удила, легко выбрасывая упругие ноги. Бесс сидел на нем, закутанный в пурпурный шерстяной плащ; видны были только черные сердитые глаза и нахмуренные брови.

Сатибарзан взял несколько крупинок земли, посыпал себе голову и низко наклонился, воздавая Бессу царские почести.

Бесс задержал коня и поднял руку. Отряд, загремев доспехами, остановился. Сатибарзан подошел к жеребцу, косившему черным глазом.

– Подойди ближе, – пробормотал Бесс. – Я узнал точно, что у македонца мало войска. Я хочу заманить его сюда и здесь прикончить. Я приказал сжечь все селения, все запасы на семь дней пути. До сих пор своими успехами хвастун Искандер был обязан только глупости царя Дария. Нужно завести наглого македонца в непроходимые леса, за глубокие реки, в большие горы, где грекам не только сопротивляться, но и убежать было бы некуда. Как ты думаешь?

– Я слуга твой и должен повиноваться, а не давать советы.

– Я решил отступить дальше, в Сугуду. Ко мне скоро придут хорезмийцы, дахи, саки, не считая других скифских племен, а скифы, живущие за Яксартом, настолько росли и сильны, что македонцы покажутся перед ними маленькими детьми. – Бесс наклонился к Сатибарзану и сказал шепотом: – Это для нас самое безопасное решение... В случае чего мы сможем убежать и скрыться у скифов.

– Я жду твоих повелений. – Голос Сатибарзана был холодный и равнодушный.

Бесс пристально посмотрел на воина; поняв, что тот скрывает свои мысли, нахмурился и сказал резким, надменным голосом:

– Итак, мы повелеваем: оставайся здесь, чтобы поддерживать порядок. Смотри, чтобы не

было резни и грабежей населения, а потом ты вернешься к нам в Сугуду последним.

– О величайший! – сказал Сатибарзан.

Его глаза смотрели в сторону, мимо Бесса, на спутников царя, откормленных пьяниц и льстецов, с которыми Бесс любил проводить пиры и вести «государственные беседы». Приближенные притихли, стараясь услышать разговор.

– Ну, что же дальше?

– Ни великая река, ни горы, ни пустыни не смогут спасти того, кто уходит с поля битвы. Твоей защитой может быть только острие твоего меча.

– Ты смеешь думать, что я не хочу боя с Двурогим?

– Знаешь, что говорят бактрийцы: «Не та собака сильно кусает, которая больше лает». И еще есть у них пословица: «Самые широкие и большие реки текут почти без всякого шума». Я отправлюсь искать македонцев.

Сатибарзан повернулся спиной к царю царей и, не оглядываясь, твердыми шагами пошел прочь.

Взбешенный Бесс искал рукоять меча, но молодой конь, почувствовав гнев седока, прыгнул вперед, чуть не сбросив Бесса.

Сатибарзан вскочил на рыжего жеребца и помчался к своему отряду. Всадники, ждавшие его сигнала, садились на коней и вереницей выезжали на дорогу, ведущую к Седым горам.

* * *

Отряд направился сперва на юг, потом на запад. Через несколько дней кони съели весь ячмень, взятый в Бактре. Отряд стал заезжать в селения и забирать хлеб, ячмень и муку. Везде запасов было много: в этих местах еще не свирепствовала война. Сатибарзан бросал крестьянам золото, но те говорили:

– Не надо нам золота. Лучше не берите у нас запасов. С чем мы останемся на зиму?

По вечерам на стоянках Сатибарзан расспрашивал Спитамена о дорогах, и они вместе обсуждали, как перерезать связь македонцев с их родиной и тыловыми частями. Спитамену была дана под начальство сотня всадников. Тут были и горные дахи в волчьих колпаках, со шкурами барсов на плечах, и бактрийцы в плетеных веревочных панцирях.

Спитамен со своей сотней ехал впереди, выбирая дорогу.

Но у того, кто одерживает победы, объявляется много новых друзей. Оплаченные лазутчики и добровольные перебежчики донесли македонскому царю, что большой персидский отряд появился у него в тылу и угрожает идущим из Экбатаны обозам.

Эстафетная почта, устроенная Александром по всем главным дорогам, спешно развезла его приказы гарнизонам, оставленным в захваченных по пути городах. Македонские отряды начали стягиваться навстречу отряду Сатибарзана.

Около города Артаксаны Сатибарзан наткнулся на македонскую конницу и позади нее увидел густую линию пехоты.

Бактрийские всадники вылетали вперед, гарцевали, задирая македонцев, которые перестраивались и выжидали момент, выгодный для боя. Сотня Спитамена обогнула македонский фланг и сбила нескольких отделившихся всадников.

Сатибарзан выехал вперед и вернул обратно бактрийцев, которые стреляли из луков в неподвижно стоявших врагов. Он снял шлем и громко вызывал охотника биться с ним на поединке. Волосы рассыпались по плечам, панцирь горел в лучах солнца. Его рыжий легкий жеребец как будто тоже был охвачен бешенством, вздымался на дыбы и метался перед рядами

врагов.

Тогда выехал вперед македонский начальник Эригий, закованный в бронзовые латы. Конь его был тяжелый, большой, с широкой грудью. Эригий помчался на Сатибарзана, готовясь свалить его. Сатибарзан метнул копье, которое сбило шлем македонца, и у него рассыпались по плечам седые волосы.

– Будем дальше драться! – закричал македонец. – В моих жилах течет молодая кровь.

Опытен и силен был македонец, и верен был полет копья его: острое стальное жало пробило горло Сатибарзана и вышло наружу. Сатибарзан упал, и рыжий жеребец его громадными прыжками понесся по равнине. Македонец задержал своего коня, выдернул копье и вторично хотел поразить Сатибарзана. Но тот привстал, крикнул: «Не хочу жить рабом!» – и, схватив руками конец копья, вдавил железо себе в грудь между сверкающими пластинками панциря.

Тогда вся конница македонцев перешла в наступление. Они неслись неудержимой лавиной, крепко держась один около другого, выставив вперед копья, образуя острый угол, стараясь расколоть бактрийцев пополам. Легкие бактрийские всадники понеслись врассыпную и быстро уходили от тяжелых македонских коней.

Сотня Спитамена наскочила на македонцев сбоку, сбила крайних всадников и повернула обратно.

Часть македонцев бросилась вдогонку. Спитамен скакал последним, задерживая коня и поворачиваясь, стрелял из лука. Несколько македонцев упали, другие начали отставать.

Внезапно всадники Спитамена повернули и снова напали на македонцев. Несколько мгновений продолжалась схватка. Снова бактрийцы понеслись прочь, а за ними на арканах волочились, ударяясь о неровную землю, полузадохшиеся македонские пленники.

Отряд Сатибарзана рассыпался по равнине. Часть была перебита, многие перебежали к македонцам, заявив, что отныне хотят служить царю Искандеру.

Македонцы прекратили преследование, боясь засады. Шагом возвращались они в лагерь, подбирая раненых и убитых, распевая хвалебные песни.

Начальник Эригий снял с мертвого Сатибарзана его боевые доспехи и заявил, что отвезет их в дар царю Александру.

К вечеру собралась только треть бактрийских всадников. Они подняли Спитамена на щите и назвали своим вождем.

Десятка два македонских пленных, сильно избитых в скачке, были связаны, тяжелораненые посажены на коней, и отряд двинулся обратно к реке Окс.

Бактрийцы спорили, хорошо ли сделал Сатибарзан, что один вступил в бой.

– Горе толкало его: он оплакивал гибель Персии!

– Его рука дрогнула, когда он увидел старика.

– Лучше, чтобы вытекла кровь, но сохранилась честь.

– Он сам искал аркан смерти.

– А что ты думаешь, Спитамен?

Наступала ночь. Триста всадников перекатывались через гряды скал. Красные отблески заката изредка вспыхивали на окровавленных панцирях, освещали лохматые шкуры, брошенные на плечи, и триста человек ждали, что скажет Спитамен.

И когда в глухом гуле сотен копыт резко прозвучал скрипучий голос Спитамена: «Точите ваши ножи на черном камне!..» – триста человек разом подхватили дикую песню и пели ее под храп, топот и ржание жеребцов, пока не погас закат...

Часть шестая

Двурогий наступает

В стране персов неприятели прогуливаются свободнее, чем свои люди.

Ксенофонт

Лазутчики донесли Александру, что вся Бактриана горит, что войска, собранные в Бактре и других пограничных городах, разбегаются спасать свои семьи. Один лазутчик, переходивший несколько раз горы под видом бродяги-атравана, клялся, что сам Бесс спешно бежал из Бактры вместе с отборными отрядами и, переправившись через великую реку Окс, приказал сжечь все перевозочные средства – лодки и паромы.

Никто не мог узнать планов базилевса. Казалось, что он решил навсегда остаться в Дрангиане. Он занят был постройкой города Александрии^[131] у подножия Паропамиса. Александр получил донесения, что часть македонских офицеров задумала свергнуть – убить его, избрав нового вождя войска. Александр перестал заботиться о городе и целый месяц свирепствовал, казня всех заподозренных в заговоре. Дождями размыло спешно выстроенные жилища.

Начальник конницы Филота, молочный брат, сверстник и друг царя, после жестоких пыток был передан сходу македонских воинов, которые побили его копьями и камнями. К отцу Филоты, Пармениону,^[132] базилевс отправил с письмом на быстроходных верблюдах трех преданных ему телохранителей, дав им личный приказ, сказанный на ухо.

Когда Парменион стал читать письмо Александра, гонцы, приблизившись сзади, пронзили старого полководца мечами.

Казнив множество близких ему людей, Александр этим не удовлетворился. Он объявил, что для лучшей связи с родиной им устроена эстафетная почта и все желающие могут послать письма домой. Но когда войско передало письма, все они были задержаны и прочитаны, и воины, выражавшие недовольство, были выделены в особый штрафной отряд, помещенный под наблюдением вне лагеря.

Этому отряду было объявлено, что в ближайших боях ему придется доказать верность, сражаясь в самых опасных местах.

Утолив немного свой гнев казнями и получив из Македонии несколько тысяч молодых солдат, базилевс решил, что недовольство подавлено и что войско снова беспрекословно исполнит его волю. Ранней весной, когда на горах еще лежал глубокий снег, а днем солнце уже разогревало замерзшую землю, однажды, на обычном вечернем пиру с начальниками частей и приближенными, Александр заявил, что на днях он снова двинется в поход.

– Куда? – воскликнули все.

– Отгадайте!

Все стали спорить. Одни высказывались за поход на Индию, другие – в Бактриану. Некоторые даже говорили, что царь достаточно расширил свои границы и двинется обратно через Кавказ к побережью Понта Эвксинского,^[133] чтобы, покорив там скифов, вернуться в Македонию новым путем и построить на родине столицу всемирного царства.

– Это я сделаю, когда дойду до конца земли, – сказал торжественно базилевс, – когда я воткну копьё на крайнем, восточном берегу омывающего землю моря, из которого ежедневно выезжает колесница блистающего Феба.

Все поняли, что Александр пойдет на восток, но каким путем – через Согдиану и Серику или через Индию, – никто угадать не мог. По рукам передавался большой круговой «кубок Геракла», и все пили за удачный поход.

Несколько дней Александр занимался гаданиями. Его придворный главный жрец давал неясные, неопределенные предсказания. Александр пошел в храм дрангианских жрецов-огнепоклонников. Они нарисовали священными мелками на полу круги, разделили каждый на

двенадцать отрезков и крутились, как волчки, пока не падали в судорогах, с пеной на губах.

Они кричали:

– Ты будешь бессмертен! О тебе написано в книгах Авесты! Ты пойдешь по всем землям и даже победишь подземных крылатых драконов, которые пожирают людей.

Из Артаксаны спешно приехал начальник конного отряда седовласый Эригий и привез латы персидского богатыря Сатибарзана. Эригий уверял, что принял поединок с ним, чтобы испытать, кто будет править миром – древняя Персия или молодая Македония. Хотя он годами был в два раза старше персидского богатыря, его рукой будто бы водила летавшая над ним богиня Афина Паллада, и он сам видел, как персидские боги, завертевшись, как клубок змей, покатались по земле, тогда все бактрийские всадники Сатибарзана, испугавшись, обратились в бегство.

Александр, довольный благоприятными предсказаниями, отдал приказ спешно двинуться через долину Панджир к самому восточному из семи горных проходов.^[134] В Дрангиане остались только небольшие гарнизоны для поддержания порядка. С Александром двинулось на север около двадцати тысяч пехоты и трех тысяч всадников. Длинный обоз запряженных верблюдами двухколесных повозок и вьючных животных с невыносимым скрипом, ревом и грохотом последовал за войском.

В день выступления солнце сияло на чистом небе. На горной вершине Солянг, близ прохода, в течение многих дней висела серая туча. Проводники говорили, что там в пещере живет колдунья старуха Оджуз. Пока туча дремлет на горе, старуха сердится – там свирепствуют горные метели и снегом завалены все дороги. Когда Оджуз улетит на туче, путники могут отправляться в путь. В день выступления туча поплыла на запад, и снег на вершинах гор ослепительно заблестал.

Александр ехал в широкой восточной одежде, в меховых штанах парачей,^[135] войлочных сапогах и черном бобровом плаще. Под ним играл крепкий конь, привыкший к горным тропинкам.

Вскоре дорога стала труднопроходимой: всюду лежал глубокий снег.

Базилевс приказал выгнать вперед рабов, чтобы они протаптывали дорогу. Пленные, захваченные в более теплых местах, оборванные и полуголые, быстро слабели, утопая в снегу. Упавших македонцы отбрасывали в сторону от дороги, и они замерзали. Взамен уставших из тыла высылались новые партии пленных. По пути на труднодоступных склонах гор лепились селения диких жителей. Их хижины были сложены из камней, суживаясь кверху. Посредине купола было отверстие для света и выхода дыма.

Македонцы и особенно греки, не привыкшие к сильным холодам, уже на следующий день стали приходить в отчаяние. Они грабили жителей, снимая с них меховые одежды, резали их баранов и заворачивали ноги в свежесодранные шкуры. Они забирались в хижины, чтобы отогреться, и только копьями можно было поднять их для дальнейшего пути.

Войско шло семнадцать дней, пока не перевалило хребет и не спустилось к бактрийским селениям с северной стороны хребта. За это время были съедены все запасы, выпито все вино и масло и перебита для еды половина вьючных животных.

В бактрийских селениях было найдено продовольствие, много скота и запасы зерна, скрытого в обложенных кирпичами ямах. Приказ Бесса о сжигании всех запасов еще не дошел сюда. Македонская армия, как бескрылая саранча, двигалась, пожирая все запасы по пути, отбирая коней, убивая скот и каждого, кто вступал в спор. Жители убегали, спасаясь от чужестранцев.

У подошвы горы, обильной ручьями, Александр выбрал место, подходящее для постройки

города.^[136] Он оставил там семь тысяч рабов и тех воинов, которых считал неспособными перенести трудности похода. Все земли бежавших жителей были отданы в их владение. Осиротевшие жены и дети попали в рабство новых поселенцев. Предоставив небольшой отдых войску, Александр двинулся дальше, не встречая никакого сопротивления.

Базилевс в Бактре

Александр приближался к Бактре. Несколько дней перед вступлением в столицу Бактрианы его армия отдыхала и отъедалась в окрестных селениях и по приказанию базилевса чистилась и приводила себя в порядок. Тяжелый переход через горы вывел многих из строя.

На холме перед въездом в городские ворота базилевс сделал остановку, пропуская мимо себя идущие в боевом порядке отряды. Обозы были оставлены в ближайших селениях. Только личный обоз царя и его походной канцелярии должен был проследовать в город в центральную цитадель, где раньше жил сатрап, правитель Бактрийской провинции.

Теплое весеннее утро, еще охваченные ночным морозом сухие дороги, бодрые песни сытых воинов и, наконец, величественный вид древнейшей персидской столицы, лежавшей покорно у ног завоевателя, – все это привело Александра в радостное настроение. Он сидел на своем старом, по-прежнему буйном вороном жеребце Буцефале, служившем исключительно для торжественных выездов. Жеребец, возбужденный множеством окружающих его коней, звонко ржал, бил передней ногой, грыз удила и натягивал широкий красный повод, сдерживаемый мускулистой рукой всадника.

С холма город казался бесконечным: желтые и красные кирпичные [\[137\]](#) домики тянулись во все стороны, окруженные небольшими садами. Среди домов подымались купола и башенки храмов; над ними вились сизые дымки – там горели священные неугасимые огни, зажженные много столетий назад предками бактров.

Базилевсу донесли, что в городе никаких враждебных войск нет, что совет белобородых старейшин решил встретить завоевателя за воротами города, покорно сдавшись на его милость.

– Эвмен! – обратился Александр к начальнику своей походной канцелярии. – Которую по числу столицу я беру?

– Ты взял их столько, что немудрено забыть! – воскликнул находившийся поблизости и не стеснявшийся лести Перитакена.

– Во всяком случае, не последнюю и даже не предпоследнюю, – ответил Эвмен.

– Впереди еще столица согдов – Мараканда и столица скифов – Роксонаки, – добавил Александр.

Въезжая в городские ворота, Александр остановился. Высокий, высохший, как скелет, старик с жесткой седой бородой, длинной, как хвост лошади, выскочил вперед. Он держал в руках старинные пергаментные свитки.

– Остановись, покоритель мира! Ты бессмертен! Выслушай, что говорят древние книги. Они всё знают. Они говорят о тебе! Они предсказали твой въезд в Бактру, хранительницу священного огня.

– Пусть говорит, – сказал базилевс, ожидая хвалебных слов.

– «Настанет день, когда небо померкнет от горя и деревья и травы завянут от смрада гниющих трупов... Придет Афрасиаб, кому бог зла Ариман дал бессмертие, чтобы он истребил все человечество...»

– Он безумный, прогоните его! – закричали кругом.

– А ты тоже бессмертный? – спросил Александр.

Он разгорался гневом. Его вороной жеребец заплясал.

– Я тоже бессмертен, но я знаю, как погубить тебя, чтобы спасти праведный народ Авесты. И когда ты умрешь, черви в три дня съедят твоё гнусное тело...

– В каких книгах написано твоё предсказание? – яростно прохрипел базилевс.

– Здесь, в священной книге праведного, блистающего мудростью Заратустры! – кричал

старик, потрясая свитками.

– Гефестион, я приказываю собрать все эти вредные, бессмысленные книги, о которых говорит этот враг здравого рассудка и чистой философии. Я приказываю сложить все книги в одно место, облить маслом и сжечь вместе с этим безумцем...

Александр хлестнул коня и, опрокинув старика, быстро въехал в ворота. Вопли старика заглушил топот копыт сотен всадников, следовавших вскачь за разъяренным базилевсом.

По обе стороны пути лежали на четвереньках знатные жители города и бесчисленные атраваны, встречавшие по персидскому обычаю своего нового повелителя. Они бросали горсти земли себе на голову и кричали:

– Слава и бессмертие сыну бога, царю царей!

* * *

Когда суеверный и подозрительный Александр вечером вошел в узкую длинную залу дворца сатрапа, где был приготовлен ужин, он спросил Гефестиона, сожжены ли священные книги.

– Я послал воинов по всем храмам собрать все рукописи и снести их на главную площадь. Они будут сожжены завтра.

– Нет, сегодня ночью!

– Но ты забыл, что здесь, в Бактре, живет много опытных, ученых лекарей, написавших ценные книги о врачевании людей.

– Хорошо, книги об излечении от болезней можно отобрать и все отослать в Афины, к моему учителю Аристотелю...

Вмешался и философ Каллисфен, постоянный спутник Александра:

– Великий царь, здесь есть не только бессмысленные книги о суевериях и обрядах варваров, не знающих истинных эллинских богов, но имеются также книги и летописи с описанием прошлого народов. Разве не ценны книги по истории?

Льстец Перитакена прервал:

– Ты забыл, Каллисфен, что настоящая история началась только с рождения бессмертного царя царей Александра. Поэтому сдвинем кубки, чтобы и дальше покрывал себя лаврами победы единственный, никем не превзойденный победитель и покоритель всего мира – царь Азии Александр.

Всю эту ночь на площади горели костры. На них было сожжено двенадцать тысяч выделанных воловьих шкур, на которых были написаны древнейшие сочинения бактрийских мудрецов и ученых. С ними сгорел старый безумец Атраван, выкрикивавший заклинания, чтобы погубить «слугу Аримана – злодея Искендера».

Переправа через Окс

Когда разведчики македонской армии пробрались к берегам реки Окс, они увидели на месте переправы только растрепанные шалаши из плетенок и не нашли ни одной лодки. Они вытащили из оврага полуголого старика в синих шароварах. Он кричал и бранился, что бродяги, не уплатившие за переезд, захватили его лодки и угнали их на ту сторону. Мимо разведчиков, недалеко от берега, стремительно пролетела черная лодка, нагруженная людьми и лошадьми. Македонцы кричали, чтобы те пристали к берегу, и пустили в них стрелы, но лодка быстро удалилась, направляясь к другому берегу.

Александр вышел из Бактры со всеми боевыми предосторожностями, высылая по сторонам пути конных и пеших разведчиков. Он опасался засады и внезапного нападения бактрийской конницы, издревле прославленной в персидских войнах бесстрашием и лихими налетами.

Получив известие, что на берегу реки нет признаков неприятеля, Александр быстро прибыл к месту переправы и приказал развести на холме костры, чтобы уставшие, растянувшиеся по песчаной дороге отряды ободрились, видя, что им уже недалеко до лагеря.

Базилевс, поднявшись на холм на вороном коне, блистая начищенными бронзовыми латами, с красным плащом за плечами, долго вырисовывался на потухающем небе, освещенный заревом костров. Он выжидал, пока самые задние части армии не вошли в лагерь, где рабы уже растягивали кожаные палатки. Александр сам объехал место стоянки, выслал кругом сторожевые посты и только поздно ночью вошел в свой пурпурный, шитый золотом шатер, отобранный у царя Дария. Всю ночь он требовал к себе начальников отрядов, совещался с ними, сам допрашивал лазутчиков.

На рассвете конные отряды помчались обратно в Бактру и в ближайšie поселки. К полудню стали прибывать вереницы бактрийских поселян. Они везли на верблюдах и ослах груды шестов, досок и кожаных турсуков, в которых обычно хранилось вино. Бактрийцы, подгоняемые бичами и обещаниями награды, быстро стали связывать небольшие плоты^[138] из надутых воздухом турсуков, покрывая их хвостом и циновками.

Эти маленькие плоты соединялись по нескольку вместе. На них расположились стрелки, пращники и щитоносцы. Бактрийские крестьяне должны были грести и управлять плотами.

Завернувшись в алый плащ, Александр сидел около шатра на складном кресле и наблюдал, как плоты отделились от берега и понеслись по реке. На другой стороне реки смутно виднелись небольшие группы быстро передвигавшихся всадников.

Александр вставал, ходил взад и вперед по холму, ожидая первых результатов переправы. Но вскоре раздались крики:

– Плывут обратно!

Плоты спускались сверху, куда их подтянули против течения бечевой. На первом плоту выделялись яркими, нарядными одеждами несколько персов. Перевозчики старательно гребли короткими веслами и пристали около лагеря. Несколько персов, завернув платье выше пояса, выпрыгнули с плотов прямо в воду и поспешно направились к базилевсу. Упав на колени, персы прокричали приветствия и протянули Александру пергаментный свиток. Эвмен, начальник канцелярии, взял свиток и прочел вслух Александру:

– «Мы, Датаферн и Катен, потомственные владельные князья Сугуды, извещаем блистательного царя царей, владыку Персии Александра, что мы можем передать ему из рук в руки живым цареубийцу, злодея, наглого захватчика царской короны Бесса, если только Александр пришлет в город Наутаку^[139] кого-либо из своих вождей с некоторым числом войска. Живи и царствуй много лет!»

Александр вскочил, схватил свиток и быстро прошел в свой шатер. Там он, обращаясь к небу, воскликнул:

– О бессмертный Зевс, властитель судьбы людей! Ты действительно следишь за подвигами твоего сына и убираешь камни с пути его славы. Я обещаю принести в жертву сто быков и построить по всей Персии сто храмов, чтобы и днем и ночью славилось твое имя.

Несколько македонских начальников вошли в палатку и выстроились при входе в ряд. Александр оторвался от карты, лежавшей на коленях, и обвел внимательным взглядом своих запыленных, обожженных солнцем помощников.

– Птоломей, сын Лага, – обратился базилевс к коренастому, мускулисту македонцу с суровым, окаменевшим лицом. – Я тебе поручаю дело, которое могу доверить только очень близкому другу. Если ты его выполнишь, то покроешь себя бессмертной славой. Ты отправишься вперед по враждебной стране в город Наутаку. Там ты захватишь цареубийцу Бесса и живым доставишь его ко мне. Я дам в твое распоряжение три гиппархии ^[140] македонских этэров, всех конных копьеносцев, тысячу щитоносцев и половину стрелков. До Наутаки обычно идут десять дневных переходов, но ты должен сделать путь в четыре дня. Бойся засады и ловушки и не доверяй обещаниям персов! Я буду следовать за тобой со всей остальной армией. Да хранят тебя Геракл и бессмертные боги!

– Но где главные силы Бесса? Где можно ожидать битвы?

Александр указал рукою вдаль:

– Орлы, летающие над горами, да всевидящее око солнца могут сказать это.

Гефестион, побывавший на той стороне с первыми плотами, заметил:

– Главные силы Бесса, наверное, собрались в кулак где-нибудь на главной дороге, в глубине Согдианы. Мы видели на том берегу только группы отдельных всадников. Все они ушли, как только наши стрелки стали их сбивать стрелами. Поднявшись на холмы, они оттуда следили за нами и потом скрылись.

– Они нарочно нас заманивают в глубь Согдианы, – сказал базилевс. – Там имеется страшное ущелье – Железные ворота, где можно скатывать с гор камни и перебить любое войско, которое захочет пройти этой тесниной. Но нам помогает сам Зевс Громовержец. Что же может остановить нас?

Будакен в Наутаке

Будакен, не замечая времени, проводил беспечно день за днем в саду Талиссия, ведя лукавые, осторожные разговоры с согдскими князьями и персидскими сановниками, приходившими выразить свое восхищение его силой и «ста одиннадцатью добродетелями».

Три зимних месяца Будакен провел в Мараканде гостем царя царей. Они часто вместе ездили на охоту в заповедный зверинец, окруженный высокой стеной. Там на свободе жили звери, привезенные со всех концов Персии: желтые косматые львы, пятнистые пантеры и полосатые тигры. Рабы криками и ударами в медные щиты выгоняли зверей на линию охотников, которые между собой соперничали в отваге, ловкости и умении метать копьё.

Празднества не прекращались; Бесс с Будакеном ездили в усадьбы князей, где устраивались роскошные пиры и охота с соколами и борзыми.

Однажды к Будакену прибыл вестник от Сатибарзана – сказать, что он уезжает по поручению царя царей. Ему перестали присылать из царской кухни большие блюда с жареной бараниной и курами, начиненными абрикосами.

Приставленный к нему переводчик объяснил, что царь внезапно выехал в Бактру. Будакен подумал, не вернуться ли ему обратно в родные степи, но он все еще надеялся найти способ помочь Сколоту. Его проводник Спитамен исчез, и никто не знал, что с ним. Будакен выжидал. Его воины ничего не делали, валялись на коврах и пели песни.

Не зная, чем заняться, Будакен каждый день стал разъезжать по городу, а под вечер ходил на площадь в центре базара, когда там затихала торговля, темнело и начинались представления. Он втискивался с двумя скифами в густую кричавшую толпу, расталкивал встречных, пробирался в самую середину площади.

Будакена пропускали на почетное место, и он сидел на деревянных нарах под кирпичными сводами среди самых известных купцов. В темноте горели глиняные плошки с маслом и сальные свечи, прилепленные к выступам стен. Грызья фисташки и миндаль, он смотрел, как на подмостках пляшут мальчики, извиваются, как змеи, артисты, вымазанные мукой и сажей, подбрасывают и ловят сразу несколько горящих факелов и глотают и изрыгают горящую паклю.

Через несколько дней приехал гонец от Датаферна, хранителя царской печати. Он передал Будакену приглашение царя прибыть к нему для важных переговоров в Бактру. Будакен, довольный, что он увидит еще одну столицу и будет ему о чем рассказать в степи, немедленно поднял своих скифов и отправился в путь.

Он ехал мимо тщательно возделанных полей, бесконечных садов и виноградников, где ни один клочок земли не оставался необработанным. Привыкший к бесконечным песчаным или каменистым степям, Будакен поражался роскошью зелени встречавшихся долин. Фруктовые сады, осыпанные, как снегом, белыми и розовыми цветами, сменялись нивами, где зеленели первые всходы. Горные обильные ручьи и арыки, орошавшие пашни и сады, приносили жизнь и плодородие бесчисленному населению, которое, как муравьи, трудилось на полях: одни пахали на быках, другие кирками разрыхляли землю. Длинные караваны из сотен вьючных животных тянулись по дороге, направляясь к Наутаке: там, говорили, царь решил сделать свою новую столицу и приказал отовсюду свозить и хлеб, и розовую горную соль, и хлопок, и зынгыр, [\[141\]](#) и кожи, чтобы прокормить и одеть войско, которое готовилось к борьбе с заморскими хищниками.

– Отсюда можно хорошо править Сугудой и не бояться врагов, – сказал Будакен, увидев с перевала город, обнесенный тремя линиями зубчатых стен.

– Конечно, можно бы, – подтвердил провожатый, – но только в том случае, если бы князья

меньше ели и перестали без конца обнимать глиняные кувшины со столетним вином.

Посреди города возвышалась угрюмая цитадель с несколькими круглыми башнями. Домики, рассыпанные вокруг цитадели, утопали в садах, цветущих белоснежным урюком и розовым миндалем.

Будакен проехал через речку по деревянному мосту и попал в шумную толпу. Широкое поле, где раньше были виноградники и арбузные бахчи, было истоптано бесчисленными группами крестьян, прибывших со всех концов Бактры и Сугуды. Они сидели и лежали вокруг дымящихся костров, бродили по всем направлениям, несли вязанки хвороста, колючек и репейника или тащили за рога упирающихся козлов и баранов.

По дорогам военные патрули опрашивали шедших: некоторых пропускали, других прогоняли обратно.

– Это славное войско царя. Только оружия пока нет, – объяснял проводник.

«И порядка тоже...» – подумал Будакен.

Близ городских ворот возвышались высокие кладки набитых зерном мешков. Пришедший караван верблюдов разгружал привезенный ячмень, высыпая его из мешков прямо на землю. Около него происходила свалка: несколько воинов колотили плетью толпу, которая напирала с криками: «Хлеба, хлеба!»

– Но ведь хлеба довольно? – спросил Будакен.

– Каждый день приходит тысяча верблюдов с хлебом, но и людей сколько! Пекари не успевают печь, и голодные люди кормятся только пшеницей, поджаренной на раскаленных камнях.

Они въехали в ворота. Несколько часовых схватили коней под уздцы, расспрашивая, кто едет, давно ли из Мараканды и правда ли, что Двурогий прилетал туда в виде змея с гребнем на спине, кружил над городом и улетел в горы.

Будакен ехал вдоль улицы, казавшейся одной непрерывной мастерской. По обе стороны полуголые кузнецы колотили молотками, выделывая наконечники копий и мечи. Пыхтели кожанные мехи, раздувая горны; яркие искры летели под ударами молотов. Стон, лязг и грохот металла звучал несмолкаемым гулом.

Всадник на высоком тощем жеребце с большим персидским луком на боку приблизился к Будакену. С удивлением Будакен узнал в нем Спитамена. Охотник, глядя в сторону, перегнулся с коня и шепнул по-сакски:

– Если ты хочешь вернуться и увидеть родные степи, не расставайся со мной. – Он оглянулся кругом и добавил: – Может быть, ты увидишь также своего сына.

Будакен, всегда невозмутимый, теперь вспыхнул надеждой. Лицо его исказилось. Он ухватился сильной рукой за плечо Спитамена и, задыхаясь, зашептал:

– Где он? Здесь? В этом городе?

Спитамен указал на оружейников и небрежно ответил:

– Здесь базар. Может быть, ты купишь хороший новый меч? Это все искусные мастера. Смотри, как они ловко закаляют сталь.

Около них кузнец держал большими щипцами раскаленное добела лезвие меча и разом окунул его в глиняную бадью с маслом; оттуда вырвался вихрь пламени и черного дыма. Два раба прикрыли бадью глиняной крышкой и затушили пламя. Кузнец осматривал потемневшее, переливающееся лиловыми пятнами лезвие.

– Мы встретимся на площади перед воротами, ведущими ко дворцу Бесса, сегодня при заходе солнца. – Спитамен тронул коня, и толпа их разделила.

Перед заходом солнца Будакен подъехал к воротам, ведущим ко дворцу.

Старый крестьянин подошел к нему и, сложив руки на груди, поклонился:

– Спитамен ждет тебя. Следуй за мной.

Будакен направил коня за стариком, который лавировал в толпе и кричал встречным:

– Дайте дорогу гостеприимцу^[142] царскому!

Толпа расступилась, громко высказываясь о росте, красоте коня и странной для них одежде сакского князя.

Крестьянин пробирался извилистыми узкими улицами, прошел городские ворота и, перескочив канавку, направился через поле, где горели костры призванных на войну. За Будакеном следовали два конных скифа.

Они прибыли к маленькому дому, окруженному садом. Кругом него на приколах стояли навьюченные кони, и вдоль глиняного забора лежали люди. К стене были прислонены копья и топоры.

Крестьянин взял за узды коня Будакена и пригласил его сойти. Он впустил Будакена внутрь сада, захлопнув калитку перед носом скифов.

Под старым деревом, обвитым до самой вершины стеблями виноградной лозы, на коврике сидели Спитамен и с ним несколько человек. Будакен узнал сторожа Кукея с пробитым носом, из которого торчал клочок хлопка.

Спитамен вскочил и направился к гостю:

– Садись сюда, дорогой гость, я буду говорить с тобой, как с родным дядей.

По знаку Спитамена все собеседники встали и ушли внутрь дома. Крестьянин принес на глиняном блюде несколько лепешек и гроздей увядшего, повисевшего всю зиму винограда. Спитамен помолчал и скопил глаза.

– Если ты не хочешь сделаться македонским рабом, ты должен уехать из этого города. Бесс потерял разум, коснувшись царской тиары и сев на большого коня, которым не может управлять. Все, что делает Бесс, только помогает Двурогому. Он призвал народ защищать страну, но сам сидит во дворце и пирует с блюдолизмами, а воины не получают хлеба и не знают, кто их поведет на бой. Они разбегаются по домам. Бесс обратил наших богатырей, наших львов в стадо баранов. Войско Бесса теперь – это сырое тесто, которое нож Двурогого может резать и кромсать, как он хочет.

Будакен смотрел на Спитамена пристальным, недоверчивым взглядом: «Не изменил ли он? Не лазутчик ли Двурогого? Почему он так его восхваляет?»

– Бесс прибежал сюда обратно из Бактры без надобности, уведя войска и всполошив всех. Он ищет врагов вокруг себя и не знает, что главные его враги – он сам и его князья.

– Что же надо делать? – спросил невозмутимо Будакен.

– Тебе – ехать в свои степи и готовить отряды всадников. Ты увидишь, что ненасытный в крови Двурогий захочет пройти и туда и показать, что нет преграды для его копья.

– Пусть сунется к нам... – проворчал Будакен. – Куруш тоже был у нас и потерял голову. А что же ты будешь делать? Ты упадешь в прах перед Двурогим?

Спитамен почувствовал насмешку в словах Будакена.

– Тот, кто не хочет чужеземного ига, должен взять секиру и сбить врагу рога. У кого в груди бьется свободное сердце, а не звенит потасканная иноземная монета, не допустит, чтобы македонцы и яваны захватывали наши дома, убивали мужчин и обращали в рабство наших жен и детей. Бактрийцы не подняли вовремя меча в ущельях гор – и они уже бегут оттуда от

македонских плетей и собираются в горах, чтобы резать македонцев на всех дорогах. Но теперь поздно, когда яваны уже сидят в бактрийских домах.

– Ты думаешь, что он и к нам придет?

– Он придет туда, где мужчины упадут перед ним на брюхо и будут просить пощады. Но есть мужчины с львиным сердцем, которые хотят драться. Смотри, сколько молодцов собралось здесь! Нас уже несколько сот человек, и каждый день приходят новые отчаянные головы.

Будакен молчал. Ему представился его сын в цепях, идущий за македонской повозкой.

– Ты сказал, что я могу увидеть сына?

– Если перед тем, как вернуться в степи, последуешь за мной. Наш отряд уйдет в горы ловить македонцев, когда они начнут наступать сюда... А мы с тобой пойдем навстречу Двуроугому.

– Ты обезумел?

– Почему? Ты оденешься бедным пастухом, я – тоже. Мы погоним десятка два баранов прямо в македонский лагерь, и там ты увидишь своего сына. Теперь, в дороге, ему убежать легче. Может быть, мы сумеем освободить его. Я пойду, а ты делай как хочешь.

– Я пойду с тобой.

– Я ожидал, что ты так скажешь. У меня есть одежда крестьянина, большая, как конская попона, и сегодня же мы выйдем по дороге к реке. А своих воинов отправь с конями в Курешату, и пусть там ждут тебя. Ты вернешься горами и там найдешь их.

– Теперь мне будет о чем рассказать в степи, – сказал Будакен, – если только я принесу целой мою голову.

Железные ворота

Два путника брели по горной тропинке. По одежде они казались поселянами: шерстяные армяки, выцветшие желтые повязки и поверх цветных онучей кожаные лапти. Они гнали толстокожего старого осла, навьюченного мешками, и десяток курдючных овец, хватавших на ходу редкие кустики полыни и солодки.

Дорога все поднималась. По склонам гор рассыпались группы мелколистного клена, арчи и фисташек.

На перевале одиноко взгромоздилась пятисотлетняя развесистая арча. Ее корявые ветви с темно-зелеными клочьями хвои искривленно растопырились во все стороны, и ветер играл цветными лоскутками, которые нацепили неведомые прохожие.

От каменистой дороги и голых скал веяло палящим зноем. Один путник, большой и грузный, как медведь, опустился на камни под арчей, другой поднялся на выступ скалы. Солнце уже спускалось к зубчатым, рваным вершинам гор, и снежные полосы по глубоким трещинам казались кровавыми потоками. Даль закутывалась в фиолетовый туман.

– Теперь мы близко. Вот там, где эти черные скалы, находятся Железные ворота.

– О Левша, зачем я послушался тебя! – стонал лежавший. – Три двенадцатилетия протекли с тех пор, как я мог пешком, точно волк, гоняться за козами. Теперь я из одной своей юрты в другую езжу верхом. О Папай, дай мне снова скорей сесть на коня!

– Ойе! – донесся издали крик.

Внизу на склоне горы крестьянин, держа рукоятку омача, шел за маленькой коровенкой и ослом. Крестьянин посматривал в сторону путников и что-то кричал им. Дойдя до конца узкой извилистой запашки, он выдернул омач и, легко прыгая с камня на камень, стал подниматься вверх.

Завернутый в обрывки истлевшей овчины молодой пахарь с добродушной улыбкой подошел к путникам:

– Куда вас ноги несут? Жизнь вам не мила? Теперь все бегут оттуда, от Большой реки.

– Зачем же они бегут?

– Зачем бегут? Конечно, надо сидеть на своей земле и сеять хлеб. – Крестьянин посмотрел на свои узловатые, корявые пальцы. – Я нашел себе место, во какое! Хороший ячмень будет. А по мне, пустяки, что там воюют. Эта война, как буря с градом, пронесется мимо, и опять солнце будет светить нам, пахарям.

– Значит, дело есть, если мы сами лезем в костер.

– А вы останьтесь здесь со мной. Я вам покажу землю, да еще какую жирную – прямо целина, от века никто ее не пахал. А вашего осла мы припряжем к моей скотине, да и вы оба поможете тянуть омач. Вот мы и вспашем новый участок и к осени будем с хлебом.

– А до Железных ворот еще далеко?

– Они начинаются сейчас же за тем перевалом. Там всегда была застава. Если сторожа еще там и вас не пропустят, то можно пройти кругом козьими тропками. Там проберутся и бараны, и ваш осел.

– А ты бы мог нас провести этими тропками?

– Отчего бы нет! Только сейчас не могу: у меня размыло канаву. Надо ее починить: вода идет мимо пашни. Если вы мне поможете поправить канаву, я завтра же вас проведу.

– Ладно, – сказали путники. – Мы тебе поможем сегодня, а ты нам завтра.

Крестьянин поднял прилегших в тени овец, и все осторожно начали спускаться по склону горы.

Они упорно весь вечер работали над канавой, проведенной вдоль ската горы из ручья. Они закладывали края канавы камнями, хворостом и дерном, чтобы ввести воду ручья в нужное им русло. В этой работе они забыли и войну, и страшного Двурогого, занятые одной только мыслью, чтобы вода им покорила и перестала размывать потоками каменистый скат.

К ночи крестьянин привел обоих путников к своей хижине. Она была очень мала, сложена из камней, с плоской крышей, заваленной хворостом. Внутри почерневшие от копоти стены блестели, как каменный уголь. В трещинах ждали добычи громадные бурые тараканы и бесчисленные тощие клопы.

Оба гостя легли снаружи на войлоке, развесив на шесте мокрую одежду.

Маленькая подвижная жена крестьянина, с длинным носом и любопытными блестящими глазами, принесла горшок с вареной джугарой и вяленые бураки.

Когда совсем стемнело и шакалы запели свои тягучие молитвы, вдали запылали красные огни. Они усиливались, и багровый дым столбом поднимался к небу.

– Это же горит наше селение Чакчак! – закричал крестьянин. – Это солома горит, зерно горит! Шерстью запахло. Это крестьянский скот горит. Горе всем нам!..

* * *

– Здесь царство злого Аримана. Куда мы идем? – оглядываясь, громко говорил Будакен.

Красные скалы острыми зубцами поднимались кругом, и среди них резко выделялись снежные белые купола, ^[143] точно слепленные руками таинственных дивов.

Дорога, шедшая по песчаному дну мелкого ручья, то поднималась к обрывистому карнизу, лепилась по склону горы, то снова опускалась на дно ручья, пока ее не перегородил поперечный скалистый хребет.

– Где же дорога дальше?

– Вот там, где гора треснула. – Крестьянин указал на узкую щель в высокой черной скале, точно кто-то мечом рассек ее на две части.

Путники вошли в мрачный извилистый коридор. Глыбы черного камня нависли над ними, готовые рухнуть и раздавить их. Было темно и сыро.

Щель была шириною около пяти-шести шагов. Она то расширялась, то опять суживалась.

– Пойдите, дальше идти не надо, – прогудел Будакен.

«...надо!» – повторило эхо.

Все остановились. Ни одного звука не доносилось из глубины ущелья.

– Разве не весело побывать в аду? – сказал Спитамен. – Не бойся, я же обещал тебя вывести из ада, и даже незакопченным...

– Но отчего такая тишина? – говорил крестьянин, прислушиваясь. – Здесь всегда шум, крики, режут ослы, проходят караваны... Где же люди? Сейчас будут Железные ворота, идем дальше.

Овцы опять застучали копытцами по камням. Будакен, переваливаясь и сопя, шагал, со страхом глядя на множество маленьких пещер, выбитых в отвесных скалах. «Это жилища злых духов», – думал он.

Впереди проход загородили большие темные ворота, сложенные из массивных бревен, обитых железом. Здесь скалы сходились так тесно, что маленькая кучка воинов смогла бы удержать целое войско. Старые тяжелые ворота, прикрепленные к тяжелой каменной кладке, стояли полураскрытыми. Стоявшие вдоль прохода три домика были безмолвны, двери вырваны; валялись корзины, солома, разбитые черепки. Все говорило о безлюдье и поспешном бегстве.

– В этих домах жили сторожа, они собирали пошлину с проходящих караванов. Но все они испугались и убежали. А чего бояться? Мы, крестьяне, боимся только неурожая. А кто будет сидеть у нас на шее, согдский князь или бактрийский, – не все ли равно?

– Переждем немного, – предложил Будакен.

Он подошел к воротам, тронул одну створку – она издала хриплый стон, и зазвенели подвешенные на проволоке железные колокольчики.

– Тише, едут!

Издали послышался шум. Он усиливался, наполняя гулом ущелье. Пощелкивали удары копыт о камни, звенело оружие. Все покрыло звонкое ржание коня.

Из-за поворота извилистого ущелья вылетело несколько всадников.

Их бронзовые панцири, длинные копья, красные плащи и конские хвосты на гребнях шлемов – все это было чуждо и не похоже на бактрийских и согдских воинов. Всадники бросились вперед вскачь, влетели в ворота и остановились.

Из глубины ущелья появились новые группы воинов.

Бараны шарахнулись в сторону и с блеянием сбились в одну кучу.

Первые всадники объехали домики и вернулись к воротам.

– Кто ты такой? – спросил Спитамена рыжебородый обветренный всадник, напирая на него большим тощим конем.

Спитамен сложил руки на груди, подражая жестам крестьян, и с видом скромной покорности ответил:

– Ищущий хлеба. Гоним продавать баранов.

– А кто эти люди?

– Крестьяне. Мы идем вместе.

– Где сторожа Железных ворот? Почему никого нет?

– Откуда мы знаем! Мы идем этой дорогой в Чакчак и остановились спросить, кому же надо заплатить за перегон баранов через ворота. Если мы не уплатим царской пошлины, нас накажут.

– Платите мне! Я возьму вместо пошлины половину баранов, а другую половину я тоже возьму.

– Даром я не отдам баранов: я бедный человек, – сказал Спитамен.

– А ты кто? – спросил всадник, хлопнув плетью по плечу Будакена.

– Тоже крестьянин. Половина баранов его, половина моя. Я тоже ищу хлеба.

Всадник отстегнул от пояса кошель и достал серебряную монету.

– Возьмите и никуда не отходите.

Будакен держал на широкой ладони монету и с любопытством ее рассматривал. На ней была изображена голова кудрявого юноши, прикрытая шкурой. На виске завивался бараний рог.

– Это кто же здесь изображен?

– Ты должен отныне знать его. Это царь Азии Александр. Он сын бога, и все должны ему поклониться. Эй, Архелай, возьми-ка этих бродяг, свяжи их вместе.

Македонские всадники, как только соскочили с коней, повалились на камни, не снимая лат, замотали поводья на руку и заснули вповалку.

Около ворот, на выступе скалы, застыл в неподвижной позе часовой. Тут же сидели спиной друг к другу оба «бродяги». Их локти были крепко скручены.

– Это ты, злодей, привел меня сюда! – шипел Будакен.

– Не торопись умирать: песня Спитамена еще не допета. А наш крестьянин-то убежал. Лишь только показались всадники, он разом повернулся и так понесся по дороге, что только пятки замелькали.

– Не разговаривайте! – прикрикнул часовой.

Месть царей

Начальник отряда приказал пяти всадникам отправиться дальше на разведку. Сам он сидел на камне и, положив кусок пергамента на колено, писал:

«Птоломей, сын Лага, царю Азии Александру, сыну Филиппа (желает) радоваться. С передовым отрядом в сто всадников мы ворвались в ущелье, называемое Железные ворота. Наша стремительность и величие твоего имени, которое летит впереди твоих войск, обратили в бегство всех бесчисленных защитников непроходимого ущелья. Я захватил в стычке множество пленных. Их показания сообщу со следующим гонцом. После краткого отдыха отправлюсь дальше, по главному пути к Наутаке. Приезжай скорее, по-видимому, путь свободен. Да хранит тебя Зевс Вседержитель!»

Птоломей свернул пергамент, завязал шнурком. Размяв в руке кусок воска, он прилепил его к концам шнурка и придавил перстнем с вырезанным на нем изображением Афины Паллады. Подошел воин с исхудавшим, потемневшим лицом. Птоломей бросил письмо на землю в знак того, что оно должно быть доставлено немедленно. Воин положил свиток в кожаный шлем и, надвинув его на лоб, застегнул ремень под подбородком. Он вскачь пустился по ущелью, и эхо раскатилось сухим грохотом, повторяя удары копыт.

Спитамен был привязан к широкой спине скифского князя, который дремал и покачивался, пока не свалился на бок, потянув за собой и Спитамена.

«Сон утешает в горести и дает силы уставшему», – сказал себе Спитамен, лежа на боку и чувствуя, как немеют руки, как мучительно впились в тело веревки. Голова, наливаясь кровью, свесилась набок. Спитамен заснул. Ему снились облака, обросшие рыжеватой бородой. Эти облака обратились в громадные головы в бронзовых македонских шлемах, у них разевались рты, и туда неслись, выставив вперед копья, скифские всадники...

Шум в ущелье заставил Спитамена очнуться.

На дороге стояло несколько знатных персов. Лучи солнца, упавшие сверху в темное ущелье, ярко осветили края длинной малиновой одежды.

Спитамен узнал приближенных Бесса, неотлучно окружавших его во всех пирах и поездках. Это был старый, толстый Датаферн, с бритыми щеками и выкрашенной хною бородой, и наглый всесильный любимец царя Катен, молодой, непобедимый в пьянстве.

В стороне слуги держали разукрашенных коней. Но куда же девались прежняя заносчивость и высокомерие знатных сановников? Заискивающие и почтительные, стояли они перед начальником македонского отряда, приседали и касались концами пальцев земли.

В стороне от них стоял высокий человек, весь до глаз закутанный в шерстяной пурпурный плащ. Обыкновенный персидский войлочный колпак был надвинут на лоб до разрисованных удлинённых бровей. Черные глаза внимательно и беспокойно следили за говорившими.

Птоломей, вытянувшись по-военному, с непроницаемым холодным лицом, говорил:

– Я уже сказал вам требование царя. Вы должны не забывать своих персидских законов. Если царь что-либо сказал, то потом он своих решений не отменяет. Поэтому поторопитесь исполнить его волю.

– Слушаем, светлейший! Понимаем, величайший! Будет так сделано, о необычайный!

Сановники несколько раз поклонились Птоломею и затем набросились на одиноко стоящего высокого человека. Он сопротивлялся, отталкивал персов ногами и кричал тонким голосом. Тогда персы подождали на помощь слуг и содрали с высокого человека плащ, длинную одежду и широкие шелковые шаровары.

Это был Бесс.

Он остался голым, в одних расшитых жемчугом красных сандалиях и войлочном колпаке.

– Пусть стоит здесь, – указал Птоломей на широкий камень под черной скалой, – а вы будете стоять рядом.

Из глубины ущелья донеслись трубные звуки. Лежавшие воины вскочили, стали оправлять на себе доспехи и выстроились в ровную линию.

Сперва показались македонские этэры в блестящих медных латах. Они держали копья стоймя и ехали по трое в ряд. За ними тройка белых коней с красными перьями между ушами везла маленькую двухколесную с бронзовыми ободьями раззолоченную колесницу. Колесница подпрыгивала на неровной дороге. Лошадьми правил возница-эфиоп, припав на колени, а около него стоял коренастый воин с красивым выбритым надменным лицом. Над стальным шлемом развевались крылья белой цапли. В руке он держал два коротких копья.

Воин окидывал взглядом скалы, Железные ворота, скользнул по рядам воинов, кричавшим: «Слава Александру богоподобному, базилевсу Азии!»

Наконец прищуренные глаза остановились на большой пухлой фигуре Бесса, выделявшейся на фоне черной скалы. Бесс отвернулся, закрываясь руками. По щекам его текли слезы, и плечи судорожно вздрагивали.

Колесница остановилась; за ней, прогремев, остановились и всадники.

Хриплый, полный ярости голос Александра пронесся по ущелью, отдаваясь в мрачных, нависших скалах:

– Наконец ты предо мной, жалкий беглец, хвостун! Говори, как осмелился ты схватить назначенный мне богами венец царей Персии? Говори, какое собачье бешенство толкнуло тебя заключить в оковы и потом убить добрейшего царя Дария, твоего родственника и благодетеля? Не для того ли ты все это сделал, чтобы присвоить себе украденное звание царя царей? Отвечай! Говори же, проклятый богами!

Бесс, вздрагивая, захлебываясь от слез, говорил:

– Я... объявил себя... царем... только для того... чтобы передать царство тебе... славному Александру! Если бы я этого не сделал... то царским венцом овладел бы другой!..

– И ты осмелился сказать это? Кто дерзнет протянуть руку к царскому венцу? Им может овладеть только сын бога. Где князь Оксияфр?

Из рядов свиты, следовавшей за колесницей, выехал толстый, с обрюзгшим лицом Оксияфр, брат убитого царя Дария. Он тяжело сполз с коня, подхваченный слугами, и неуклюже подошел к Александру, от долгой езды с трудом двигая ногами.

– Оксияфр, вот убийца твоего брата Дария! Я дарю его тебе. Ты отомстишь ему: отрежешь нос и уши, затем распнешь на стене и будешь медленно пронзать копьем.

Оксияфр с важностью подошел к высокому Бессу и, ругаясь, стал хлестать его плетью, со страхом отпрыгивая при каждом движении Бесса.

Александр повернулся к персам, которые привезли Бесса; они держали большое блюдо, покрытое куском парчи. На нем лежала круглая, как тыква, золотая корона персидских царей, украшенная цветными сверкающими камнями.

Александр впился в нее глазами. Он отстегнул свой шлем с белыми крыльями и передал подбежавшему телохранителю-нубийцу. Жадно схватив корону, он поднял ее к небу, затем опустил на свои завитые кудри. Корона была велика и надвинулась на глаза. Александр придерживал ее руками, точно чего-то ожидая. Он обвел глазами угрюмое ущелье, увидел узкую полосу неба среди нависших черных каменных глыб, и тень тревоги пробежала по лицу. Он снял корону и передал ее черному нубийцу:

– Скорее вперед! Мы должны выйти отсюда, из этих мрачных теснин, где нас могут

забросать сверху камнями. В Наутаке мы отпразднуем нашу новую победу. Я раздам всем моим воинам земли, пашни, дома и богатства глупых народов, которые не умеют защищаться и созданы быть нашими рабами. Там воины получают отдых. А вы, доставившие мне цареубийцу Бесса, – вы получите особую награду, я вас не забуду! Слушайте, товарищи по походам, – обратился громко базилевс к воинам, – Персия теперь всецело наша и будет наша всегда! Противников больше нет. Слава моему отцу – Зевсу Громовержцу!

– Ты победишь! Ты царь Вселенной! – кричали воины, и эхо повторяло их слова.

Белые кони тронулись, и золотая колесница покатила вперед, покачиваясь на неровной дороге. За ней, сверкая оружием, со звоном и грохотом, рысью тронулись телохранители и свита базилевса.

Будакен налитыми кровью глазами следил, как проезжали всадники. Но кто этот высокий юноша в бронзовых латах? Он необычайно похож на его сына – белокурого, стройного Сколота.

– Сколот! – заревел Будакен. – Сколот!

Но возглас Будакена потонул в шуме конских копыт и в криках воинов.

– Чего разорался, молчи! – крикнул часовой, ударив Будакена по голове.

– Это был Сколот, мой сын Сколот! – бормотал Будакен. – Если я мог ошибиться и принять за него похожего рослого явана, то я никогда не ошибусь в коне! Ведь он ехал на саврасом жеребце, сыне Буревестника!

Все воины вскочили на коней и последовали за базилевсом. Скоро ущелье затихло, и серые тушканчики выскочили из норок, они перебежали, сядились на задние лапки и, озираясь, обнюхивали воздух.

Птоломей забыл о двух связанных крестьянах и умчался вместе с отрядом базилевса.

Спитамен упорно старался перетереть о камни веревки и ремни, которыми они были связаны.

Когда лунный свет наполнил ущелье, в глубине показались две тени. Они шли осторожно, замирая при каждом шорохе. Это были молодой крестьянин и его маленькая жена.

Они нашли и развязали лежавших.

– Мы пришли, думая, что вы убиты. Среди проехавших проклятых яванов вас не было. Мы решили похоронить ваши тела, поставить чашу с молоком и лапшой, чтобы ваши души насытились и не мстили нам за то, что вы погибли вместе с вашими баранами около наших пашен. Теперь, хвала Ахурамазде, вы живы и можете прийти к нам. Вода опять прорвала канаву, надо ее лучше исправить. Прежде всего нужно, чтобы была вода, а тогда будет и хлеб. Работа не ждет!

* * *

Утром два путника горными тропами удалялись от большой дороги, по которой двигалось войско Александра, стремясь к Наутаке, по пути грабя и опустошая все встречные селения.

Спитамен утешал хромавшего Будакена:

– Все наши люди теперь собрались около Мараканды, и мы начнем бороться по-настоящему, без помощи изнеженных князей. Согды не станут терпеть бесчинства греков. Согд любит свою пашню и свое туговое дерево. Лучше он повесится на нем, чем оставит его. Теперь ты видел Двурогого и можешь рассказать в степи, что этот царь не остановится до тех пор, пока не встретит смелых воинов, которые не повернут перед ним спину, а сами начнут бить его в скулы.

Будакен стонал и скрежетал зубами:

– Мой сын вместе с Двурогим! А если злодей пойдет на сакские земли, неужели Сколот будет драться против нас? О, тогда я встречусь с ним в бою. Посмотрим, подымет ли он руку на отца!..

Часть седьмая

Журавли летят на север

- Мы воины непобедимого царя Азии.*
- У вас непобедим только царь? А мы, скифы, все непобедимы.*

Журавли летят на север

Согдские пограничные башни остались позади и виднелись на горизонте оранжевыми точками. Впереди потянулась безбрежная степь. Весенние цветы – красные маки, желтые тюльпаны и лиловые трехперстники – ярким ковром разукрасили обычно мертвую равнину.

Радостное чувство охватывало отряд скифов Будакена, когда он возвращался из Сугуды обратно на север, в свое кочевье.

Тяжелая дума о сыне все время мучила Будакена и заставляла его сопеть и испускать глубокие вздохи, от которых его карий жеребец поводил ушами и косился черным блестящим глазом; но весеннее солнце, свежий ветерок, приносящий запах первых цветов и прелой тающей земли, вид по-праздничному убранной степи невольно разглаживали глубокие морщины на угрюмом загорелом лице сакского вождя.

Будакен ехал Голодной степью, прозванной так путниками еще в давние времена: в ней нет корма – ни колючки для верблюда, ни зайца или козы для охотника, только шары перекаати-поля, прыгая большими скачками, проносятся по степи, подгоняемые визгливым ветром. Лишь весной караваны могут проходить безбоязненно через эту мертвую равнину, где повсюду белеют кости павших животных.

– Смотри, Кидрей, а ведь это дикие кони! – крикнул, вглядываясь вперед, старый Хош.

Кидрей хлестнул своего Пегаша, взлетел на бархан и заслонил рукою глаза, вглядываясь в даль. Несколько темных точек медленно пересекали путь. Теплый пар, подымавшийся от земли, струился волнами, и на линии горизонта все предметы трепетали.

– Мало ты видел диких коней, – сказал насмешливо Кидрей. – Ты больше привык смотреть на турсуки с кумысом и поэтому не можешь отличить диких ослов от сауранов. Смотри, как они бегают!

– Эти дикие ослы отбили от табуна кобылицу, – сказал Будакен. – Они гонят ее перед собой.

В Будакене проснулся охотник: его ноздри раздулись; всматриваясь в горизонт, он втягивал воздух, чувствуя переливчатые запахи степи. Выдернув несколько волосков из отворота сапога, он подбросил их в воздух и проследил за их полетом:

– Ветер с их стороны. Ослы нас не почуют.

Стадо приближалось. Ослы так увлеклись погоней за лошадью, что не замечали приближения грозы, которая их ожидала за барханами. Они бежали беспорядочно: то рассыпались, то сбивались в кучу, дрались и кусали друг другу загривки. Уже ясно было видно, как загнанная лошадь металась и била хвостом. Но что лежит на ней? Впилась ли в шею пантера или привязаны вьюки?

Дикие ослы недоверчивы и чутки. Они внезапно остановили беззаботную гонку. Несколько большеголовых самцов, взлетев на пригорок, задрав напряженно хвосты и насторожив длинные уши, уставились в сторону скифов, где им почудилась опасность. Стремительно скатились они вниз, и все стадо, повернув к северу, легкими скачками стало удаляться в степь. Только облако взбиваемой пыли осталось над тем местом, где пронеслись ослы.

Скифы помчались вперед, к лошади, скрывшейся среди барханов.

Когда Будакен нагнал скифов, он увидел молодую женщину, лежавшую на земле. Хош подложил ей под голову свой башлык. Женщина была очень истощена: щеки ввалились и глаза смотрели тускло и безжизненно. Руки, покрытые багровыми ссадинами и кровоподтеками, бессильно раскинулись. Скифы сидели кругом на корточках и тихо перешептывались. Кидрей держал на аркане исхудавшую, костлявую кобылицу. Она была покрыта пылью и солью от

высохшего пота, а бока ее кровянились от укусов и ударов ослов.

– Тебе эта женщина знакома, – сказал вполголоса Хош. – Когда ты выдавал замуж дочь Зарику, она развязывала верблюда.

– Она жива?

– Еще жива.

Будакен опустил на песок возле Томирис. Ему достали из вьюка глиняный кувшин с заостренным дном. Темная струя старого вина, подаренного Бессом, наполнила бронзовую чашу. Будакен плеснул немного вина на землю, чтобы свирепые духи Голодной степи не гневались, и своей широкой, почерневшей от загара рукой приподнял Томирис. Бледные, засохшие губы прикоснулись к бронзовой чаше и не раскрывались. Корявым пальцем с обломанным ногтем Будакен раскрыл губы и влил немного вина в рот.

Будакен долго возился с Томирис. Он несколько раз отдавал полную чашу с вином в круг скифам, и все отпивали по глотку, повторяя:

– Да поразит смерть того, кто обидел дочь нашего племени!

Постепенно жизнь возвращалась к Томирис. Она пристально всматривалась в небо, откуда доносилось отдаленное слабое курльканье.

Все взглянули вверх. Высоко в чистой синеве треугольником летели журавли.

Томирис приподнялась и испуганно уставилась на неподвижно сидевших скифов. Когда глаза ее остановились на широком лице Будакена, легкая улыбка скользнула по ее бледным губам.

– Ты Будакен, давший мне свободу... Я теперь не боюсь, но бойся ты.

– Кого бояться?

– Берегись возвращаться домой, там тебя убьют.

Брови Будакена нахмурились, глаза метнули взгляд направо и налево.

Томирис с трудом повернулась на бок, положила израненную руку под щеку и затихла.

– Она заснула, – сказал старый Хош. – Это хорошо.

Будакен приказал остановиться, развьючить коней и напоить их водой из бурдюков. Он достал из вьюка кожаный мешок и привязал его за седлом карего жеребца...

– Вы поедете прямо к Горьким колодцам, где стоит камень Афрасиаба, – объяснял Будакен Кидрею, когда кони поели ячмень. – Там поблизости должно быть кочевье свободных скифов с шатром Шеппе-Тэмена. Эту женщину отвезете туда.

– А если шатры этого кочевья откочевали к горам на свежую траву?

– Тогда... Вай-вай, ляй-ляй, как трудно понять, что надо сделать! Нельзя же оставить эту больную на песке, чтобы она умерла и потом по ночам прилетала упрекать нас за свою смерть! Тогда ее надо привезти в мои шатры.

Вереница скифов потянулась к северу, кони шли ускоренным шагом: надо было скорее выбираться из Голодной степи. На одном из коней поверх тюков лежала Томирис.

Скифы оглядывались, не понимая, почему Будакен остался на месте один, сидя неподвижно, скрестив ноги, молчаливый, как камень Афрасиаба.

Снова из далекой синевы донеслись трубные звуки – курльканье журавлей. Будакен очнулся и взглянул на летевших в небе птиц с распластанными широкими крыльями.

Он встал, спокойный и решительный, подошел к жеребцу, нетерпеливо ходившему вокруг бронзового прикола, вбитого в землю. Из кожаного мешка Будакен вынул кольчугу со стальными пластинками, подаренную ему Бессом. Сняв одежду, он надел кольчугу, тщательно затянув ремни. Кольчуга была удобна, сделана искусным мастером. Когда снова были застегнуты все петли одежды, под ней кольчуга была незаметна.

Будакен смотал аркан с приколом, повесил его спереди у чепрака и вскочил на коня.

Равномерным, «волчьим» шагом жеребец двинулся на север, в сторону кочевья Будакена.

Покойник вернулся

Будакен ехал день и ночь, делая частые короткие остановки. Он то несся рысью по твердым такырам, ^[144] то вел жеребца в поводу. Когда конь ел ячмень, Будакен, лежа на спине, засыпал тревожным сном, полуоткрыв глаза. Затем снова направлялся на север заброшенными тропами, стараясь не встречаться с кочевниками.

Уже кочевье Будакена было близко. В полусумраке вечера он узнавал вдали знакомые очертания холмов и бугор с сигнальной вышкой. Жеребец зашатался. Будакен злобно швырнул на землю двухвостку, осторожно слез с коня и потрепал его по шее. Он провел ладонью по глазам коня, тронул его уши – они бессильно повисли.

Долго сидел Будакен, глядя в сторону своего кочевья. Мраком окуталась степь, небо стало переливаться брызгами звезд, и конь, оправившись, очнувшись, начал перебирать ногами. В стороне кочевья засветились огоньки. Тогда Будакен направился пешком к кочевью, ведя коня в поводу.

Собаки издали почуяли приближение путника и примчались с яростным лаем. Старые волкодавы узнали хозяина и запрыгали вокруг него, тыкаясь мордами и облизывая его руки, а вслед за старыми успокоились и щенки.

Но почему так мало шатров стояло под бугром? Куда откочевали стада овец, почему только несколько верблюдов дремали около приколов? Бесшумно подошел Будакен к одному шатру – там слышался сдержанный говор. Ему не понравились слова, доносившиеся оттуда. Сквозь прорванный войлок он стал рассматривать, что делается в шатре.

Младшая, четвертая жена Будакена сидела, окруженная старухами, которые равномерно покачивались из стороны в сторону и вполголоса напевали заунывную песню. На жене было накинуто синее покрывало, которое надевают вдовы, оплакивая покойника.

Будакен откинул ковер, закрывавший вход, и вошел в шатер.

Все женщины замолкли и с раскрытыми ртами глядели на него.

– Вы, может быть, угостите меня кашей и бузатом? – пробурчал Будакен.

– Покойник! Мертвец прилетел за кашей! – завопили женщины и сбились в кучу, закрываясь подушками.

Будакен плюнул и вышел из шатра. Он прошел в другой конец кочевья, где был шатер его старшей жены – матери Сколота. Он ввалился внутрь и остановился, ожидая, начнется ли и здесь переполох. Старая жена его, Спаретра, сидела у огня и длинной медной иглой сшивала шкурки ягнят. Увидев мужа, она несколько мгновений испуганно глядела на него, потом вскочила и, хромя, проковыляла к нему: у нее давно была повреждена нога от укуса волка, когда в степи она с маленьким Сколотом бесстрашно отбивалась от хищника.

– Живой ли ты, господин мой, или это душа твоя прилетела, но для меня все одно – будь нашим гостем и садись к огню.

– Чего вы все одурели? – спросил Будакен, обходя огонь и садясь на ковер.

– Не мы одурели, а наши князья одурели, – сказала Спаретра. – Что слышу, то я и знаю, а мало ли что говорят в степи! Сказали нам, что ты у согдов получил столько подарков и так тебя там закормили, что ты, съев целого барана, помер. А я говорила, что ты и двух баранов съешь – и ничего с тобой не будет, только здоровее станешь. Дай я сниму твои сапоги, обмою твои ноги. Это все Гелон наделал, зять наш. Он вызвал из-за гор своих тохаров и сделал их нашими погонщиками. Они отогнали неведомо куда наши табуны и стада. Нам осталось так мало кобылиц, что молока не хватает. Был бы здесь вместо тебя наш сын Сколот, разве он допустил бы, чтобы зять ограбил его мать?

Будакен не стал раздеваться, а, сдвинув брови, полный тревоги, прислушивался к возгласам кругом, сам же сказал тихо:

– Сколот жив!

Из всех шатров сбежались женщины, чтобы повидать живого Будакена, но, не смея войти внутрь, толпились снаружи и раздирали дыры в войлоке, чтобы заглянуть в шатер.

Шесть дочерей-подростков, в малиновых одеждах, украшенных бусами и лентами, фыркающая и подталкивая друг друга, вошли в шатер и встали у входа. Они разом поклонились до земли, когда отец взглянул на них.

Будакен любил и ласкал своих дочерей, и на его угрюмом лице появилась тень улыбки, когда дочери, осмелев и закрываясь рукавами, задавали вопросы:

– Здоров ли ты?

– Куда девались воины?

– Вспоминал ли ты о нас на базаре Мараканды?

Будакен ответил отрывисто:

– Воины приедут, привезут подарки с маракандского базара, а вы все ложитесь спать и засыпьте золою огни.

Будакен приказал всем разойтись по шатрам. Только увидав певца Саксафара, пробиравшегося ощупью, Будакен поднялся, обнял его и спросил, хорошо ли его кормили.

– В кочевье Будакена всегда найдутся лепешка и колобок сыра для Саксафара, – ответил певец.

– Если все голодают, то и Саксафар не будет сыт, – сказал кто-то.

Будакен гневно засопел:

– Ступай, Саксафар, завтра я буду слушать твои песни!

Саксафар направился к выходу, но остановился и, подняв кверху невидящие глаза, произнес:

– Не прислоняйся к стене – она упадет, не полагайся на дерево – оно засохнет, не доверяй человеку – он предаст тебя...

– Если я раньше не убью его, – прервал Будакен.

Все огни в кочевье потухли, как звезды, задернутые облаком; все попрятались в шатры. Изредка доносился из темноты шепот – видно, все люди настороженно ждали чего-то и не спали.

Будакен сидел, скрестив ноги, перед входом в шатер и прислушивался к звукам, долетавшим из степи. Невдалеке, пережевывая жвачку, хрустели верблюды. Иногда жалобно блеял ягненок. Ветер играл концом висевшего над головой войлока.

Из степи доносились то нежный аромат кандыма и вереска, то тяжелая струя воздуха от недалеко лежащей падали. Вероятно, около нее грызлись собаки. Вот звуки замолкли. Вдруг собаки разом залились дружным озлобленным лаем, и затем голоса стали удаляться в степь. Будакен определил по лаю собак, откуда надвигалась опасность. Засунув полы одежды за пояс, с ножом в зубах, он бесшумно уполз в темноту. Уверенно двигался он вперед, прислушиваясь к злобному лаю овчарок. Одна завизжала – кто-то ранил ее... На пути – загородка ягнят. Стог сена. Только на мгновение он остановился около него и пополз дальше – недостойно воину прятаться в сене.

Быстро, как зверь, двигался на четвереньках Будакен. Когда под руками оказался сыпучий песок без бараньих катышков, Будакен остановился, нюхая воздух и поворачивая во все стороны широкое ухо. Лай собак приближался к кочевью и разливался полукругом.

Будакен снова пополз и завернул в сторону собак. Наконец на тусклом небе зачернело несколько лошадиных круп. Слегка побрякивала уздечка. Два жеребца фыркали, обнюхивая

друг друга.

– Буланый, не балуй! – прозвучал сдавленный хрип.

«Чей это голос? Не тохар ли говорит это?» – мелькнуло в уме Будаке́на, и он пополз к тому, кто сторожил коней. Будаке́н обрушился на него без шума, подмял под себя, обшарил и содрал пояс с мечом.

Тело осталось лежать неподвижно.

Два жеребца вскачь пустились по степи. На одном сидел, сжавшись, Будаке́н. Другой жеребец, легкий и порывистый, побрякивая бляхами, несся рядом.

Из кочевья доносился гул мужских голосов, женские вопли и неистовый лай собак.

Будаке́н придержал коней, прислушался и снова помчался вперед.

Свободные скифы

Выборные от каждых двенадцати шатров свободных скифов собрались на совет кочевья. Усевшись тесным кольцом вокруг огня в старом черном шатре Спитамена, они обсуждали, ехать ли на съезд сакских вождей на берегу реки Яксарта. Там должны решить – идти ли на поклон к Двурогому царю, уже захватившему Мараканду, послать ли ему дары покорной дружбы или же... зажечь огни на курганах...

Выборные сидели тесно, плечом к плечу, наклонив остроконечные войлочные шапки и жмурясь обветренными глазами на багровые угли костра.

– Если мы поедем, князя подумают, что мы снова признали княжью волю, – говорили одни.

– Нас триста шатров, мы выставим четыреста всадников. У нас своя воля, – отвечали другие.

– У князей тысячи баранов и несчетные косяки кобылиц. Они их берегут, а драться придется нам.

Снаружи послышался топот коней...

– Где шатер Шеппе-Тэмена? – прохрипел низкий голос.

– Нет Шеппе-Тэмена, но здесь шатер его. Здесь ты узнаешь, где наш охотник.

Полог откинулся, и сквозь низкое отверстие протиснулся большой, грузный человек. Темный шерстяной плащ закутывал его. Он остановился у входа, как проситель.

– Погрейся у огня, – сказал старший. – Садись к нам. Мимо ли ты ехал и хочешь передохнуть или тебя привела сюда нужда?

– Вы не узнаете Будакуна? – Незнакомец скинул плащ и бросил кожаный пояс с мечом в разукрашенных бронзой ножнах. – Кто из вас узнает, чей это пояс? Я приехал просить вашей помощи против моих обидчиков, нападающих ночью.

Сидевшие скифы заволновались. Пояс с мечом переходил из рук в руки. Будакун продолжал стоять у входа. Он узнавал среди сидевших многих из своих бывших слуг. Они внимательно осматривали пояс. Один скиф снял шапку и откинул назад длинные полуседые волосы.

– Князь Будакун, взгляни на мой лоб: видишь ли этот знак?

На лбу выделялся выжженный железом кружок и под ним две черточки – известное всем тавро Будакуна.

– Ты ставил свой знак на каждом коне и баране, на всем твоём добре и на каждом родившемся ребёнке твоего раба. Мы ушли от тебя, и больше твоего знака на наших детях не будет. Зачем же ты пришел за нашей помощью?

– Или ты хочешь снова вернуть нас под свою тяжелую руку? Отобратить наших ягнят? – загоудели голоса.

Будакун угрюмо молчал. Он видел враждебные, колючие взгляды.

– Я приехал к вам не для того, чтобы взять вас обратно или взять хотя бы одного ягненка...

– Да мы и не отдадим тебе ничего.

– Я пришел спросить вас, достойно ли для свободного племени саков нападать на кочевье, когда там остались одни женщины и дети, а все опоясанные мечом выехали на совет племени?

– Но саки ли это сделали? Не бродячие ли дахи?

– Я узнаю, чей этот меч, – сказал один скиф. – На пряжке изображен тигр, рвущий коня. Такие пряжки носит племя тохаров. Не твой ли зять Гелон из племени тохаров напал на твоё кочевье?

– Это князя повздорили из-за богатства.

– Все зло идет от Гелона, – загудели голоса скифов. – Он прибирает все к своим рукам. Он сгоняет к своему кочевью стада Будаке́на, он привязывает на спину диких коней наших гордых девушек. Он и нам никогда не простит, что мы ушли от князей и живем вольно. И на нас он нагрянет, чтобы мы снова пасли его кобылиц.

Слабый женский голос прозвучал из глубины черного шатра:

– Будаке́н вернул мне жизнь. Будаке́н подарил мне свободу. Именем Шеппе-Тэмена просит Томирис помочь князю Будаке́ну... – Кашель прервал ее слова.

– Мы едем на Совет сакского племени. Поезжай с нами, и тебя никто не тронет. Мы зажжем на совете свой особый костер, и ты сядешь с нами. Мы спросим у племени: можно ли ночью нападать на кочевье, где остались одни женщины? Садись сюда, с нами.

Будаке́н прошел к огню, и его бывшие слуги потеснились. Он сел среди них как равный и протянул к огню свои квадратные ладони.

Скифы косились на него и подмигивали друг другу:

– Смирился или задумал обвести нас?

Бесчисленные костры горели под вековыми ветлами и серебристыми тополями вдоль берега реки Яксарт. Кругом гудел говор, мешались песни, крики, ржание и топот скачущих коней.

Скифские выборные, вожди, знатные князья и простые вольные саки съехались издалека на Великий Совет племени.

«Длинное ухо»^[145] разнесло по всей степи, что в новолуние будут решаться важные дела на Яксарте. Молва опередила гонцов, посланных Тамиром по всем родам и коленам.

Отовсюду потянулись всадники, увешанные оружием, как подобает воину, имеющему право высказывать свою волю. Не раз бывало раньше: сразу после Совета племени скифы выступали в стремительный набег, поэтому воин, явившийся без оружия, садился позади других и не имел права говорить.

Разбросанные по беспредельной равнине, здесь встречались старые друзья и товарищи по походам, обнимали друг друга, прижимались плечами и, согнув правую ногу, шептали принятые обычаями приветствия.

Не простое дело решалось сейчас – измена родному племени известного всей степи князя Будакена, продавшегося за коровий турсук золота Двурогому царю, разгромившему персов и теперь готовому надеть ярмо на все народы Азии.

И многие ехавшие на Совет племени громко бранили Будакена за то, что он продался врагу. Разве мало было у князя золота? И удила у него были золотые, и пуговицы золотые, и у четырех жен были подвески на груди, как рыба чешуя, из золотых монет. Но ведь все знают, что чем богаче князь, тем сильнее его жадность.

Поэтому все готовы были изгнать или побить камнями Будакена и спорили, каким родам следует раздать все косяки и стада князя-изменника.

Свободные скифы примчались на маленьких мохнатых коньках и развели свои особые костры, в стороне от других. Будакен прибыл вместе с ними, но так как он завернулся в широкий темный плащ и ехал не на карем широкогрудом жеребце, которого знала вся степь, а на большом и легком массагетском булане, то все спрашивали, откуда этот всадник. Чей это слуга? Наверно, он тоже ушел от княжеского котла и стал жить своим умом и промыслом?

Уже от всех колен отделились князья и старейшины и степенно поднялись на курган, одиноко стоявший среди равнины, а свободные скифы продолжали сидеть вокруг своего костра, точно совет их совсем не касался; дважды за ними присылали князья, чтобы они послушали, что князья будут решать, но те ответили, что придут решать дела как свободные скифы, а не слушать разговоры князей. От них отделились пять выборных, которые, взойдя на курган, сели в общий круг Совета, где все теснились в несколько рядов.

Старый князь Тамир поднялся с конской попоны. Протянув дрожащие руки к небу, он прошамкал:

– О величайший наш покровитель Папай! Пошли нам мудрость и силы праведно решить дела, от которых зависят благо или гибель народа саков! – Тамир старался не смотреть в ту сторону, где позади свободных скифов стоял Будакен, закутанный до глаз.

Он давно заметил Будакена, но мог ли перед всем народом обнять его, как прежде, если после Совета его, быть может, побьют камнями и копьями, как вбежавшего в овчарню волка.

– Говорите нам про измену Будакена! Дайте нам этого предателя! – кричали голоса. – Он побоялся приехать сюда. Он со своим золотом убежал из сакских степей!

Будакен заревел, как раненый медведь, и швырнул свой плащ на землю:

– Кто говорит про Будакена? Здесь Будакен, перед Советом племени! Кто меня обвиняет?

Пусть скажет это мне в лицо, а не прячется за спинами других. Я узнаю, сак ли говорит это или шакал из другого племени!

Подслеповатые глаза Тамира забегали по сторонам.

Он перекинулся несколькими словами с соседями.

– Привет тебе, славный Будакен! – сказал Тамир среди общей тишины. Легкий шепот пронесся по толпе и затих. – Ты честно поступил, что приехал сюда. Зачем же ты прямо не пришел к нам, как всегда, и не сел рядом с нами? Зачем стоишь, как гость на чужом пиру? Поведай нам, где ты был это время. С кем виделся? Тут по степи носятся разные слухи о твоей поездке.

– Я ничего не буду говорить, пока передо мной не встанет тот, кто осмелился назвать меня изменником. Где этот червяк, которому поверили настолько, что созвали Великий Совет племени?

Тогда Тамир повернулся к князю Гелону. Он сидел побледневший, как воин, получивший смертельный удар под сердце. Но Гелон встал, такой же надменный, как всегда, и, отвернувшись от Будакена, стал говорить толпе, собравшейся вокруг Совета и жадно внимавшей каждому его слову:

– Я говорю давно: яваны близко, и саки должны быть наготове раздавить их, не подпуская к нашим шатрам. Но скажите, вольные воины, разве допустимо, чтобы в такие тревожные дни один из наших знатных князей уехал навстречу врагам, получал от них золото и подарки? За какие заслуги он получил дары? Враги будут платить только за услуги, которые им на пользу, а нам во вред. Хотя князь Будакен теперь мой родич, но для каждого воина всего дороже должны быть правда и спокойствие родного племени. Верно ли я говорю?

– Верно, верно! – раздались голоса.

– Конечно, Будакена можно простить, его сын в цепях, во власти Двурогого. Будакен пожалел сына и хотел спасти его. Поэтому и я прошу милости для старого Будакена. У нас есть обычай, что старики, у которых ослабели руки и разум, получали прощение за свои неразумные поступки. А Будакена соблазнил проходимец, бродяга, приходивший в наши кочевья, чтобы выведать, что делают и готовятся ли к войне саки. Это был лазутчик Двурогого, истребителя мирных народов. И этот самый лазутчик водил Будакена на свидание к проклятым яванам. Какой позор для свободного сака!

– Это ложь, он не был лазутчиком! – закричали свободные скифы. – Наш Шеппе-Тэмен друг народа, не такой, как ты, прибирающий к рукам чужие стада, чтобы на всех ляжках приречь свое тавро.

Одни скифы кричали: «Смерть Будакену!» Другие требовали, чтобы Будакен оправдался. Свободные скифы вскочили и грозили заткнуть мечами глотку Гелону.

Тамир поднялся, взял из рук воина бунчук племени с изображением богини Артимпасы [\[146\]](#) и стал ждать. Все замолкли, повинуясь главному хранителю бунчука всего племени, с которым все должны идти в бой и на смерть.

– Саки, нельзя наказывать, не выслушав того, кого мы хотим казнить. Спросим сперва Будакена. Скажи нам, князь Будакен, раньше всегда хранивший светлым и незапятнанным свой тяжелый меч: правда ли, что ты ездил к Двурогому и говорил с ним?

Будакен стоял багровый, раскрывал рот, как рыба, выброшенная на песок, точно он ловил воздух, и не мог сказать ни слова.

Все ждали, что сейчас Будакен упадет и тут же умрет, но Будакен раскатисто засмеялся:

– Я старик? Этот чужеродный княжич решил, что я потерял разум? Да мы сейчас посмотрим на деле, верно ли это. Я тоже знаю наши обычаи, и получше князя Гелона, которому, как тохарцу, не подобает учить нас, саков, что нам делать. Наш дедовский закон говорит, что

если кого объявили стариком, то он может вызвать обидчика на последний бой, а там уже все увидят, ослабели или нет его мышцы, верна ли рука у старика, и только после боя я скажу, видел ли я Двурогого и получил ли от него подарки.

– На бой! На бой! Пусть выходят оба на бой! – закричали все саки.

Гелон закричал:

– Я буду биться не пеший, а с коня. Идем вниз, на равнину!

Смертный поединок

Вся толпа бросилась с кургана, разыскивая своих коней, чтобы лучше увидеть этот бой не на жизнь, а на смерть – любимое зрелище скифов.

– Будакен силен еще, но он стал грузен и неповоротлив, – рассуждали скифы. – Гелон молод и силен, хорошо владеет копьем. Если бы они боролись пешие, Будакен, как старый медведь, задавил бы или сломал хребет Гелону, а с коня Гелону легче поразить копьем Будакена.

По приказу Тамира несколько скифов поскакали во все стороны, разгоняя толпу, и очистили широкую площадку. Оба всадника одновременно появились на разных ее концах. Они могли действовать только копьем и коротким мечом, не прибегая к стрелам. Маленькие круглые щиты из буйволово́й кожи были на левой руке каждого.

Гелон сидел на рослом массагетском скакуне, но и под Будакеном был такой же сильный, высокий жеребец. Конь был чужой и горячился. Будакену дали длинное тонкое копье. В его корявых руках оно сейчас же переломилось. Один из сакских богатырей уступил ему другое копье, потолще. Будакен повертел им и усмехнулся:

– Сойдет!

Когда Тамир зазвенел бунчуком, оба всадника с яростью бросились друг на друга. Кони помчались легкими прыжками, клубы пыли вылетали из-под копыт. Гелон сидел изогнувшись, прикрываясь щитом, и поднятая рука делала круги, готовая метнуть копье.

Будакен, широкий, плечистый, прикрывая щитом голову, высматривал из-за него, прижав копье локтем, стараясь предупредить тохарскую уловку.

За несколько шагов до встречи копье Гелона вылетело из его руки и понеслось навстречу Будакену. Оно ударило в грудь ниже соска. Глаза всех метнулись на спину Будакена, откуда должно было показаться острое стальное жало.

Но копье Гелона отскочило от груди Будакена с обломанным концом и упало на землю.

Оба всадника пронесли мимо, и толпа с криками шарахнулась в стороны от разъяренных коней.

Теперь счастье склонялось уже на сторону Будакена: у него оставалось в руке тяжелое копье.

Всадники повернулись снова лицом друг к другу. У Гелона в правой руке был короткий меч, щитом он прикрывался, готовый отбить полет смерти.

Вдруг раздались громкие женские крики.

– Убей его, не щади! – кричал кто-то, но в гуле толпы Будакен не мог разобрать слов.

Он увидел свою дочь Зарику. В красной одежде примчалась она на черной кобылице и, пробиваясь сквозь толпу, продолжала кричать: «Убей его!» Но кому кричала Зарика – своему мужу Гелону или отцу?

Теперь всадники выехали не с такой быстротой. Оба были настороже.

Кони приближались коротким наметом. Будакен завертел копьем, перевернул его тупым концом вперед и, припав к шее коня, яростно набросился на Гелона.

Мелькнули ноги Гелона, конь его сделал прыжок в сторону и без седока понесся на толпу, а Гелон, выбитый тяжелым копьем, ударился о землю, как бурдюк с кумысом. Ошеломленный, он с трудом приподнялся на руку, пригнув голову, ожидая последнего, смертельного удара.

Будакен теперь мог по закону прикончить противника и затоптать его конем. Но он видел ожесточенное, кричавшее лицо своей дочери и решил, что она умоляет пощадить ее мужа.

Он повернулся к Гелону, поднял копье и остановился, готовый пригвоздить его к земле.

Гелон протянул руку к ногам коня, к своим губам и ко лбу: он признавал себя побежденным и просил пощады.

Зарика подлетела к Будакену.

– Добей его! Зачем щадить? – кричала она. – Он ограбил всех. Он не даст и тебе пощады, дай мне копье – я сама прикончу его.

Гелон уже встал, глаза его наливались кровью, и он снова был готов к нападению.

– Зачем ты не сказала этого раньше? – спросил Будакен.

Зарика махнула рукой и, стегнув кобылицу, умчалась в облаке пыли.

Гелон, хромя, приближался к Будакену.

– Я нарочно не нанес смертельного удара, – говорил он, стараясь улыбаться. – Я же знал, что ты в кольчуге, но я хотел доказать народу, что ты совсем не старик, что ты легко владеешь копьем и можешь быть, как и раньше, вождем племени... – Он протянул руку к поводу коня Будакена, чтобы провести его к кургану Совета.

Но Будакен ударил двуххвосткой по шее массагетского скакуна, приподняв его на дыбы, и воскликнул:

– Из золы не бывает горы, и ты, предатель, не станешь героем!

Бычья шкура

Будакен поскакал к кургану, взлетел на его вершину и остановился около костра Совета. Шумная толпа окружила его со всех сторон.

Гелон тоже подошел, и за ним шли, сжимая рукоятки мечей, его слуги-тохары и сторонники, ожидавшие милости и подарков от богатого князя.

Будакен, оставаясь на коне, обратился к толпе:

– Здесь на меня хотели наvertеть аркан лжи. Я, Будакен, стою перед вами и говорю, что видел Двурогого царя в ущелье Железных ворот. Он ехал в колеснице, запряженной четверкой персидских коней. Был я в одежде пастуха, руки мои были связаны, и только поэтому проклятый явана колотил меня палкой. Вот все подарки Двурогого, которые я еще чувствую на своих плечах. Но я все вытерпел, чтобы увидеть, какие силы у наших врагов. И остался я жив потому, что меня подобрали крестьяне и помогли вернуться сюда, в наши степи, где вы на меня лаετε, как собаки на чужеземца. И я скажу: бойтесь Двурогого, но не потому, что его воины сильнее наших богатырей, а потому, что он сам нападает, сам ищет чужого горла, чтобы его перерезать. Ему помогает не его сила, а трусость тех, кого он гонит. Двурогого не остановят ни горы, ни реки; его задержим и раздавим только мы, саки, если бросимся на него и будем биться, пока не погоним обратно. А те шакалы, которые кричали, что я изменил родному племени, они сейчас будут биться со мной все по очереди. Я готов.

Скифы замолкли, переглядываясь, и тихий смешок, как отдаленный рокот грома, покотился по рядам черных остроконечных шапок. Кому хочется испытать участь Гелона и попасть на острие тяжелого будакеновского копья?

– Кто же кричал, что Будакен изменник? Выходите! – слышались голоса с разных концов кургана.

– «Длинное ухо» разнесло эту ложь по степи! Никто толком ничего не знал. Верим тебе, Будакен! Слезай с коня. Садись на войлок Совета племени, выпей с нами чашу кумыса!

Но Будакен в знак отказа дергал головой кверху и цокал: он продолжал сидеть на беспокойно плясавшем жеребце. Когда затихли голоса, Будакен крикнул:

– Я вам еще раз говорю – побеждает тот, кто нападает, а не тот, кто ждет. Саки, готовьтесь к набегу! Я с вами не сяду пить кумыс, когда надо точить ножи. Я сяду на бычью шкуру и зову всех идти со мной!

– И я сажусь на бычью шкуру, – зазвенел голос Кидрея, укротителя диких лошадей. – Готовьтесь к набегу на Мараканду. Яваны пьянствуют там, нажравшись, как тигры, согдской кровью, и теперь не могут двинуться. Тамир, веди нас на Мараканду!

Крики разом смолкли, и глаза скифов впились в старого Тамира. От движения его тонких восковых рук зависело, будет ли война или тревожный, неясный мир. Но руки неподвижно лежали на коленях, а Тамир глядел на яркое созвездие, горевшее над тополями Яксарта.

– Пойдите, послушайте гонца из Сугуды!.. – раздался голос из задних рядов.

Расталкивая сидевших, шагая через их плечи, к костру пробирался оборванный человек. Он был молод и плечист. Красная повязка была закручена вокруг головы. По запыленному лицу текли капли пота, и он тяжело дышал. Озаренный красным светом костра, прибывший стоял перед старейшинами Совета.

– Саки! – наконец начал он. – Я сейчас прискакал из Мараканды на трех сменных конях. Яваны идут на Мараканду. Они доберутся и сюда, и до цветущей долины Чача. ^[147] Яваны тянутся по большому караванному пути, как громадная ядовитая кобра, сжигая и уничтожая кругом селения и избивая крестьян. Но наши охотники умеют ловить и змей, пригвоздив их

хвост к земле. Скоро голова яванов заглянет сюда, в наши степи, – вот тут-то и надо заставить кровожадную змею попятиться назад. Дайте мне молодцов, чтобы перерубить хвост яванам. Нас уже собралось сотни четыре всадников, и мы начали захватывать по дорогам обозы яванов. Наш отряд – это крестьяне, у которых яваны вырезали жен и детей, сожгли их скирды хлеба. Но нас мало, и у половины из нас нет мечей – наши воины дерутся топорами и дубинами. Вольные саки, придите нам на помощь!

Гул прокатился по рядам:

– Мы никогда не воевали с согдскими крестьянами! Уже сколько лет мы не щипали согдских купцов!

– Кто этот молодец? Не он ли на скачках Будакена укротил вороного Буревестника? Это Шеппе! Конечно, это Левша-Колючка!

Грубые голоса кричали отовсюду:

– Тамир, веди нас на яванов! Наши копья ржавеют без дела!

Тамир, кивая седой козьей бородкой, поднял восковую руку. Гул постепенно затих...

– Благоразумие требует, – сказал Тамир, – чтобы мы были готовы броситься на того, кто хочет перебить нам хребет. Но мы ничего не должны делать поспешно, неразумно. Сперва мы вышлем посольство: надо заглянуть Двурогому в глаза и понять, что он замышляет. Двурогий не смеет переплыть сладких вод нашей пограничной реки. Если он попробует ступить ногой на правый берег Яксарта, на нашу вольную землю, он услышит рычание тридцати скифских племен. Если наши богатыри хотят расправить плечи и перерубить хвост яванской кобре, пусть собираются в набег вместе со смелым охотником Шеппе-Тэменом. Желаю каждому заработать в бою вражескую кольчугу. А мы будем готовы поддержать их. Зажигайте огни на курганах!

Радостный грохот прокатился по равнине:

– Саки, на коней! Точите мечи! Собирайтесь в поход на яванов!

Барабанщики бросились к своим коням и, вскочив на них, заколотили палками по ослиной коже, туго натянутой на глиняных и деревянных котлах, которые были подвешены по обе стороны.

Со всех концов неслись крики: на боевой клич глашатаев скифы разбивались на роды и колена. Все окружили своих молодых удальцов и стариков, споря, кто поведет отряды, кто будет доставлять баранов и зерно.

Будакен, видно, давно думал о бычьей шкуре: Кидрей издали пригнал широкогрудого рыжего быка с длинными изогнутыми рогами и налитыми кровью злыми глазами.

Жрец, обвешанный побрякушками, с бубном в руках, закружился вокруг быка, выкрикивая песни, захлебывался и взвизгивал, изображая, как кричат духи, ожидающие бычьей крови. Бык ревел, опускал голову, пятился и рыл копытом землю.

Жрец еще не успел отдышаться, а бык уже лежал на спине, подняв кверху все четыре ноги, и опытные скифы быстро отделяли кривыми ножами его шкуру от дымящихся мышц. Кровь была собрана в кожаный турсук, и жрец с заклинаниями поливал этой кровью широкое кольцо вокруг костра Будакена.

Когда рыжая шкура была снята и растянута на земле, Будакен, скрестив ноги, сел на темной полосе вдоль бычьего хребта. Рядом с ним сидела его дочь Зарика. Ее лицо побледнело, черные глаза горели гневом и ненавистью. Она бросала быстрые взгляды по сторонам. Усевшись рядом с Будакеном, а не с Гелоном, она объявила племени, что возвращается к отцу и боится нападения Гелона и его слуг.

Кидрей рассекал мечом тушу на части, ходил вокруг, косолапя носками внутрь, и, разинув рот, с блаженной улыбкой посматривал на Зарику, за которой он когда-то гонялся на скачках Будакена. Теперь она опять свободна. Неужели укротить дикого коня легче, чем гордую

сакскую красавицу?

Спитамен сидел за другим костром. Под ним была разостлана шкура пегого быка, и его новые товарищи, взявшись за руки, ходили, притопывая, кругом, плясали и пели сакские боевые песни.

Отряд Спитамена должен был ударить близ Мараканды в хвост двигавшейся армии Двурогого.

Вокруг разгорались костры, и все поджаривали на остриях копий куски бычьего мяса. Каждый скиф, вздевавший на копье кусок мяса и входивший в общий круг, этим самым зачислялся в отряд, идущий на войну, и обещал вернуться с черепом врага или не вернуться вовсе.

Часть восьмая

Битва скифов

*Наших стрел прирученная смерть
Настороженно спит в колчане...*

Из песни Саксафара

Двурогий жжет Сугуду

Великий Совет саков постановил не разъезжаться и следить за тем, что делается в Сугуде. Старый Тамир передвинул свою стоянку на берег Яксарта; около нее выросли шатры Гелона и других князей. Отсюда летели гонцы ко всем родам с приказами.

Два скифа, побывавшие раньше в плену у согдов и умевшие вести дела с чужестранцами, были посланы в Сугуду, к своим гостеприимцам-купцам. Они для вида повезли на продажу связки соленых бычьих кож, но им поручено было договориться с купцами, чтобы те приезжали с товарами на крайние курганы и передавали сторожевым сакам все, что услышат о Двурогом.

Через одиннадцать дней уже прибыли первые новости о Двурогом. Его воины ограбили и сожгли все селения вокруг города Наутаки. Жители бежали в горы, забрав самое ценное имущество. Но Двурогий сам во главе воинов погнался за беженцами, отнял у них все имущество, и воины поделили его между собой.

Много людей прибежали оттуда с большими от страха глазами; они говорили, что видели самого Двурогого. Он дрался среди других воинов и ударом меча рассекал беженцев наискось от левого плеча до правого бедра. Среди согдов, бросавших с гор камни на яванов, был один ловкий стрелок: он пускал стрелы в Двурогого, и три стрелы сломались об его грудь, покрытую железной броней, но одна стрела пронзила неприкрытую голень, и оттуда полилась кровь, такая же красная, как у всех рожденных женщиной, и Двурогий упал на колени. Его подхватили воины и унесли на плаще.

Тогда все стали говорить, что Двурогий не бог и так же боится смерти, как ее боялись все персидские цари, хотя они тоже называли себя сынами Ахурамазды.

Гонцы беспрерывно скакали от согдских крепостей к холму Великого Совета. Они привозили кожаные свитки, и ученый раб с тавром князя Тамира на левой щеке читал вслух Великому Совету, что делалось в Сугуде, когда-то счастливой и мирной. Теперь страна была потрясена горем, и кровь смочила ее пыльные дороги. Купцы сообщили, что Двурогий уже вошел без боя в Мараканду и теперь его стража стоит у всех ворот и берет плату с каждого входящего и выходящего из города.

Наконец гонец привез последнее донесение: разъезды Двурогого показались перед городом Курешатой. Вдали был виден густой дым, кругом горели селения. Воины Бесса бросали вооружение, переодевались в одежду поселян и смешивались с толпой. Князь Оксарт и другие князья бежали с семьями в горы, а некоторые из них позорно поехали принести покорность Двуроному.

В этот день ярко вспыхнули костры на всех скифских курганах. Донесения из Сугуды от купцов прекратились. Скифские разъезды видели, как клубы черного дыма поднимались один за другим над пограничными крепостями, – это шли яваны, оставляя за собой закоптелые развалины.

Один отряд яванов показался в степи, он приблизился к сакской сторожевой вышке и остановился, подавая сигналы медной трубой. Сакские всадники держались на расстоянии, проносясь по степи. Но от яванов отделились трое и медленно поехали навстречу скифам. Один из них кричал по-сакски, чтобы их не боялись, а выслали тоже троих для переговоров. От саков отделился Кидрей на пегом коне и еще двое. Они приблизились на сто двадцать шагов и стали кричать друг другу.

– Кто вы? – спрашивали яваны. – Мы воины непобедимого царя Азии, перед которым вы должны покорно упасть на землю.

– А мы – саки, которые тоже непобедимы. Но нас много непобедимых, а у вас непобедим

только царь.

– Что вы здесь делаете? В этой степи видны лишь ящерицы и саранча.

– Мы можем жить везде, как ящерицы, и, как саранча, перелетать с места на место. Как саранча объедает все листья, так и мы, если захотим, примчимся в Сугуду и отберем у вас все ваши мешки, которые вы набили чужим добром.

– Суньтесь к нам, и мы тогда увидим, кто кого обдерет.

– Что вам нужно? Зачем вы сюда приехали? – кричал Кидрей. – Не хотите ли вы попробовать нашей соленой воды или конского мяса, распаренного под потником?

Яваны пошептались и ответили:

– Хотим. А мы вас угостим чем-нибудь получше. Посидим вместе на ковре дружбы и поговорим о «козьей шерсти». Пусть ваш начальник выйдет вперед и скажет свое имя. Наш начальник тоже выйдет к вам. Его зовут Пенида, и он имеет на руке перстень с изображением царя.

Кидрей положил на землю потник своего коня и уселся на нем, скрестив ноги, а два других скифа отъехали с его конем на сорок шагов.

– Подходите! – крикнул Кидрей.

К нему подошел тот, кого звали Пенида; на нем был медный панцирь и шлем яванов, а штаны с пестрыми вышивками были, видимо, содраны с согда. С ним подошел старый перс-переводчик в войлочном колпаке, похожем на тыкву. Он нес ковер, кувшин и мешок. Пенида уселся на ковре против Кидрея, а переводчик стоял позади него.

– Не хочешь ли попробовать нашего вина? – сказал Пенида, налив из кувшина в бронзовую чашу. – А еще у меня есть хорошие яблоки. Их поднесли нам согдские купцы, благодарные за то, что они попали под крепкую руку нашего храброго царя.

– Я бы выпил твоего вина, – сказал Кидрей, – но не очень ли оно пропахло дымом от тех костров, на которых вы подпаливали благодарных согдских купцов? Не лучше ли выпить нам кислого кобыльего молока – оно в жару лучше утоляет жажду?

– Не будет ли это молоко опасным для нашего непривычного желудка? – ответил Пенида.

И так оба, и Кидрей, и Пенида, пили каждый свой напиток.

– Где находится ваш главный начальник? – спросил Пенида.

– Он находится и здесь, и везде, – ответил Кидрей, – вырастает из земли там, где нужно бросить на врагов сакских богатырей.

– А много ли сакских воинов?

– Столько же, сколько песчаных холмов в степи.

– Я приехал к вам объявить волю нашего царя, который есть царь над царями. Он приказывает передать вашим князьям, чтобы вы, скифы, не смели переходить на ту сторону реки Яксарт без его разрешения. Передашь ли ты это вашему царю?

– Царя у нас нет, а есть Великий Совет племени, и он будет знать сегодня же твои слова, – ответил Кидрей. – А что сделают саки, перейдут реку или нет, – это столько же знаю я, сколько знает орел, летающий в небе.

Пенида встал и поднял руку:

– Помни же твое слово! Передай еще, что те скифы, которые попытаются перейти через реку, будут считаться врагами: их схватят и убьют.

– А вы также помните, что если вы перейдете через реку на нашу землю, то будете раздавлены копытами сакских коней, – ответил Кидрей.

Пенида повернулся и пошел к своему отряду. Переводчик поднял ковер и пошел за ним. На месте встречи остались глиняный кувшин и мешок с яблоками.

Скифы подъехали, осмотрели его, но, боясь коварства яванов, разбили кувшин и разбросали

яблоки.

Когда Кидрей, сменив по пути несколько коней, прискакал к холму Совета племени, туда примчался другой гонец. Он сообщил, что передовые отряды яванов прибыли к берегам Яксарта и заняли пограничный город Ванкат, [\[148\]](#) где была главная переправа для караванов на большой дороге к городу Чачу. Гонец полагал, что сам Двурогий приехал вместе с отрядом, так как около стен города появились не только кожаные палатки воинов, но также красные и пестрые шатры, и некоторые из них особенно велики и нарядны. За первыми отрядами движутся другие воины, пешие и конные.

Тамир и другие члены Великого Совета сейчас же разослали приказы, чтобы сакские дружины стягивались к Могульским горам против Ванката.

Скифские послы

Двадцать скифских всадников выбрались из прибрежных высоких золотистых камышей и по растрескавшимся солонцам въехали гуськом на отлогий холм.

Вдали показались давно им знакомые утопавшие в садах грязно-желтые стены города Ванката. Река так же стремительно несла свои взбаламученные мутные воды, сжатые узким руслом. Так же безмятежно в дымчатой дали подымались высочайшие зубчатые хребты гор, покрытые вечным снегом. Они окружали долину с тучными посевами трудолюбивых дахов и согдов.

Но что за шум, что за грохот, звериный рев и вопли неслись с равнины, всегда покрытой тихими, радостными рощами абрикосов, зарослями высокой джугары и квадратами желтой пшеницы?

С холма скифы видели, откуда неслись крики: по дороге вокруг нее, прямо по зеленым посевам, металась толпа людей. Женщины в ярких желтых и красных одеждах, с детьми на руках бежали куда попало, падали и снова подымались – все оглядывались в одну сторону, откуда надвигалась опасность.

Десятка три чужеземных воинов шли цепью, держа копья наперевес. Перед ними отступала толпа крестьян, в руках мелькали топоры, ручные пилы и лопаты. Они швыряли в подходивших камнями и комьями земли. Воины приближались твердыми шагами, неумолимые и безмолвные.

– Это Двурогий царь наводит порядок, – сказал один из скифских всадников. – Сейчас яваны перебьют этих мирных, как быки, крестьян, забывших, как надо бороться. А женщин и детей потом пригонят в свой лагерь для продажи.

– Нам нечего здесь смотреть – едем дальше! – Тамир махнул рукой, и всадники спустились с холма.

Узкой тропой между затоптанными посевами направились они к стенам города.

Вся равнина вокруг города и весь берег пестрели палатками всех цветов – и черными арабскими, и пестрыми персидскими; больше всего было низких палаток из растянутых бычьих шкур.

На берегу реки, на холме, выделялись и величиной, и ярким алым цветом несколько шатров. Возле них было особенно много людей и стояли правильными рядами кони всех мастей.

Воины, пешие и конные, двигались во всех направлениях. За ними бежали полуголые рабы. Они тащили мешки с зерном, узлы, гнали ослов, нагруженных хворостом.

Несколько македонских часовых копьями перегородили путь скифам. Среди скифских всадников один заговорил по-гречески.

– Откуда ты знаешь наш язык? – спросили воины.

– Я киликиец из Тараса, – ответил всадник. – Здесь я был рабом одного из сакских князей, князя Будакена. Теперь я состою переводчиком при этих послых от народа саков.

– К кому вы едете и зачем?

– Нам нужно видеть вашего царя, – ответил молодой красивый скиф, сидевший на высоком легконогом жеребце.

– Вы должны слезть с коней, оставить оружие и идти пешком, – сказали часовые. – А мы узнаем, захочет ли наш царь с вами говорить.

– Наши кони и мы, саки, – это одно, – спокойно сказал старый, сгорбленный высохший скиф. – И мы можем только на конях проехать к шатру вашего царя. Если же вы не хотите пустить нас, то мы повернем обратно и встретимся с вами только в поле.

Воины пошептались и ответили:

– Если обычай повелевает вам оставаться на конях, то проезжайте.

Одни из часовых побежал к красным шатрам, другие, окружив скифов, медленно двинулись вместе с ними.

Скифы ехали, сохраняя достоинство, приличествующее послам, но глаза зорко присматривались к окружающему. Они прикидывали в уме, сколько здесь собралось войска, сколько сил надменные яваны могут выставить против саков.

Они также заметили, что вдоль всего берега привязана длинная вереница плотов и крестьяне под присмотром погонщиков с плетками связывали бревна и жерди, надували воздухом мокрые бурдюки и спускали их в воду.

Скифов остановили около большого малинового шатра. Вокруг него стояли одетые по боевому часовые в латах, с очень длинными копьями, в три раза длиннее скифских, и проходили начальники, закутанные в просторные белые плащи.

Скифы сошли с коней и сами привязали их к кольям палаток. Степные лохматые кони фыркали и поджимали зады, готовые ударить каждого, кто к ним приближался.

Из шатра вышел высокий красивый явана с искусно завитыми кудрями, в светлой безрукавке, подпоясанной золотым поясом. Благоухая ароматами, как лавка согдского лекаря, он приветствовал скифов и ввел в шатер. Переводчик объяснил, что это начальник Гефестион – друг царя Азии.

Вошли несколько военачальников яванов, один из них был в персидской одежде. Рослый черный слуга-нубиец внес складной стул с бронзовыми ножками и парчовым сиденьем. Одетый в персидскую одежду сел на стул, а яваны стали по сторонам.

– Садитесь, – сказал переводчик. – Царь Азии готов слушать вас.

Все скифы сели рядом вдоль стенки шатра на ковровых подушках и уставились на сидевшего.

Так вот он какой, Двурогий! Верно ли это? Не смеются ли яваны над малосведущими кочевниками и не одного ли из телохранителей царя посадили вместо него, боясь нападения чужеземцев?

Сидевший был молод, с бритым лицом и ростом пониже других. Длинные рыжеватые волосы падали почти до плеч, и среди них никаких следов рогов не было. Один глаз был светлее другого и слегка косил.

Надменным, холодным взглядом обвел он сидевших скифов и несколько задержался на старом Тамире, который вглядывался подслеповатыми хитрыми глазками.

Царь был одет в длинную, ниже колен, персидскую оранжевую рубаху, расшитую золотыми цветами. На кожаном поясе – золотая пряжка со знаком персидских царей: колесо среди распростертых соколиных крыльев. На ногах широкие красные шаровары, заправленные в персидские сафьяновые сапоги.

Скифы долго молчали, рассматривая царя иноземцев, прошедшего с боем через всю Персию. Сакский князь Мавак и другие его товарищи уже имели схватки с ним, ^[149] когда Дарий попросил саков помочь защищать старую Персию.

Первым заговорил старый Тамир. Его слова вполголоса переводил высокий юноша, стоявший, наклонившись, около Двурогого. Два писаря-раба в длинных, до колен, рубахах опустили на ковер и быстро записывали палочками на деревянных навощенных дощечках.

– Царь Македонии! – сказал Тамир, и все затихли, только слышно было, как шуршали палочки писарей. – Ежели бы боги захотели создать твое тело таким же великим, как твоя тщеславная душа, то целый свет не вместил бы тебя. Тогда бы ты коснулся одной рукой востока, другая возлегла бы на запад, а потом и этого тебе показалось бы мало, и ты захотел бы проникнуть еще туда, где ежедневно в море скрывается блестящее солнце. А потом, если ты

покоришь весь род человеческий, ты начнешь воевать с лесами, выступишь против холодных снегов, разливающихся рек, бурных ветров и, наконец, против диких зверей...

Базилевс переложил ногу на ногу и, слегка наклонив голову, с любопытством смотрел на сидевшего крючком Тамира. Его рука слегка похлопывала по колену, и на пальце вспыхивал голубыми искрами драгоценный камень в золотом перстне. Не на руке ли персидского царя Дария был этот перстень и не Бесс ли затем снял его с руки заколотого им царя?

Тамир продолжал, и никто не мог догадаться, куда направляет свою речь хитрый вождь скифов.

– Царь Македонии, разве ты не знаешь, что большие деревья растут веками, но один порыв бури исторгает их, как соломинку, из утробы земной? Часто сам лев служит пищей маленьким зверям и ржавчина поедает несокрушимое железо. Нет ничего столь крепкого, что не могло быть разрушено слабейшим.

Базилевс вскочил, отошел в сторону и пробормотал несколько слов.

Высокий переводчик сказал громко:

– Царь Азии спрашивает, зачем вы приехали к нему. Не для того ли, чтобы учить его?

Тамир съежился в комок, как хорек, готовый вцепиться в морду затравившей его собаки.

– О чем нам спорить с тобой, царь Македонии? Никогда нога нашего народа не была на земле твоей родины. Разве мирным обитателям пространных степей наших не позволено узнать, кто ты такой и откуда и зачем пришел к нашим границам?

– Еще что ты хочешь знать? – спросил Двурогий и снова опустился на парчовый стул.

– Мы, саки, не хотим никому повиноваться, но и не желаем ни над кем властвовать. Но для того чтобы ты узнал нас, степных кочевников, скажу тебе, что небо дарит каждому из нас: ярмо волов, стрелу, копье и чашу.

– Что небо вам дарит? – переспросил царь, и усмешка скользнула по его гладко выбритому лицу.

– Ярмо волов, стрелу, копье и чашу, – невозмутимо повторил Тамир. – Мы ими пользуемся и с друзьями, и с врагами: с друзьями мы разделяем плоды земли, получаемые трудами наших волов, с ними же из чаш возливаем вино в жертву богам нашим; стрелами пронизываем врагов своих издали и копьем поражаем их вблизи. Таким образом мы победили самого Куруша, царя персов и мидян, и кони наши прошли весь путь до самого Египта... – Тамир замолчал и сидел настороженный, и его козья борода дрожала.

Александр протянул руку с блистающим голубым светом перстнем:

– Там, в далеком Египте, сами боги признали меня своим бессмертным сыном, и македонские кони пили сладкую воду величайшей реки Ливии, как пьют они и сейчас из реки Яксарт, стоящей на пороге к вашим степям...

– Перейди только эту реку, и ты увидишь, сколь обширны наши степи, – добавил молодой красивый скиф.

Он давно беспокойно двигался, желая вмешаться в разговор.

– Помолчи, Гелон, пусть говорит один Тамир, – шепнул ему его сосед.

Тамир продолжал:

– Наши владения обширны, и тебе никогда не завоевать их. Наша бедность – наша сила. А твое войско, обремененное богатствами стольких народов, которых ты ограбил, теперь с трудом движется, как тигр, который тащит в свою берлогу задранную корову. Наши необъятные равнины, где мы ничего не имеем и ничего не желаем иметь, нам милее и дороже, чем самые богатые города и самые тучные нивы. Только те народы, земли которых ты не обогрил горячей кровью, могут в знак верности обменяться копьями и сделаться твоими добрыми друзьями.

Гелон опять вмешался:

– Между равными и свободными может быть заключена тесная дружба, а равными мы считаем только тех, с которыми нам не пришлось испытать острия нашего копья.

Александр сделал знак Гефестиону и шепнул ему:

– Этого молодого скифа надо придержать, он, видимо, сам навязывается мне на службу.

Затем царь громко обратился к скифам:

– Но разве побежденные мною народы не благословляют моего имени?

Один из сидевших с краю скифов, одетый беднее других, резко ответил:

– Не полагайся на дружбу побежденных тобой. Между господином и рабом нет и не может быть дружбы... Порабощенный народ всегда имеет право восстать, даже во время безмятежного мира.

Лицо Александра исказилось, светлый глаз закатился под лоб.

Базилевс встал, отвернулся от скифов и сказал своим товарищам, которые затихли, вглядываясь в глаза своего вождя:

– Эти варвары вместо покорности навязывают мне свои советы. Не они ли подстрекают согдов и бактрийцев к восстанию? Пусть войска садятся на суда. Мы переходим на скифский берег!

Он повернулся к скифам, насмешка искривила его губы:

– Я вижу, что хотя скифы никогда не выпускают из рук оружия, но среди них имеются люди весьма умные и более просвещенные, чем у других варваров. Я постараюсь последовать и вашим советам, и своему счастью. Но я не предприму ничего безрассудного.

Базилевс поднял руку в знак прощального приветствия и удалился за занавеску.

Тамир поднялся, и за ним другие скифы встали и степенно вышли из шатра.

– Знаешь ли, кто был переводчиком у Двурогого? – спросил Тамира один из саков.

– Вероятно, кто-либо из отряда Мавака, который дрался в великой битве персов при Арбеле?

– Да, это был Сколот, сын Будакена. Он надел иноземное платье и носит волосы по-явански, завитые, как у барана.

– Хорошо, что Будакена не было с нами. Его бы не удержало присутствие царя, и он убил бы своего сына-изменника.

Гефестион с персом-переводчиком подошли к Гелону, уже вскочившему на легкого, золотистого жеребца.

– Царь Азии желает посмотреть твоего коня. Не проедешь ли ты с нами к коновязи, где царская конюшня? – сказал Гефестион.

– Я сейчас догоню вас! – радостно крикнул Гелон медленно отъезжавшему Тамиру.

Затем он повернулся к переводчику и зашептал ему:

– Передай, что я могу пригнать для армии царя десять тысяч баранов. По какой цене будет за них заплачено?

Битва у Могульских гор

«Богатыри, скачите к Могульскому дракону!» – такой призыв Тамир разослал с гонцами по всем сакским кочевьям.

Все знали, что Могульский дракон – это черный скалистый хребет среди голой равнины, перерезанный, точно от удара меча, узким проходом. Река Яксарт стремительно обегает его близ согдского города Ванката и, перепрыгнув через Беговатские пороги, дальше спокойно направляется к северу, по краю Голодной степи.

По ночам костры на курганах вспыхивали красными огнями, вселяя радостную тревогу в молодых саков, не видавших еще большой битвы. Они спешно чинили седла, точили мечи и клялись, что в предстоящем бою добудут себе и железную кольчугу, и голову явана, чтобы подвесить ее над входом в шатер.

Степь всполошилась. Пронеслись слухи, что надвигаются невиданные двурогие люди, что им нет числа, после них остаются развалины, трава вянет и больше не растет. Одни скотоводы погнались стада на север, другие, наоборот, оставив стада у родичей в низовьях Яксарта, сами с повозками, с женами и детьми направлялись на юг, к Могульскому дракону, ожидая после боя богатой добычи. Старухи в повозках, раздувая угли в горшках, берегли огонь родных костров.

Повозки с войлочными юртами громыхали, пронзительно скрипели тяжелые карагачевые колеса, и шестерки быков, запряженных парами, протяжно ревели, когда погонщики покалывали их длинными стрекалами.

В Могульском ущелье, возле горного ручья, раскинулся большой шумный табор. Девушки в длинных, до пят, малиновых одеждах разбрелись по склонам холмов, собирая прошлогодний сухой бурьян. Они шли, раскачиваясь, распевая песни, неся вязанки над головой, и серебряные монеты, нашитые на груди, переливались на солнце, как рыба чешуя. Разве девушки могли чего-либо бояться, когда непобедимые сакские богатыри слетелись на зов битвы!

Тучи пыли надвигались по равнине; в свисте, криках, топоте коней проносились веселые скифские воины, подбрасывая на скаку копья, готовясь к бою.

Молодцы рода Боняка, в рыжих остроконечных шапках и серых шерстяных накидках, примчались одними из первых. Они скатились с маленьких длинногривых жеребцов с выкрашенными красной краской хвостами, спутали им ноги и, оставив бродить по равнине, сами двинулись к табору со свистом, уханьем и песнями. Накидки были лихо наброшены на левое плечо; подхватив полу правой рукой, молодцы побрякивали медными чашками о бронзовые пряжки поясов, требуя, чтобы в таборе их угостили глотком холодного кумыса.

– Покажите нам яванов! – кричали они. – Наши стрелы ворчат в колчанах, они хотят скорей пробуравить толстые яванские животы.

Седая, с птичьим лицом старуха в заплатанной рубахе высунулась из юрты на телеге, щуря слезящиеся глаза:

– Бой-бой, какие вы все молодчики да красавчики! Все ли из вас вернутся к теплым кострам и черным шатрам? Дайте я налью вам кобыльего молока. Пейте, пока видят ваши смелые глаза!

Отряд свободных скифов прибыл со своим новым бунчуком.

Впереди них на пегом коне скакал Кидрей, держа бунчук с медными погремушками.

– Где Будакен и его «обреченные»?

– Близ берега, следят, что затевают яваны.

Кидрей протянул бунчук старику, сидевшему на старом сивом коне с облезлым хвостом. У пояса вместо лука висели гусли. Старик провел дрожащей рукой по воздуху и схватил бунчук.

– Смотрите, бунчук в руках слепого.

– Не слепой ли поведет молодцов в бой?

– Да это Саксафар, наш певец! Он споет боевые песни.

Кидрей направился к реке, он нашел отряд «обреченных» Будакена в одном из ущелий, отходящих от главного пути. Воины лежали на камнях; некоторые кормили лошадей, другие собирали воду из тонкой струи горного ключа, падавшего со скалы.

Будакен полулежал, облокотившись на камень, и чаша с водой, стоявшая возле него, оставалась нетронутой.

Кидрей, сойдя с коня, несколько времени молча сидел около Будакена. Кидрей уже слышал, что послы саков видели у Двурогого юношу-переводчика, похожего на Сколота. Древние законы саков требовали, чтобы отец в битве сам разыскал сына-изменника и собственноручно казнил его. Не к этому ли готовился теперь сумрачный Будакен?

– Почему твоя сила и здоровье здесь, а не на берегу? – наконец спросил Кидрей.

– Совет племени приказал мне быть в засаде вместе с «обреченными». Если яваны бросятся по этому пути, то мы ударим им в бок, расколем пополам и будем биться с одной частью.

– Если яваны переправятся на эту сторону, надо перерубить канаты плотов и лодок, чтобы им не было возврата.

– Это поручено Гелону.

– Где Тамир?

– Тамир со своим братом Сотраком на холме у берега реки. Они пошлют куда надо сакских бойцов.

Кидрей встал, поднял горсть песку и, вскочив на Пегаша, швырнул песок в сторону яванов:

– Да покроется лицо яванов грязью поражения! Чтоб их сила рассыпалась, как этот песок.

Главное ядро скифов расположилось у самого берега Яксарта, где обычно происходила переправа. Здесь течение сузилось, и ясно было видно все, что происходило на том берегу. Хорошие стрелки пускали из луков стрелы; иногда они долетали до другого берега, и тогда начинали биться раненые лошади или начиналась суматоха среди согдов, возившихся с плотами.

Плотов было очень много. Они растянулись вдоль берега. Много дней десятки тысяч пригнанных согдов работали над ними. В это яркое, солнечное утро воздух был особенно чист, и можно было даже рассмотреть каждого любопытного, взобравшегося на старые каменные стены города.

Тысячи стрел взвились в воздухе и ударили в скифский берег, сбивая с седел всадников. Скифы отхлынули от берега и взлетели на склоны холмов. Это метательные машины Двурогого загрохотали и с визгом перебрасывали через реку стрелы величиной с полкопья, очищая берег от скифов. Одновременно от левого берега разом оторвалась масса плотов, нагруженных воинами. Одни стояли по краям, припав на колени, прикрываясь высокими камышовыми щитами. За ними прятались лучники и пращники. На больших плоскодонных лодках помещались всадники; они держали за поводья лошадей, которые плыли сзади, погрузившись по уши, высовывая фыркающие ноздри. Быстрое течение мутной темной реки стало кружить плоты; воины шатались, хватаясь друг за друга; некоторые падали в воду и гибли в водоворотах. Гребцы быстро работали веслами, и македонские плоты начали прибиваться к правому берегу. Яваны соскакивали на землю, садились на больших мокрых коней и, примыкая друг к другу, наступали на скифских всадников. Пращники с такой силой швыряли круглые камни, что пробивали насквозь незащищенную грудь саков; они валились с коней, которые уносились вихрем по равнине и тащили за собой раненых, не выпуская из рук поводьев.

Как стая громадных пестрых птиц, двенадцать тысяч плотов перенеслись через реку, и воины Двурогого, соскочив на берег, быстро сомкнулись в ряды и под свист флейт побежали по

каменистой почве навстречу скифам. Широкие, отточенные мечи в руках воинов переливались яркими вспышками играющих солнечных лучей.

Но пешие яваны не могли догнать скифских всадников, которые, припав к шее лошадей, проносились по долине, поражая врага без промаха маленькими отравленными стрелами.

С проклятием раненые воины оставляли ряды, падая на землю: выдернув стрелы, они перевязывали цветными тряпками кровавые раны и затем тащились обратно к плотам.

Всадники Двурогого, блистающие медью, в ярко-красных плащах, быстро выстроились длинными рядами. Задние ряды всадников опускали концы длинных копий на плечи передних, так что отряд, наступая, щетинился остриями копий. Что могли сделать с таким мощным строем скифские бойцы в кожаных или веревочных нагрудниках, вооруженные небольшими копьями и короткими мечами, действующие в одиночку? Помня наказы Тамира и Сотрака, скифы рассыпались в стороны, взлетая на склоны холмов, и, оборачиваясь, на скаку пускали стрелы в македонцев. Скифские стрелы ударялись в медные нагрудники и шлемы нарядных яванов, ломались и отскакивали, но все же многие были тяжело ранены, и ровные линии копий начали дрожать и ломаться. Кони яванов вылетали из рядов без всадников и неслись вслед за македонскими отрядами.

Македонцы приходили в ярость от неуловимости скифов; могучие удары их конницы и фаланг пехоты нигде не встречали той сплоченной массы, которую они могли бы раздавить и искрошить. Македонцы продолжали еще держаться кучно, стараясь настичь скифов, но тревога распозалась по их рядам: привыкшие наводить ужас, они впервые видели врага бесстрашного и непреклонного.

Скифские богатыри разъярились и уже искали рукопашной схватки с надменными яванами, желавшими поработить их свободные степи.

Отчего же не вылетают «обреченные», которые в этом бою хотели добыть себе славу, чтобы потом у горячих костров слепые гусяры пели о них хвалебные песни?

Уже два отряда македонцев пронеслись вперед. Разве можно пропустить их? Ведь они мчатся туда, где растянулся лагерь саков, где были их семьи, жены, дети и старухи.

Могучей лавиной приближался третий отряд македонцев. Впереди выделялось несколько особенно нарядных всадников в стальных латах, блистающих на солнце.

Будакен наблюдал из-за обломков скалы за мчавшимися отрядами. Он сдерживал рвавшихся в бой молодых бойцов:

– Рано, рано еще! Дайте мне увидеть самого злого пса, желающего отгрызть сакские головы!

Его зоркие звериные глаза заметили в рядах македонцев одно лицо с нахмуренными бровями, с прямой линией носа и лба, с красивым и злым изгибом надменного рта. Он держал над головой длинное копьё, и белые крылья цапли развевались над серебристым шлемом.

– Улала! – заревел Будакен боевой призыв саков.

Вздогнули «обреченные», выхватили короткие тяжелые мечи и вырвались вперед в бешеной скачке. Пегие, бурые и рыжие сакские кони сбоку ударили в македонцев, разбили грудью их ряды. Македонцы, побросав длинные копья, завертели в рукопашной схватке, рубясь мечами с налетевшими, как буря, отчаянными скифами.

Будакен, вертя воющей железной палицей, мчался в самую глубину сечи. Он видел вдали красивое лицо в стальном шлеме, и его глаза метались, отыскивая около него знакомые черты сына Сколота. Уже он сбил с коней нескольких македонцев. Его тяжелый жеребец, как бы чувствуя ярость седока, пробивался через ряды воинов, которые бросались в стороны от разъяренного скифа, ревавшего и валившего все кругом, как раненый медведь.

Двурогий близко... Он сейчас сбросит его и растопчет копытами коня. Но отборные

телохранители Двурогого уже заметили свирепого скифа, пробивавшегося к царю Азии. Громадный черный нубиец подлетел сбоку и мощным размахом метнул в него копье. Копье скользнуло по панцирю, зацепило бедро и пронзило спину карего жеребца. Будакен полетел на землю вместе с перевернувшимся через голову конем. Толпа всадников пронеслась через него. Последним взглядом Будакен узнал пегого коня Кидрея. Мелькнуло копье, пронзившее плечистого нубийца, который повалился на землю, и затем темная ночь накрыла плащом глаза Будакена.

Телохранители Александра, отбиваясь от скифов, с трудом оттеснили их от царя царей. Схватив поводья его коня, плотным кольцом вылетели они из сечи и помчались обратно к реке.

Александр с трудом домчался до лодок. Здесь он приказал эфебу взобраться на скалу и следить за тем, что замышляют скифы. Сам же укрылся в кусты польни, и телохранители загородили его, растянув плащи.

– Лекаря скорее, базилевс заболел животом! Где скифы? – кричали они.

– Скифы снова приближаются, – отвечал со скалы эфеб.

Александр, бледный, с синими кругами под глазами, поддерживаемый телохранителями, прошел в лодку. Гребцы отчалили и заработали веслами, направляясь к другому берегу.

Передние фланги пехоты македонцев продолжали наступление. Они были неудержимы и не останавливались, уверенные, что сзади следуют подкрепления Александра. Ожидая великих наград за разгром непобедимых скифов, они гнались за отрядами рассыпавшегося во все стороны противника, но натиск македонцев был бессильным ударом меча по воде.

Скифы с такой быстротой уходили от пехоты и тяжелых коней македонских этэров, что проскочили то место, где им приказано было завернуть и ударить с боков на растянувшиеся позади них ряды яванов.

Дикие вопли понеслись им навстречу. Впереди в ущелье весь путь перегораживали ряды скифских телег, где находились женщины, дети и старики. Дымились костры, испуганные быки и верблюды бились на привязях.

Черные от солнца сакские жены на телегах подымали маленьких плачущих детей.

– Убейте нас раньше! Не отдавайте на позор врагам! Воины ли вы? Куда несетесь, потеряв голову?

Одна женщина верхом на тощей лошади, с люлькой поперек седла, помчалась в ряды скифов:

– Дайте нам копья! Мы сами будем драться! Умрем в бою!

Люлька на широком ремне, перекинутом через шею женщины, раскачивалась, а она хлестала кобылицу и неслась сквозь ряды задерживающих бег скифов.

Македонцы издали увидели тяжелые телеги, где их кони переломали бы себе ноги. Военачальники закричали слова команды, и с необычайной быстротой и искусством всадники повернулись, перестроились и, стараясь сохранить порядок, понеслись обратно.

Скифы, как стая легких собак, нападающих на тяжелого кабана, кружились и гнались вслед за уходившими македонскими всадниками.

Македонцы направились обратно к реке тем же путем, постепенно сдерживая бег, подбирая своих раненых и добывая раненых скифов.

Скифы напирали сзади, готовясь к новому удару. Сейчас отряд Гелона налетит на македонцев, перерубит канаты плотов, и тогда в рукопашной схватке можно покончить с владычеством Двурогого в Азии.

Но Гелон с отрядом не явился...

Македонцы свободно приближались к переправе, выдерживая натиск беспорядочно

наседавших скифов, а навстречу им уже двигалось подкрепление: извилистая линия лучников и пращников; за ними тесными рядами, блистающая медью, спешила пехота, прикрываясь бронзовыми щитами, готовая к рукопашному бою.

Яваны спешно переправлялись обратно на свой берег. Оттуда метательные машины с грохотом начали снова выбрасывать тучи стрел и камней, оттесняя скифов, пока последние плоты не оттолкнулись от раскаленного каменистого скифского берега...

По дороге к Мараканде, взбираясь с холма на холм, плелся серый ослик с двумя мешками, перекинутыми через спину. Сзади шагал Спитамен в рваной одежде; красный лоскут был обернут вокруг головы. Он шел ровной походкой, веткой подгоняя осла и беспечно тянул песню, переливчатую, как завывание ветра.

Он поглядывал на старые желтые стены Мараканды с густыми кустами в трещинах между зубцами бойниц и, хмурясь, отворачивался, когда порыв ветра доносил душную струю трупного смрада. Возле открытых ворот, где обычно стояла стража и лотки продавцов вареной требухи, сушеного винограда и сладких палочек из теста, теперь было пусто. На дороге, изрытой глубокими колеями, валялись цветные тряпки, лежала на боку телега с одним колесом.

Осел, насторожив длинные уши, обошел телегу и шарахнулся, наткнувшись на раздутый труп белой лошади. В стороне лежали в странных позах несколько людей; собаки лениво отбежали от них и остановились, высунув языки, когда путник бросил в них камнем.

После ворот начинались домики ремесленников, окруженные уроковыми деревьями. Здесь раньше перед двустворчатыми дверьми целый день сидели медники и выковывали молотками тазы, кувшины или бронзовые серпы. Теперь не было видно ни одного мастера. Дверцы распахнулись; на пороге лежало пестрое одеяло, повсюду валялись клочья соломы и разбитые черепки посуды.

Осел засеменял по узкой тропинке вдоль глиняного забора.

Странная тишина и безлюдье делали мрачными эти извилистые улицы, по которым раньше непрерывным потоком двигалась смеющаяся пестрая толпа.

Что-то сильно ударило Спитамена в щеку, и легкая деревянная стрелка отскочила и скатилась на землю. Он задержал осла и вошел в раскрытые ворота. «Что это было: знак предупреждения или западня?» Он привязал осла и прошел во двор с квадратным прудом посередине. Раньше когда-то Спитамен бывал здесь и знал хозяина – красильщика материй. И сейчас через двор были протянуты посиневшие от краски веревки, и на них еще висело несколько темных лоскутков.

Но где же сам мастер? У него было много детей, постоянно какие-то старые и молодые женщины полоскали холсты; где они? Пустынно и угрюмо, как выбитый глаз, глядела дыра в стене дома, и в ней запутался скомканный рваный ковер.

Новая стрелка пролетела мимо Спитамена, и тут он заметил на старом платане среди широких зубчатых листьев кудрявую головку мальчика. Он притаился за стволом и целился из самодельного лука деревянной лучинкой. Злые глазенки сверкали.

Спитамен подошел ближе, прикрывая лицо руками.

– Не подходи, а то убью, – пропищал ребенок.

– Подожди убивать, я друг твоего отца. Хочешь хлеба? – И Спитамен протянул ему сухую лепешку.

Мальчик схватил ее и стал жадно грызть, ворча, как звереныш, и вдруг заплакал. Слезы текли по щекам, и он утирал их грязным кулачком.

– Что с тобой, мальчуган, чего ты плачешь?

– Я боюсь здесь оставаться. Возьми меня с собой.

– Ты хочешь, чтобы я отвел тебя к отцу?

– Нет. Мой отец лежит в колодце, а мать – в пруду. Я их спрашивал, а они ничего не говорят. Их побросали туда злые яваны.

– Ладно, слезай. Я тебя поведу с собой. У меня есть осел, и ты поедешь на нем.

Мальчик, ловко цепляясь босыми ногами за кору дерева, спустился на землю.

– Теперь иди за мной и не отставай, пока яваны далеко.

Они направились вдоль забора и вышли за ворота к месту, где остался осел.

Трое яванов в медных шлемах с конскими хвостами стояли около осла, и один ощупывал мешки.

– Крупный ячмень, пригодится.

– Ты зачем бродишь по чужим домам? Грабить пришел? – крикнул другой явана, приподняв копье.

– Постой, не торопись его приканчивать. Мне он пригодится. Эй, варвар, есть ли вино?..

Хочу пить!.. – И македонец показал жестом, как он наливает и подносит чашу к губам.

– Я тебе сейчас найду его.

– Ты говоришь по-гречески? Да ведь ты будешь ценным слугой!

– Я ходил с караваном в Антиохию и там научился говорить на божественном языке эллинов.

Воин сдвинул шлем на затылок. Его лицо, заросшее густой курчавой бородой, сияло.

– Друзья! – крикнул он. – Мне привалило счастье. Я нашел себе хорошего раба. В него не придется вколачивать палкой наш язык.

Два других воина погнались осла.

– А у нас два мешка ячменя. Мы подкормим наших отоцавших коней. Это поважнее твоего божественного языка.

– Ты, наверное, расторопный мальи́й и сумеешь достать и ячменя для моего коня, и вина для меня. Ну-ка подойди сюда!

Македонец поднял щепку, ножом вырезал из нее квадратную дощечку, провертел дырочку и вдел красную нитку.

На дощечке он нацарапал свое имя: «Берда». Затем он крепко схватил ухо Спитамена, оттянул его и, прорезав концом ножа, продел нитку и завязал узелком.

– Теперь ты можешь быть спокоен: никто тебя у меня не отнимет. Так всем и говори, что ты раб Берды, конного копейщика.

Спитамен стоял совершенно спокойно, и смуглое лицо не дрогнуло, когда Берда прорезывал ему ухо. Он сказал:

– Ты хотел вина. Здесь есть погреб. Хозяин был гостеприимным и не раз угощал меня. Я, наверное, еще там найду кувшин старого вина.

– Пойдем, я выпью за доброе начало твоей верной мне службы.

Спитамен прошел двор, раскидал ворох старых листьев и откинул небольшую квадратную дверь. В глубине показались стоптанные ступеньки.

Он спокойно спустился в погреб.

– Есть! – донесся из глубины его голос. – Очень большие кувшины, в рост человека; надо перелить, а одному не справиться.

– Сейчас приду, – сказал Берда, прислонил к дереву копье и, положив ладонь на рукоять меча, тоже спустился в погреб.

Мальчик стоял в стороне, спрятавшись за дерево, и ждал возвращения явана и нового друга. Спитамен вышел один. Он тяжело дышал: в руке он держал небольшой пустой кувшин.

– А где явана? – спросил мальчик.

– Ему понравилось вино, и он там остался пить его, а потом будет там же спать. – Спитамен прикрыл дверь и снова засыпал ее листьями. – Теперь пойдем скорее, если ты хочешь, чтобы я накормил тебя.

Оба пошли по узкой извитой улице. В окровавленном ухе Спитамена болталась дощечка.

Навстречу попадались воины.

– Есть вино? – спрашивали они, хватая кувшин.

– Ищу для Берды, – отвечал Спитамен и направился дальше к середине города.

Главная улица, прорезавшая весь город, обычно полная народа, теперь была пустынна. Кое-где шли одинокие жители, прижимаясь к стенам. Несколько лавок было открыто, и возле них толпились македонцы. Они принесли большие узлы, и важные купцы^[150] невозмутимо разворачивали цветные одежды, шерстяные плащи, длинные покрывала и складывали их в кучи.

Купцы платили за эти награбленные вещи серебряными и бронзовыми монетами.

– Хочешь, дам один дарик?

– Один дарик за пять одежд? Да каждая хламида стоит четыре дарика! – кричали воины.

– Не хочешь, бери назад. У меня так много одежд, что я больше не могу покупать. Да вдобавок твои одежды в кровавых пятнах. Кто теперь их купит у меня?

В середине города, около ворот цитадели, на каменных выступях сидели часовые и метали кости. Спитамен заметил, что македонский гарнизон был незначителен – всего было, может быть, две-три сотни пеших и конных. Вся македонская армия двинулась дальше на восток грабить другие согдские города.

От цитадели дорога шла по мосту через глубокий ров, огибавший полукругом старые стены. Дальше начиналась самая густонаселенная часть города, где уже садов почти не было, а плоские крыши домиков лепились одна над другой бесконечной лестницей. Половина домов была разрушена пожарами, вспыхнувшими во время разгрома Мараканды македонцами, и в разных местах обугленные пепелища еще дымились. Обезумевшие старухи и истощенные дети бродили среди развалин, рылись в мусоре, отыскивая себе еду и вытаскивая обгорелые тряпки.

Спитамен прошел через пустынную теперь торговую часть и зашел в переулок, где жил его друг философ Цен Цзы. Дом был пуст, вместо амбаров с товарами торчали покосившиеся черные столбы. Старый слуга-индус испуганно выглянул из погреба и, узнав Спитамена, подбежал и припал к его груди.

– И ты тоже в горе, – сказал, всхлипывая, старик, указывая на дощечку, висевшую под ухом охотника.

– Это еще полгоря, – ответил беспечно Спитамен. – А где твой мудрый учитель?

– Не знаю, – ответил слуга. – Когда грабители пришли на нашу улицу, учитель подвязал сандалии, взял посох и пошел из города. Назад он не вернулся, и я не знаю, жив ли он.

Спитамен зашел в сад, где на подстриженных деревьях листья сморщились, охваченные жаром пылавших зданий. В бассейне часть красных рыбок всплыла белыми брюшками кверху. Беседка была разрушена, и только каменная статуя Будды по-прежнему кривилась насмешливой гримасой.

Мальчик, следовавший за Спитаменом, держась за подол его плаща, подобрал несколько разбросанных по дорожке пергаментных листков, написанных рукой Цен Цзы. Спитамен бережно сложил их и спрятал за пазуху. Через пролом в стене охотник и мальчик пробрались в брошенные сады и затем вышли на окраину города, где начинались песчаные холмы.

Там Спитамена дождалась группа всадников. На них были оборванные одежды, но все имели хорошие копыя, луки и секиры.

– Яваны сейчас расползлись по городу, как клопы, ничего не стоит перехватать их живьем. Мы должны пробраться на главную площадь и отрезать яванам путь в крепость. Где главный отряд?

– За холмом, в камышах Золотоносной реки.

– Вызывайте его – яваны ничего не ожидают.

– Спитамен, что у тебя за новая серьга в ухе? – смеялись всадники.

– Это мне награда за знание греческого языка. – Спитамен сел на подведенного ему высокого рыжего коня, надел пояс с мечом и взял в руки копье. – Кукей, возьми к себе на коня этого мальчика. Из него вырастет хороший защитник крестьян.

Из-за холма показалась вереница товарищей Спитамена и через проломы в стене быстро понеслась в город.

Будакен очнулся. Было темно. Что-то навалилось на него, ноги невыносимо болели, и он не мог пошевелить ими. Рук он не чувствовал. Только глаза видели, что в ногах поперек него лежит большая туша. Над ней темнеет небо. В небе, мерцая, переливаются звезды.

Будакен приподымает голову, через силу поворачивает ее и снова опускает на камень.

Теперь его взор охватывает равнину, упирающуюся в горы. Неясные клочья тумана плывут и отделяются от земли. Луна выбирается из дымчатой паутины и катится по черно-синему небу, как голова, срезанная ударом меча.

Что за туша лежит в его ногах? Теперь он различает круп коня; одна нога с подогнутым копытом уперлась в небо. Нога коня начинает шевелиться и раскачиваться, и вся туша дергается.

Будакен издает хриплый стон. Послышалось ворчание, шорох и царапанье когтей.

Но где же люди? Куда они отхлынули? Их были тысячи – саков и этих надменных яванов, одетых в панцири, непроницаемые для скифских стрел.

Будакен оглядывается. Туманы отрываются от равнины и плывут по небу. Двигаются черные тени: они пробираются гуськом, бесшумные, одна за другой, уткнув острые носы в землю. Это волки. Они собираются стаями и крадутся следом за саками, когда те выступают в поход.

Не они ли были сейчас здесь? Но почему бессильны руки? Звери могут изгрызть лицо Будакена: он не в силах, как раньше, задушить их своей могучей хваткой...

Будакен напрягает все свои силы и со стоном приподнимает голову. Он видит около себя камни. Нет, это не камни. Кто-то в упор смотрит на него. Что это за черное лицо? Глаза навывкате со светлым ободком белков. Оскаленные крупные зубы. Белеют бусы-ракушки на черной шее. Кто он? Почему он пристально смотрит и не говорит? Будакен вспоминает чернокожего воина, бросившегося ему наперерез, чтобы загородить македонского царя от будакеновской воюющей палицы. Он лежит теперь, как брат, рядом с Будакеном, и в глазах его застыло удивление: он уже увидел мост Чинвад и позади него ивы, склоненные над шестью потоками воды, дающей бессмертие и забвение горестей.

Когда же сам Будакен доберется до моста Чинвад, за которым все богатыри, умершие в бою, получают вечную радость, сидя на облачных курганах, и вспоминают свои походы за чашами, всегда полными бузата? Что его тянет назад к шатрам? Перед ним смеющееся молодое лицо сына Сколота, который шепчет: «Я друг Двурогого. Я ношу красное платье и перстень явана. Я помогаю царю Азии надеть цепи на вольных саков...»

Яростный хрип с клокотанием вырывается из груди Будакена; он чувствует кровь в горле. Небо, луна и лошадиная нога кувыркаются, проваливаются, и опять глубокий, бездонный мрак застилает глаза...

Яркое солнце так слепит, что трудно приподнять веки. Ресницы кажутся забором из толстых жердей, за которыми горит оранжевое небо. Будакен приоткрывает один глаз.

На его груди сидит птица. Она кажется громадной, как полнеба, черная, с синим отливом, освещенная ярким лучом. Она отвернула в сторону длинный клюв и наблюдает круглым глазом.

Это ворон. Он делает осторожный шаг к лицу Будакена и опять, отвернув клюв, всматривается зорким, внимательным глазом.

Будакен жмурится... Чувствует на лице прохладное веяние крыльев. Птица подскочила и отлетела в сторону, где сцепилась с толпой воронов, усевшихся на животе лошади. С испуганным карканьем птицы поднялись в воздух и закружились: на тушу лошади опустился громадный орел с лысой шеей.

Сложив могучие крылья, он важно посматривает кругом, поворачивая голову с загнутым вниз клювом.

«Он уже сыт, потому и не клюет», – мелькает мысль у Будамена, и снова он впадает в дремоту. Теперь ему все равно... Мост Чинвад прекрасен. Он весь сделан из длинных хрустальных нитей, на них нанизаны белые ракушки. Нити протянулись над глубокой синей пропастью. Ветер раскачивает эти бусы... Разве они выдержат такого тяжелого воина, как Будамен?

...Если сюда придут саки, они вытащат Будамена из-под коня и, может быть, спасут его. Если придут македонцы, они добьют его. Если придут бродячие дахи, они задушат его камышовой петлей, снимут одежду, ожерелье, сапоги и срежут золотые удила. После битвы дахи приходят обдирать павших воинов.

Шаги и тихие голоса. Что они принесут: смерть или спасение? Все равно. Только бы услышать человеческую речь, увидеть живые лица. Будамену уже трудно раскрыть глаза. Веки, искусанные за день конскими мухами, напухли. Шаги ближе. Мягкий шорох ног по камням. Чья-то рука трогает лицо и пробует приоткрыть слипшиеся гнойные веки...

– Отец, жив ли ты? Дай я закрою ладонью твой рот, чтобы душа не вылетела из твоего тела раньше, чем ты услышишь меня. Это я, Сколот, – я убежал из плена. Я обошел всю долину и обшарил все кусты, чтобы найти тебя. Отец, раскрой свои смелые глаза... Твой Сколот перед тобой.

Из горла Будамена вырвался приглушенный стон.

– Он жив. Саки – крепкие воины, – шепчет старческий голос. – Если хрипит, то потом и заговорит. Отвалим сперва коня, а потом мы его снесем к ручью.

Холодная вода льется на распухшее лицо Будамена, промывает глаза, и он раскрывает тяжелые веки.

Перед ним Сколот – худой, с растрепанными волосами. Его одежда в клочьях. Грязь и царапины на лице и голых руках.

Рядом худой старик с выпуклым лбом, с длинными прямыми седыми волосами. На нем кожаная одежда дахов и ожерелье из птичьих когтей.

– Это старик дах, он вылечит тебя. Он мудр и знает, как заживлять боевые раны.

– Сколот! Скажи правду, предавал ли ты родное племя?

– Отец, они хотели, чтобы я рассказывал про все дороги, про все источники, про нашу воинскую силу. Они обещали, что я буду сакским князем над князьями. Но я им не сказал ни на пылинку правды и ждал минуты, когда смогу убежать в родные степи. А когда в ночной тишине я наконец услышал ржание наших жеребцов из-за Яксарта и увидел тревожные дымки на холмах, бросился в реку. Я переплыл ее, и раны от трех меня догнавших яванских стрел до сих пор гноятся на моих плечах...

– Где яваны?

– Все вернулись обратно за реку и залечивают раны от сакских мечей.

– А Гелон?

– Гелон изменил нам. Он увел свой отряд в ущелье, а сам перебежал к Двурогому.

– Тохар, собака! Он мог живьем взять Двурогого, а теперь лижет ему лапу. Где мой карий?

– Карий ускакал к мосту Чинвад, а здесь, на твоих ногах, лежит его мертвая туша.

Будамен замолк. Глаза его опять слиплись, и Сколот с тревогой отгонял назойливых синих мух.

Наконец губы Будамена тихо прошептали:

– Сын мой, теперь я могу спокойно ступить на мост Чинвад...

Со дня битвы с заречными скифами в шатер базилевса никого не пускали. Тяжелый персидский ковер завешивал главный вход, и перед ним застыли македонские часовые в шлемах, по-боевому опущенных на лицо, и с копьями, приставленными к правой ступне.

Часовые сменились несколько раз, но базилевса они все еще не видели.

В соседний шатер начальника походной канцелярии Эвмена приходили македонцы, и знатные этэры, и простые воины, выборные от отрядов, – все требовали свидания с базилевсом.

– Кроме врача и главного жреца-гадателя, базилевс никого не принимает.

– Он ранен или болен?

– Болен животом, – сухо отвечал Эвмен.

Зная непреклонное упрямство базилевса, все возвращались в свои палатки, где стоял гул от криков и стонов. После этой битвы раненых было очень много – не так, как в предыдущих боях. Раны, нанесенные скифскими стрелами, воспалялись, вздувались, и воины, с выпученными глазами, горели в лихорадке, крича непонятные слова.

Лекари обходили раненых, выдавливали гной, втирали целебные мази, шептали молитвы богу Асклепию, исцелителю страждущих, но раненые все же умирали во множестве в жестоких страданиях.

Но еще страшней были удары скифских копий с крюками и палиц, раздроблявших кости. Хотя лекари зашивали зияющие раны, но раненые уже навсегда оставались калеками и, не думая больше о боях, обсуждали, где в Согдиане им будут выданы земли и сколько рабов они получат.

Во всем лагере громко говорили, что поход в Азию пора закончить, что у согдов очень плодородные земли, не то что на родине, в скалистой Македонии или Греции, пора воинам за их заслуги, оказанные базилевсу, получить в награду вдоволь и золотистой пшеницы, и румяных яблок, и полезного для здоровья лука и чеснока. Калеки перечисляли все, что хотели иметь: и длиннорогих быков, и стройных коней, и черноглазых согдских девушек с шестнадцатью длинными косами.

– Одно плохо, – жаловались воины, – согдские крестьяне еще очень непокорны, как необъезженные лошади: цепляются за свои земли, не желая отдавать их, и косятся на нас, как волки, забывая, что сами боги решили сделать македонцев и греков господами всех народов Азии.

– Македонцам опасно поодиночке входить в согдские селения, – говорили другие, – они исчезают бесследно. Говорят, что это дело разбойничьих шаек во главе с неуловимым Спитаменом, который умеет превращаться и в зверя, и в птицу, и в скорпиона.

– Незачем идти дальше, пора остановиться! – был общий голос лагеря. – А в земли скифов нечего больше соваться. Какая там может быть нам прибыль? В колодцах вода соленая, чеснок не растет, быки мохнатые, как медведи, и на них ездят верхом, а лошадей скифы доят, как коров. Нет, пора остановиться и начать делить между воинами завоеванные земли.

Через два дня после битвы в шатер Эвмена пришли высшие македонские военачальники. Коренастые, с толстыми шеями и большими выдающимися подбородками, с могучими плечами, македонцы шагали тяжелой поступью буйволов. Войдя в шатер, упершись кулаками в бока, они окружили Эвмена.

По краям шатра стояли столбиками одна на другой кожаные круглые коробки, каждая за соответствующей буквой; в них хранились свитки с отчетами македонских епископов, [\[151\]](#) приставленных к персидским сатрапам. Здесь же хранились письма начальников македонских отрядов, разбросанных по всем главным путям великого Персидского царства, донесения

правителей Сирии, Финикии, Египта и, наконец, подробные описания походов базилевса, изложенные красноречивым Анаксименом, Каллисфеном, Марсием, Харесом и другими, которые следили за тем, чтобы ни один шаг, ни одно слово «покорителя Вселенной» не пропали бесследно для потомства.

Эвмен, плохо выбритый, с усталым, изборожденным морщинами лицом, растянулся на лежанке, покрытой шкурой барса, а четыре раба-писаря сидели перед ним на ковре и одновременно записывали на пергаменте то, что он им диктовал:

– «Варвары не выдержали ни взора, ни криков, ни мощных ударов непобедимых наших воинов. Они во весь дух обратились в бегство. Раздраженные воины преследовали их до поздней ночи. Все варвары увидели, что ничто не может противиться македонцам...» Вот так, как я продиктовал, понравится базилевсу.

– Эвмен, что делает базилевс?

– Чистит оружие. А когда базилевс начинает сам чистить оружие, это значит, что он в ярости и ждет, на ком излить свой гнев.

– Пускай гневается. Нам все равно надо говорить с ним.

Эвмен ударил в висевший бронзовый щит, и в шатер вбежал один из испытанных воинов, телохранителей базилевса, бывших при нем неотлучно. Воин проскользнул в малиновый шатер и, вернувшись, объявил, что царь Азии зовет к себе всех пришедших.

Оправляя складки плащей и откашливаясь, македонцы один за другим прошли за персидский ковер.

Базилевс сидел на складной табуретке в голубой безрукавке. Руки его до локтей были выпачканы салом и грязью. Перед ним на коленях стоял оружейник-перс, тощий старик, с худой, жилистой шеей. Ремешок вокруг головы поддерживал его седые вьющиеся волосы.

Базилевс скользнул по каждому вошедшему угрюмым, недоверчивым взглядом. На македонское приветствие: «Да живешь много лет!» – красиво очерченные губы отрезали коротким греческим: «Хайретэ!»

Македонцы опустили полукругом на ковер, подтянув под левую руку подушки.

– Раненых много? – спросил Александр.

– Редко кто не ранен стрелой – скифы стреляют без промаха. Почти все наши кони подбиты.

– Это плохо. Для меня сейчас один конь важнее десяти воинов. А пригодны ли захваченные скифские кони?

– С ними нет сладу. Кусаются, как собаки, прыгают козлом на месте и сбрасывают всадников.

Перитакена, которого все презирали за бесстыдную лесть, вкрадчиво сказал:

– О блистательный сын Амона! По твоим прекрасным глазам я вижу, что ты придумал изумительный план, от которого скифы разлетятся, как стаи дроздов.

Александр молчал и усердно тер меч, обмакивая тряпку в кирпичный порошок:

– А что скажешь ты, Никанор? Что надо сделать, чтобы раздавить скифов?

Пожилой широкоплечий македонец наклонил круглую упрямую голову:

– Побить их хорошенько, чтобы сто лет помнили нас.

Александр встрепенулся:

– Я думаю то же самое. Надо продолжать поход. Надо ворваться в самое сердце Скифии, разгромить их крепость Чач.

Другие македонцы, зная вспыльчивый нрав базилевса, молчали. Их глаза, навывкате, как у быков, были непроницаемы.

– Ну что же вы молчите? Птоломей, разве не надо сейчас же идти дальше?

– Вот попробовали, да ничего не вышло. Мы с ними воевать не можем.

– Почему?

– Разве у нас была такая победа, к каким мы привыкли? – спросил Клит, прозванный Черным за смуглую кожу. – Воевать со скифами – все равно что вепрю воевать с орлами. Мы гонимся за скифами, а они разлетаются, как птицы, и сейчас же заворачивают и нападают с других сторон. Необходимо остановиться, ибо...

– Постой, Клит! – прервал Эвмен. Он очень редко высказывал свое мнение, предпочитая исполнять приказания базилевса, поэтому все внимательно прислушались, что скажет начальник канцелярии. – Скажи мне, базилевс, чего ты хочешь? Я, разумеется, не сомневаюсь, что ты сумеешь разбить скифов и занять их крепость Чач, и Роксонаки, и другие города. Но стремишься ли ты к тому, чтобы стать владыкой безводной пустыни и заставить македонских воинов доить кобылиц? (Перитакена и Никанор уже готовы заняться этим почтенным делом.) Или же ты хотел бы стать владыкой более плодородной страны, такой, как богатая Индия, откуда персидские цари получали слонов, павлинов, золото, алмазы, цветные камни, цейлонские жемчуга и чудеснейшие ткани, пряности и все другие богатства Востока? Не будут ли подобные вещи получше, чем сушеный скифский сыр и кобылье молоко?

– Но разве можно говорить об Индии, когда скифы перед нами! – сердито ответил Никанор. – Если мы теперь повернем в Индию, то скифы скажут, что мы их испугались, и пойдут следом за нами.

Эвмен пожал плечами:

– Почему они пойдут следом за нами, а не вместе с нами?

Александр перестал скоблить кирпич и удивленно поднял глаза на Эвмена:

– Ты думаешь, что скифы пойдут на переговоры?

– Простые скифы хотят драться, но ими руководят князья. И я напомню мудрые правила твоего отца, царя Филиппа. Не он ли сказал: «Стены крепости, которые нельзя взять приступом, легко перешагнет осел, нагруженный золотом»?

– Я думаю то же самое! – воскликнул, вскочив, Александр. – Нам нужно переманить к себе войско скифских всадников. Вот это настоящие воины! Гефестион, не пожалей золота. Начиная с князей – все князья любят звон золотых монет.

В шатер вошел воин и, откинув полог, пропустил запыленного гонца в персидской одежде.

Гонец поднял руку со свертком, как бы желая бросить его на ковер – знак спешности, и передал его базилевсу. После этого он зашатался и упал без сознания.

Все затихли, следя, как Александр отламывал восковые печати и пробежал, нахмурившись, греческие скорописные строки.

– Уберите отсюда гонца. Выдать ему награду! – Базилевс махнул рукой, и воины вынесли гонца. – Я получил три донесения. Мараканда осаждена бандой восставших согдов во главе со Спитаменом. Отряд македонцев в шестьдесят человек, выехавший в селение за кормом для лошадей, весь перебит – опять бандой под начальством Спитамена. Наконец, около Наутаки разбойники под начальством Спитамена же напали на мой караван, шедший из Экбатаны, и разгромили его. Что это за Спитамен, который сразу появляется в трех местах? Этот человек – бог или три человека? Переводчик!

Эвмен откинул полог и крикнул:

– Якир!

Тонкий молодой сириец с бледно-матовым лицом и шапкой курчавых волос, стянутых медным обручем, опустился у входа на колени.

Македонцы посматривали друг на друга и покачивали круглыми головами. Базилевс склонился к старому оружейнику-персу, сидевшему на ковре у его ног, и толкнул его ногой:

– Эй, бобо! Ты знаешь, кто такой Спитамен?

На лбу у старика собрались бесчисленные складки, точно ему доставляло громадную трудность вспомнить, кто такой Спитамен.

– Спитамен – это сияющий, как солнце, это храбрец, который никого не боится.

– А сколько Спитаменов – один или много?

Старик сложил на животе руки и с извиняющимся видом сказал:

– Не сердись, пожалуйста, на меня, но я не знаю.

– Где персидские князья? Что они делают? Они ведут праздную жизнь без всякой пользы.

Позовите-ка мне их сюда.

Приказания базилевса исполнялись быстро, так как медлительных он колотил рукояткой меча.

Шесть персидских князей явились с распухшими от сна лицами и в беспорядочно накинутой одежде.

Александр прищурил глаза и уставился на обрюзгшего, толстого Датаферна, который под его холодным взглядом начал переминаясь с ноги на ногу и пятиться.

– Ты знаешь Спитамена?

Датаферн оглянулся на других князей.

– Кто это – Спитамен? Вы слышали о таком? – спросил он шепотом.

– Какой это Спитамен взбунтовал ваших крестьян и с ними нападает на моих воинов? Вы всегда ничего не знаете! На что мне такие помощники?

– О великий, о прекраснейший! – заговорили князья. – Прикажи, что тебе нужно, мы все сделаем.

– Спитамен – это, наверное, один из разбойников, которые бродят всегда по большим дорогам, – сказал бывший сатрап Фарнух. – Дай нам отряд твоих непобедимых македонцев, и через семь дней мы притащим его связанным к твоим ногам.

– Смотрите же, чтобы через семь дней или живой Спитамен, или голова его была здесь, передо мной, иначе сами вы потеряете головы.

В тот же день тысяча македонских всадников спешно двинулась по направлению к Мараканде. Возле начальника отряда Менедема ехал Фарнух, он уверял, что знает все уловки Спитамена, и обещал немедленно захватить его живым.

Ловля Спитамена

Фарнуху не удалось в семь дней, как он обещал, поймать Спитамена. Когда тысяча македонских всадников Менедема, с которыми ехал Фарнух, прибыла к стенам Мараканды, там уже не оказалось отряда Спитамена. Из ворот цитадели вышли воины, истощенные, едва держась на ногах, так как они съели всех лошадей, уже начали есть крыс и саранчу и были накануне сдачи.

Менедем со своей тысячью помчался на север, куда уходили дерзкие бунтовщики Спитамена, не признавшие царя Азии. Но из всего отряда с трудом притащились обратно несколько всадников.

– Весь отряд вырезан и частью утонул в болотистых разливах Золотой реки, – говорили всадники. – Спитамену помог отряд скифов. Мы спаслись только благодаря выносливости и скорости наших коней.

– А где Фарнух?

– Фарнуха скифы привязали за ноги к хвосту дикого коня и погнали его в степь.

Македонцы снова укрылись в цитадели Мараканды, когда конница Спитамена пронеслась по городу и заняла все перекрестки дорог.

Александр продолжал оставаться в Ванкате, где он строил новый город, назвав его в честь своего имени Александрией. Он вел переговоры со скифскими князьями о заключении «союза дружбы» и через лазутчиков изучал дороги на восток. Посредником был перебежавший на его сторону тохарский князь Гелон.

Известие о гибели отряда Фарнуха, посланного наказать Спитамена, привело Александра в ярость. Планы о дальнейшем движении на восток были оставлены. Немедленно с наиболее подвижной частью войска базилевс направился к Мараканде, где Спитамен снова осаждал македонский гарнизон. Вся остальная армия также двинулась к Мараканде.

Скифские князья, получив богатые дары, в знак верности обменялись с Александром копьями и поклялись, что не будут угрожать новому городу Александрии и переходить через реку Яксарт.

Александр помчался со всей конницей по следам ушедшего Спитамена и дошел до места гибели отряда Фарнуха, где наскоро похоронил тела убитых воинов. Он продолжал гнаться по пустынной равнине, но все следы Спитамена были потеряны.

Ему попался только одинокий молодой скиф, который вел за повод серого верблюда. Между горбами сидели молодая женщина и мальчик.

– Здесь никаких всадников я не видел, – объяснял кочевник. – Здесь начинается пустыня, через которую мы стараемся скорее пройти, чтобы не погибнуть от жажды и зноя.

– Что же тебя заставляет бродить в такой пустыне? – спросил базилевс. – Разве не лучше тебе жить в плодородных долинах Золотой реки?

– Здесь земли не принадлежат никому, а там всю землю поделили между собой князья.

– Как же тебя зовут, свободный варвар?

– Меня зовут Левша-Шеппе, потому что я люблю идти влево, когда бич погонщика гонит баранов вправо. – И кочевник с верблюдом зашагали равномерной походкой, не обращая более внимания на блистающих латами всадников.

– Какое бессмысленное лицо у этого варвара! – заметил Перитакена.

– Он отличается от верблюда только умением говорить, – сказал Александр. – Но Спитамена я все-таки поймаю и посажу на кол. Наверное, он не такой простак, как этот доитель кобыл.

Вернувшись в Мараканду, базилевс со своей армией оказался в положении змеи, попавшей в кольцо раскаленных углей. Кругом, и в Согдиане, и в Бактрии, вспыхивали восстания.

Крестьяне убегали в горы и леса и нападали на разъезжавших за продовольствием македонцев.

Александр беспощадно расправлялся с селениями, где происходили столкновения с его воинами. Он вытребовал из Греции новые подкрепления из молодых македонцев и наемных греков.

Наконец он решил внести успокоение в страну самыми решительными мерами. Он разделил Согдиану на участки, и в назначенный день посланные туда отряды должны были вырезать поголовно все взрослое население.

Александр с отдельным отрядом прошел в горы, куда укрылись жители Курешаты и других разрушенных городов. Оттуда его воины вернулись с богатой добычей, а сам базилевс привез персидскую княжну Рокшанек и объявил, что сделает ее своей женой.

– Мой брак соединит Азию и Европу, – объяснял базилевс своим приближенным. – Согдские князья не будут больше считать меня чужеземцем, когда их княжна станет женой царя царей. А с населением нечего считаться – половина его успокоилась в земле, а для другой половины я устрою великолепные игры, состязания воинов и другие увеселения в день моей свадьбы.

Спитамен продолжал давать о себе знать удачными набегами, и Александр снова призвал к себе персидских князей.

– Уже прошло не семь дней, как обещал глупый Фарнух, а семь месяцев. Однако вы до сих пор не сумели заманить и привести мне Спитамена. Я вам дам в помощь человека, самого хитрейшего из смертных. Он вам поможет найти и поймать создание тьмы и злого духа – неуловимого Спитамена.

И слуги ввели в залу бродячего аравана, которого часто видели на площадях, где он пророчествовал, давал лекарства для исцеления больных и, как безумный, предсказывал скорую гибель мира.

Высокий и тощий, как скелет, черный от грязи, с длинными, до пояса, космами вьющихся бурых волос, в шерстяных лохмотьях, он смотрел большими горящими глазами, и на темном лице выделялись длинные желтые верблюжьи зубы. Посвятив себя служению богу, он не стриг от рождения на ногах ногтей, и они, искривленные завитками, стучали по каменному полу, когда он подходил к князьям.

– Поймать Спитамена? Хорошо, я могу, я все могу, – говорил араван, и его большой рот растягивался до ушей. – Но его надо, поймав, сейчас же сжечь на костре, иначе он обратится в летучую мышь, вспорхнет и исчезнет.

* * *

В горах, к югу от Мараканды, в глухом ущелье, над обрывом, с которого свергался неугомонный водопад, горели костры. Несколько десятков людей в лохмотьях одежд, с мечами и копьями сидели около огня. Некоторые из них имели на себе персидские или македонские панцири. Невдалеке, по склону горы, паслись стреноженные поджарые кони.

Большой бронзовый котел был поставлен в груды раскаленных углей. Похлебка кипела ключом, и темная пена, подымаясь с одного края, шипела, падая на огонь.

– Друг или враг, стой! – послышался оклик часового, спрятанного в кустах.

– Мы ищем помощи и защиты! – послышался ответ.

– Эй, Таракан, прощупай-ка, кто это пробирается к нам.

Пожилой крестьянин, подняв короткое копьё, спустился в кусты. Оттуда слышался спор. Таракан вернулся; за ним шли двое: один – лохматый, с длинными космами, нищий, в грязной, засаленной одежде атравана, другой имел вид знатного перса; лицо его было обрюзгшее, в поясице он был шире плеч, богатая красная одежда туго перетягивалась кожаным поясом с мечом.

– Эй, занозы, – сказал Таракан, – эти люди твердят, что хотят видеть Спитамена, что они желают сообщить ему важные новости. – Он хитро подмигнул прищуренным глазом.

– Выслушать их или сбросить со скалы?

– Пускай нам говорят! Сбросить к шакалам! – раздались грубые голоса.

Атраван заговорил первый:

– О храбрые защитники родины! Весь небосвод, великий бог Ахурамазда и весь мир смотрят на вас и восхищаются вашей доблестью. Вот князь Датаферн – он был левой рукой у Бесса и хотел вместе с ним не допустить Двурогого в наши земли. Но Двурогому помогали все злые духи, и он залил кровью наши земли.

– Пускай говорит князь Датаферн. Чего ты поешь вместо него?

Датаферн заговорил мягким вкрадчивым голосом:

– Я давно хотел найти вас, чтобы вместе с вами бороться против проклятых яванов. Но никто не мог указать, где ваш неуловимый вождь Спитамен. Наконец я увидел огни в горах и пошел прямо на них.

– Говори прямо, чего тебе надо от нас.

– Я хочу быть вместе с вами и помочь вам. Где ваш вождь Спитамен? Здесь ли он?

– На что он тебе? Мы все заодно. Говори прямо.

Датаферн подумал и ответил:

– Пусть будет по-вашему. Может быть, вы мне не верите, но то, что я вам сейчас скажу, покажет, что я действительно заодно с вами и готов все отдать на общее дело. Когда Двурогий подходил в первый раз к Мараканде, мой отец боялся, что яваны разграбят все те богатства, которые скопил еще мой дед. Он нагрузил верблюда золотом и серебром и с верным слугой ушел к горам и около Агалыка закопал все это в землю. Отец оказался прав. Вы сами знаете, что яваны в свои походные мешки умеют прятать целые города. Они отняли все, что было у нас в доме, и мой старый отец умер от голода, потому что не мог попасть в Агалык.

– Однако твой толстый живот показывает, что ты не страдал от голода! – воскликнул кто-то.

– Не смейся, неразумный! – ответил Датаферн. – У нас уж порода такая, я остался толстым, несмотря на все несчастья, которые я перенес от яванов и Двурогого царя. Но я не могу оставаться спокойным. Я хочу вместе с другими смелыми бойцами бороться против злодеев, которые душат нашу родину. Я и пришел к вам, чтобы отдать на общее великое дело борьбы с Двурогим все, что я имею. Там, в Агалыке, закопано много богатств моего отца, на которые можно купить оружие, коней...

– Вы, смелые воины, можете разделить его между собою, – добавил лохматый атраван.

– Но чтобы достать из земли клад, мне нужно, чтобы ваши молодцы поехали со мной, выкопали его и увезли на быстрых конях. Там может встретиться отряд яванов, который все отберет.

Начался спор. Одни стояли за то, чтобы клад разделить, другие – чтобы отдать на общее дело, третьи – чтобы сперва привезти, а потом решать, что с ним делать.

Наконец постановили: атравана оставить заложником до возвращения князя Датаферна, а с ним немедленно отправить десять всадников на свежих конях.

Когда Датаферн и всадники скрылись в темноте, атраван присел на корточках к огню, и его большие глаза, отражая свет костра, горели, как красные огоньки. Возле него, как тень, появился Спитамен. Он спустился легкими прыжками с горы, с той стороны, откуда никто не ждал его. Как обычно, красная повязка окружала его голову, серая рубаха была затянута кожаным ремнем, и мягкие сыромятные сапоги делали бесшумными его шаги.

– И ты, черный ворон, появился у нас? Какое несчастье принес ты с собой?

Атраван встрепенулся, подскочил, но Спитамен ухватил его за подол бурой одежды.

– Оставь меня, не тронь! Я священный атраван и слуга сияющего Ахурамазды. Он поразит тебя молнией и громом, если ты будешь касаться меня.

Но Спитамен крепко держал шерстяную ткань и, выхватив нож, разом отсек большой кусок одежды и бросил его на пылающие красные угли.

– Эй, молодцы, посмотрите, что сейчас покажется из этого лоскута!

Атраван хотел выхватить лоскут из огня, но десяток рук держали его.

Лоскут задымился, вспыхнул, быстро прогорел, а в пепле показалось несколько золотых монет с изображением персидских царей и сатрапов...

– Вот золото, за которое этот гнусный червяк продавал Двурогому своих братьев. Он хуже вора и убийцы!

Несмотря на свою худобу, атраван был очень силен. Он раскидал всех, кто его держал, и вырвался, оставив в их руках клочья своей одежды.

– Ахурамазда, ты всемогущ, сделай меня летучей мышью! – заревел он и диким прыжком бросился с обрыва.

Через несколько мгновений отдаленный шум покотившихся камней донесся из глубины темной пропасти.

– Неужели вы не догадались, простаки, – сказал Спитамен, – что это был лазутчик Двурогого? Бросьте в огонь его одежду! В ней насекомых столько же, сколько монет. И вы увидите, что под каждой заплатой у него были защиты не только персидские монеты, но и яванские, с головой Двурогого.

Странная голова

Базилевс, усмирив железом, кровью и огнем Согдиану, отдыхал в Мараканде, в бывшем дворце Бесса.

По вечерам, к ужину, собирались его ближайшие помощники, высшие начальники отрядов и знатнейшие персы.

Возле него расположилась на лежанке, покрытой ценным финикийским малиновым, расшитым золотыми звездочками покрывалом, молодая царица Азии Рокшанек – ее базилевс переименовал в Роксану. Она смотрела удивленными, расширенными глазами на базилевса, на его мускулистых, неуклюжих македонских товарищей, и на лице ее вспыхивал страх, когда громадный кубок Геракла обходил пирующих и каждый залпом осушал его.

Александр мало обращал внимания на нее. Она послужила ему забавой только несколько дней, а затем он занялся планами новых походов.

Когда Александр рассказывал о своих многочисленных подвигах, вошел воин и остановился, ожидая взгляда базилевса.

– Что случилось?

– Князь Датаферн просит принять его.

– Пусть войдет. Целый месяц его не было. Посмотрю, с чем он явился.

Толстый Датаферн показался в дверях. Мышиные глаза его бегали по сторонам. Он тяжело дышал.

Александр стремительно приподнялся с лежанки.

Датаферн повернулся и втокнул в залу молодую худощавую женщину. Она остановилась, бессильно опустив руки. Голова ее была закутана белой шерстяной шалью, красные, расшитые узором концы шали ниспадали до пола. Малиновая одежда была разорвана и запылена. Глаза смотрели прямо, ничего не видя.

Александр ожидал забавного приключения, какие обычно ему устраивали персидские князья, и крикнул:

– Это что за куропатка? Подведи-ка ее поближе.

Датаферн взял за руку женщину и повел ее через залу по шелковым коврам к тому месту, где возлежал базилевс. Другой рукой князь тащил полосатую торбу, которую согды обычно подвязывают лошадям для корма.

– О величайший! – воскликнул Датаферн, упав возле Александра на колени и подымая двумя руками полосатую торбу. – Я принес тебе дыню, которую ты давно ждешь.

– Какая дыня? Покажи!

Датаферн опустил торбу на пол, вытянул из нее сперва персидский башлык, затем запустил в нее обе ладони и вынул человеческую голову. Он держал ее за волнистые волосы, повернув лицом к Александру.

В зале все затихло. Все поднялись со своих мест и приблизились, желая увидеть странное мертвое лицо.

Это была голова молодого согда или скифа – восточные очертания слегка скуластого лица. Веки были полузакрыты, и печать задумчивости навеки сковала последние движения молодого лица. Оно было по-своему прекрасно. Легкий темный пушок на верхней губе говорил о юных еще годах, и грустный изгиб рта создавал впечатление искренности и правдивости.

– Кто это? – глухо прозвучал голос базилевса.

– Спитамен! – торжествуя, воскликнул Датаферн.

– Мне эта голова нравится, – сказал Александр, – и мне жаль, что я не могу всегда возить ее

с собой среди таких моих трофеев, как щит и лук Дария или перстень, снятый с руки Бесса... Лисипп!

– Лисипп, Лисипп, – зашептали голоса, – базилевс зовет тебя.

С лежанки поднялся пожилой грек, знаменитый ваятель, которому Александр поручал отливать из бронзы свои изображения для установки в храмах.

– Я здесь, базилевс, и слушаю тебя.

– Сумеешь ли ты вылить из бронзы такую же точно голову? Это был храбрейший из моих противников. Он не бегал от меня, как другие, а сам нападал.

– Я сделаю, базилевс, – ответил спокойно Лисипп, подойдя к голове и всматриваясь в застывшие черты. – Это прекрасный образ мужественного варвара. Но я должен сейчас же приступить к работе, пока разрушение, которое несет смерть, не изменило этого лица. – Он бережно завернул голову в башлык и вышел с ней из залы.^[152]

– А ты кто? Как зовут тебя? – обратился Александр к молодой женщине, стоявшей неподвижно с застывшим печальным лицом.

– Меня зовут, – сказала она среди общей тишины, – Томирис, а тебя, если ты Двурогий, зовут Проклинаемый людьми...

Переводчик-сириец, услышав эти слова, запнулся...

Базилевс взглянул на него:

– Что она сказала? Переведи!

Когда сириец шепотом перевел ее слова, базилевс, указывая на женщину рукой, отчеканил:

– Я хотел наградить ее, одеть в шелковые одежды, бросить ей талант золотых монет. Я всегда щедро награждаю своих врагов, если они мне покоряются. Но дерзких я жестоко наказываю. Только ради моей радостной свадьбы я не казню ее. Выгоните эту злую волчицу бичами, чтобы она скиталась по дорогам, как нищая!.. Царица Роксана, – обратился базилевс к Рокшанек, – отврати твой невинный взгляд от этого животного в образе женщины. Играйте, пойте песни!

Музыканты встрепенулись, флейты залились под переборы арф. Слуги-персы подхватили Томирис и грубо поволокли ее к выходу.

* * *

Воин проводил Томирис до ворот дворца. Она шагнула в темноту и, шатаясь, пошла вдоль стены, опираясь на нее руками.

Темная фигура вынырнула из мрака, перегородила дорогу.

– Томирис... – проскрипел тихий голос.

– Шепе, почему ты здесь?

– Мои друзья следили за тобой, но не могли выручить. Идем скорей отсюда.

Взяв Томирис за руку, Спитамен прошел по узкому переулку, осторожно переводя ее через поперечные канавы, и вышел к повороту, где чернел силуэт высокого верблюда.

– Наконец вы пришли, – сказал детский голос. – Проходили мимо яваны, и я боялся, что они схватят нас.

Спитамен поднял Томирис и помог ей усесться между пушистыми горбами верблюда.

– Теперь с верблюдом нас четверо, – говорил Спитамен, шагая по неровной дороге, – и мы не пропадем.

Верблюд сопел и мерно ставил в пыль свои большие ноги.

Снова послышался голос Томирис:

– Чью голову лживый персидский князь подарил Двурогому?

– Голову одного из наших товарищей. Князя поймали неосторожного храбреца. А так как князя жадны и всегда лгут, то выдали его голову за мою. Но на место убитого встанут новые борцы за свободу нашего народа. Теперь и яваны, и предатели – согдские князя – вместе охотятся за мной, и, пока они не уберутся отсюда, мне придется уйти туда, где не знают моего имени... Шагай, Серый, нам предстоит далекий путь...

1931

Речи «за» и «против» Александра

Свадьба Александра с Роксаной состоялась в Мараканде. Осуществив этим браком воплощение своей идеи «союза Европы и Азии», Александр на празднествах и пиршествах, следовавших одно за другим, теперь занимал трон, где обычно сидел Дарий, и ему, как Дарию, персидские сановники целовали ногу.

Роксана спросила Александра:

– Почему тебе не кланяются до земли твои македонцы? Сколько македонцев и сколько народов Азии? Разве все македонцы избранники богов? Только ты – единственный сын бога. Если они не станут тебе поклоняться, то один из них захочет захватить твое место.

Первым Гепестион, за ним остальные приближенные македонцы и греки стали падать ниц перед Александром по персидскому способу и обычаям.

Однако небольшая группа лиц из числа сверстников и товарищей Александра держалась по-прежнему. Среди них был племянник Аристотеля – оратор, философ и историк Каллисфен. Александр видел это, иногда хмурился, но не показывал гнева, хотя доносчики и провокаторы сообщали ему о новом якобы готовящемся против него заговоре, в котором участвовал Каллисфен.

Однажды за очередным обильным ужином присутствовавшие приближенные наперебой превозносили «божественного» Александра. Роксана, плохо понимавшая греческий язык, почти не принимала участия в разговоре. Александр, захмелевший, одобрительно всех выслушивал и сам произносил хвастливые речи о своих прошлых и будущих победах и подвигах.

Льстец Перитакена обратил внимание Александра на молчание Каллисфена, выглядевшее как вызов и неодобрение среди общего хора похвал Александру. Перитакена предложил Каллисфену произнести речь в честь Александра, надеясь, что Каллисфен откажется и тем докажет отсутствие своей преданности базилевсу.

Каллисфен, всегда державшийся гордо и независимо, нарядный, в выутюженном гиматии и надушенный египетскими духами, точно он был у себя в Афинах, поднялся с ложа, спокойно оправил кудри и произнес речь.

Это была яркая речь о великих достижениях и заслугах Александра, таких, о которых тот даже не подозревал. Он сказал о прогрессивном значении его блистательных побед; о том, что Александр стал посредником и примирителем между Западом и Востоком; о том, что он открыл целым народам пути, по которым до него проходили лишь немногие путешественники; о том, что его походы открыли для народов Запада новый мир идей великих культур Азии; о роковом влиянии его походов на будущую историю народов Азии и Европы. Каллисфен высоко оценил способности Александра как государственного деятеля и военачальника, его личное мужество и щедро разбрасываемые им благодеяния...

Переводчики посменно переводили речь Каллисфена Роксане. Александр слушал сперва с удивлением и недоверием, потом с пристальным вниманием и, когда Каллисфен закончил свою речь, хотел позвать к себе и наградить.

Но Перитакена, не показывая, что он посрамлен, предложил Каллисфену:

– Если ты истинный софист и мастер речи, то покажи нам, что ты можешь с таким же искусством сказать речь о недостатках походов Великого Александра...

– Да, – подхватил Александр. – Скажи такую речь! Я слышу отовсюду одни хвалебные слова. Я приму твою речь «против Александра» как образчик софистики, выслушаю с дружеским чувством и не рассержусь...

И Каллисфен произнес речь обратного смысла.

В ней он указал: отец Александра, царь македонский Филипп, был выше Александра, ибо это он создал сильную армию, объединил Македонию и Грецию, установил новые формы военного строя и этим подготовил и предопределил успех похода Александра на Восток; не Александру, а его непобедимой армии, его боевым товарищам грекам и македонцам, прошедшим полмира, принадлежит слава великих побед и завоевания Азии; как государственный деятель Александр ничего не создал, всюду нес только одно разрушение – он сжег Персеполь, разрушил старые культуры Тира и Сидона, уничтожил десятки городов, величайшие ценности науки и культуры побежденных народов; его «союз Европы и Азии» – это союз победителя и побежденного, раба и господина, союз, основанный на силе победителя и потому обреченный на разрушение вместе с его смертью; своей жестокостью Александр сравнялся с худшими тиранами. Любя на словах греков, он продал в рабство тридцать тысяч доблестных фиванцев и распял защитников Тира за то, что они защищали свою родину; он, всем обязанный эллинской культуре, должен был поднять ее еще выше, но вместо этого сам, не будучи эллином (здесь Александра передернуло), он стал изгонять греков и все греческое из своего войска, окружив себя раболепной побежденной персидской знатью и назначая персов на государственные должности; наконец, он надел персидские штаны и атласные туфли и потребовал, чтобы его боевые товарищи целовали ему ноги, как богу! Разве Ахиллес и другие герои древних греков из столь почитаемой им «Илиады» требовали этого? Разве они допустили бы такое падение образа героя?..

Цель провокатора Перитакены была достигнута – взбешенный Александр вскочил. Левую часть лица и плечо передергивало от гнева:

– Теперь я знаю твое истинное отношение ко мне! Наконец ты высказался со всей откровенностью; ты мой самый убежденный враг и достоин казни...

Каллисфен ответил:

– Как философ я согласен принять всякую казнь, но как один из почитателей и учеников лучезарного Феба прошу не лишать меня неба, звезд и солнца, не бросать меня в темный погреб. Лучше сразу казни.

– Я так и сделаю.

Каллисфена схватили, сорвали с него плащ и увели. Он держался с таким достоинством, что его уход превратился в торжественное прощание с прежними товарищами.

После этого события ужины у Александра стали скучными. Их не делали более радостными даже персидские певцы, жонглеры и танцовщицы, вызванные Роксаной из разных персидских провинций. Пресмыкание усилилось. Все говорили речи, наперебой восхваляя Александра как единственного сына бога, мудрейшего из мудрых, но никто не сказал такой глубокой, смелой речи, как речь «за» и «против» Каллисфена.

По приказу Александра Каллисфена посадили в клетку, где его поливал дождь и жгло солнце.

Александр ждал просьбы о помиловании. Некоторые просили Александра за Каллисфена, и тогда Александр спрашивал:

– А что говорит сам Каллисфен? Сам-то он просит пощады?

Ему ответили:

– Он просит одного: пусть ему дадут достаточно папирусных свитков, чтобы описать твои походы и все выдающееся, что он видел.

Однажды, через полгода после речи Каллисфена, Александр спросил Гефестиона:

– Что с Каллисфеном?

– Он обовшивел и умирает.

– И не просит прощения?

– Он ответил: «Я могу просить бога света и правды Феба, но не тирана...»

– Его упрямство заразительно. Он показывает плохой пример другим. Нужно сломить всех заговорщиков. От него идут главные нити сопротивления власти базилевса. Казнить его!

Героическая смерть Каллисфена

Александр приказал приготовить праздничное зрелище растерзания человека диким львом. На зрелище Александр пригласил скифских послов, с которыми договаривался вместе идти на Индию. Скифы были рады выведать новые дороги для набегов в будущем, вели переговоры и прибыли на зрелище.

Казнь должна была состояться внутри дворца бывшего сатрапа Мараканды и недолгого царя царей Бесса. Большой двор был окружен одноэтажными зданиями, где раньше жили жены Бесса, и перед каждой дверью, выходящей во двор, алели пышные кусты роз. В середине двора находился квадратный бассейн с золотыми рыбками.

На крышах зданий, окружающих двор, сидя на коврах, расположились самые знатные из приближенных Александра. С одной стороны двора – персы, а на другой стороне – македонские военачальники; многие воины тоже влезли на крыши.

Откуда-то доносилось хриплое, яростное рычание льва. Он был специально пойман в пустыне сетями и привезен для потехи.

Александр прибыл на зрелище, вернувшись из поездки в горы, где он хотел захватить отряд повстанцев, укрывшихся в крепости на вершине скалы. Взяв крепость, воины перебили всех ее защитников и занялись грабежом. Оставив своих солдат, Александр примчался в Мараканду с небольшой свитой.

Рабы вымыли его тело, умастили душистым розовым маслом и завили кудри. Это задержало зрелище.

Трубы и флейты возвестили прибытие базилевса. Все встали и с громкими криками «Тубихас!» («Ты победишь!») пали ниц. Только воины продолжали выпрямившись стоять позади лежавших, и длинные копья густой щетиной резко вырисовывались на уже покрасневшем к вечеру небе.

Когда Александр, в голубом хитоне и розовых шелковых шароварах, войдя решительной походкой, занял приготовленное место на золотом троне, раскрылись ворота, ведущие во двор.

На двухколесной повозке со скрипучими колесами выше роста человека, запряженной мулами, украшенными красными кистями, была поставлена железная клетка. Никто не узнал бы теперь Каллисфена. Голый, он сидел сжавшись, и его длинные, раньше всегда завитые кудри теперь обратились в спутанную гриву.

Клетку открыли. Каллисфен вышел из нее, прижимая к груди свитки папируса. Он перевязал свитки красной тесьмой и положил их на землю.

Ему дали плащ. Он накинул его через плечо красивым жестом, оправил складки, освободил правую руку и спокойно ждал, пока слуги увезли повозку.

Когда мулы уехали и затихли их бубенчики, подошедший распорядитель-перс шепнул Каллисфену:

– Поклонись базилевсу.

Каллисфен поднял руку, точно защищаясь, и отвернулся.

Персидские воины с копьями и щитами в руках двумя шеренгами подошли к воротам и остановились. Перс-распорядитель распростерся ниц перед Александром и затем, стоя на коленях и кланяясь, воскликнул на ломаном греческом языке:

– Великий повелитель народов и его несравненная подруга жизни! Сейчас почтенные гости увидят, что ожидает самых знаменитых людей, если они замышляют злое против своих благодетелей!..

Затем персы торопливо удалились.

Рычание льва усиливалось – его нарочно старались раздражить, прижигая раскаленным железным прутом. Двадцать четыре раба-эфиопа в цепях стояли в ожидании около небольшой карагачевой двери, ведущей в подвал. У каждого раба было копьё с длинным листообразным, остро отточенным лезвием, равным половине копья.

– Отворяй! – крикнул перс – распорядитель зрелища.

Дверь подвала отворилась. Рабы отбежали и прижались за выступом стены. Из темного квадрата подземелья большими скачками выпрыгнул лев и замер, ошеломленный невиданным зрелищем. После темноты подвала его ослепило солнце. Привыкший к простору пустыни, лев с боязнью косился на непонятные ему постройки, и человек, одиноко стоявший посреди двора, еще не привлек его внимания. Лев бросился к бассейну, прыжками обогнул его и остановился.

Каллисфен величественным жестом откинул плащ и, повернувшись к уже заходящему солнцу, сказал:

– Тебе, величайший просветитель человека, лучезарный Феб, создавший свет и правду, свободный искатель истины и мудрости, обращаюсь с последним словом.

Человек – это единственное из земных существ, созданное с глазами, обращенными к небу, а не к земле. Он создал храмы, чтобы в них возносить тебе молитвы и хвалу.

Сейчас я ухожу из этого мира, где я всегда, как и мой учитель, великий Аристотель, призывал людей выше всего любить свободу, правду и точную истину. Всю жизнь я стремился проникнуть и разгадать тайну Вселенной.

Что может сделать свободному философу тиран, который требует себе поклонения, стараясь стать рядом с тобой, озаряющий своим светом Вселенную, лучезарный, всемогущий Феб!

Я рад, что могу послать тебе, вечный Феб, мой последний привет и сказать, что, даже плененный, даже запертый в клетку, я сохранял гордость свободного ученого, мыслителя, поэта.

Мои мысли, моя бессмертная душа сохранятся в моих записках, которые переживут казненного Каллисфена.

Сегодня закончатся мои записки, в которых я описал походы и подвиги Александра Великого, доблестного, достойного. И этот мой труд ни огонь, ни железо, ни всепожирающее время, даже гнев Зевса Олимпийца не будут в состоянии уничтожить.

Сегодня пришел день, который должен повернуть страницу моей судьбы, но мой дух сильнее и бессмертнее моего брэнного тела, и он улетит высоко за пределы небесных светил, куда не достигает воля и насилие мелких и великих тиранов. Моя слава переживет меня. Вот я лишен отечества, друзей и дома. У меня отнято все, что только можно отнять, но мои дарования со мной. Они служат мне отрадой, ими я живу. Тут кончается власть базилевса. Пусть безжалостный меч или дикий зверь пустыни прекратит мои дни – слава переживет меня...

Больше Каллисфену говорить не удалось. Александр, рассерженный речью философа, гневно взглянул на перса – распорядителя зрелища. Тот сверху крикнул черным рабам на дворе. Один из них ловко метнул копьё в льва и ранил его в заднюю лапу. В ярости лев замотал огромной головой, заросшей густой гривой, и сделал прыжок.

Вторым прыжком лев бросился на Каллисфена. Философ упал, сбитый тяжестью огромного зверя. Лев, раздавив страшной пастью светлую голову мыслителя, рвал его лапами и с рычанием глотал куски мяса.

Александр встал, лицо его было хмуро. Брови сдвинуты. Он сказал Гефестиону:

– Рукопись сохранить. Внимательно рассмотреть, что он писал.

– Я уже читал. Он описывал твои походы.

– Осуждал меня?

– Нет, базилевс. Он восхвалял тебя.

Александр на мгновение задумался.

– Прощать – это привилегия богов. Смерть Каллисфена – достаточная угроза моим врагам, а для потомства – пусть знают, что Александр приказал сохранить рукописи Каллисфена. Каллисфен был необычайный человек, не то что другие, безумные заговорщики. Он заслуживает бессмертия... Сам позаботься о рукописи и дай ее размножить.

Подошел перс-распорядитель и пал на колени:

– Величайший! Ты сейчас увидишь, как эти эфиопы убьют льва!..

Александр, недовольный, продолжал стоять.

– Пусть убивают. Лев тоже заслужил смерть за то, что убил великого мыслителя.

Перс приказал эфиопам:

– Кончайте!

Эфиопы, прикрываясь узкими длинными щитами, приблизились с четырех сторон. Лев рычал, бил хвостом и продолжал терзать тело Каллисфена. Эфиопы одновременно метнули копья. Блестящие отточенные лезвия пронзили тело зверя. Лев вскочил и упал, попытался еще вскочить, но его крестец был перебит. Он рычал и полз на передних лапах, волоча туловище.

Эфиопы подбежали еще ближе и другими копьями добились царя пустыни.

Праздник кончился. Александр медленно удалился. За ним, блистая драгоценностями, следовала Роксана. Она улыбалась, ее глаза сверкали торжеством. Толпа лежала ниц, выражая преданность царю царей.

– Да, – сказал Гефестион, – сам Зевс Вседержитель постоянно забывает гнев, отбрасывает свои громы и молнии и позволяет сиять ясному небу.

* * *

Прошли тысячелетия. По-прежнему по бесконечным равнинам Азии мерной рысцой на лохматом бегунце или верблюде едет кочевник. Он направляет путь к серебряной звезде, танцующей над далекими холмами.

Его дикая песня в своих загадочных переливах говорит о неоконченной сказке, о прерванном сне, о слезах, смешанных с кровью, и о чудесных грезах начавшегося расцвета Азии.

Но теперь на вековых тропах можно встретить не только одни караваны стонущих верблюдов. Теперь видны новые путники, среди них – юноша и девушка. Они несут в груди горячее пламя неудержимого порыва к знанию и свободе. Путники взбираются по крутым склонам гор, веря, что достигнут вершины, где огни их сердец сольются в новое сияние, которое озарит далекие пределы Азии.

Над путниками с визгом проносится смеющийся ветер в погоне за далекими миражами розовых городов, вырастающих из мертвых желтых песков. Но ветер уже не может разогнать эти миражи.

Новые города Азии строятся. Они вырастают и тянутся к небу в кружевах стальных стропил, создавая новую, культурную жизнь свободных, возрожденных народов.

Седые горы (Сафэд-кох) – горный хребет к югу от долины Кабула в Афганистане.

До сих пор в этом ущелье путники вешали на ветвях деревьев лоскутки от своих одежд в честь «духа гор». Отсюда и название ущелья.

Разноцветные шнуры на поясе – признак жреца огнепоклонников.

В описываемое время Кабул – столица Афганистана – населением назывался Забул.

Атраван – ученый жрец огнепоклонников.

Дивы – злые духи бога зла Аримана.

Кифара – деревянный щипковый музыкальный инструмент с семью и более струнами.

Сюмбаллон – предмет с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга, например, по половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись.

Экзетазис – ведающий донесениями лазутчиков.

Афиняне были настроены враждебно к македонянам и неоднократно участвовали в открытых выступлениях против Александра.

Парменион – один из старейших военачальников Александра; находился с резервными войсками в Экбатане, важном узловом пункте, охраняя тыловые пути и связь Александра с родиной.

Карт-хадашт – богатый финикийский город Карфаген на северном берегу Африки.

В древности Африка называлась Ливией.

Стихи А. Шапиро.

Пелла – столица Македони.

Описанный Плутархом конь Буцефал сопровождал в походах Александра и погиб в Индии, где в его честь был основан город Буцефалия.

Хайретэ – греческое приветствие, буквально означает: «Радуйтесь!»

Седел и стремян в то время всадники не знали. Верховой конь покрывался подстилкой – чепраком, кожаным или из шкуры, перетянутым широким ремнем.

Гиматий – шерстяной плащ (накидка).

Эрот – бог любви, изображавшийся греками в виде мальчика с маленьким изогнутым луком и стрелами.

Пирей – гавань Афин.

Агора – площадь в Афинах, где происходили народные собрания.

Фокион – афинский оратор.

Парсанг – мера длины, немного больше пяти километров.

Финикияне называли себя «бени Анат» – «сыны Анат». Финикиянин – слово греческое, означает: человек с востока.

Аристотель преподавал философию и другие науки, прогуливаясь с учениками по аллеям сада Ликейя при храме Аполлона Ликейского близ Афин. Отсюда название учебного заведения – лицей.

Пан – в греческой мифологии божество, олицетворяющее природу.

В то время предполагали, что область нынешнего Афганистана, где стоял лагерь Александр, – часть Кавказа, и ее горы называли в отличие от Главного Кавказа Кавказом Индийским.

Гетейры (этэры) – товарищи; так назывались македонцы из знатных родов, товарищи и сверстники Александра, составлявшие особый отряд с лучшим вооружением.

Эфеб – юноша из аристократического семейства, дежурный для поручений. Из эфебов потом делались этэры.

Сугуда и Бактра – провинции Древней Персии. Греки называли их Согдианой и Бактрианой. Сугуда (Согдиана) занимала плодородные земли между верхним течением Сырдарьи на территории современных Узбекской и Таджикской ССР, имея своей столицей Мараканду; Бактра (Бактриана) располагалась южнее Сугуды, по левобережью Амударьи, между Гиндукушем и Паропамисом, на территории Афганистана, центром Бактры был Балх – родина Зороастра, основоположника религии огнепоклонников – зороастрийцев.

Мараканда – город, бывший на месте нынешнего Самарканда.

Окс, или Вахш, – древние названия реки Амударья.

Яваны, явана или явуна – так персы обычно называли греков.

Сугуды – согды, народ, живший в Сугуде.

Каллисфен – племянник Аристотеля, известный ученый, философ, отличавшийся свободомыслием и смелостью речей.

Сиринг – род флейты.

Колесо с крыльями – герб Древней Персии.

Гиркания – провинция, находившаяся на юго-восточном побережье Каспийского моря.

Гелиос – бог солнца.

После знаменитого сражения при Гавгамелах, в котором шестидесятитысячная армия Александра разбила полумиллионное войско персов, Александр отдал воинам всю захваченную добычу, а себе взял золотую шкатулку царя Дария, в которую он положил свою любимую рукопись – поэму Гомера «Илиада», и после всегда хранил эту шкатулку в своем изголовье.

Стихи А. Петрова.

Пиндар – знаменитый греческий лирический поэт.

Шофетами назывались два выборных правителя Карфагенской республики.

Кшатра – по-древнеперсидски – царь.

Папай – главный бог у скифов, олицетворение грома и молнии.

Эүгэ! Каллиста! (греч.) – Хорошо! Отлично!

К северу от Согдианы жили различные кочевые племена. Греки называли их скифами, но историк Страбон сообщает, что сами скифы не называли себя этим именем, означаящим человека скитающегося, скитальца, кочевника. Здесь описывается одно из крупнейших скифских племен – саки (или сакуки).

Слуги – скифы, дети рабов, бедняки, находившиеся на службе у богатого скотовода. Они присматривали за скотом и выполняли разные поручения хозяина. Слуги пользовались большими правами и свободой, чем рабы.

Тиграхауда – род скифов, живших за нынешней Сырдарьей, из большого народа тохаров.
(См. сноску 2 на стр. 338.)

Лучшие кони древней породы в Средней Азии – аргамаки – большей частью от рождения не имели гривы.

Массагеты – скифское племя, жившее в пределах нынешней Туркменской ССР в юго-восточном Приаралье.

Этот обычай развязывания верблюда до сих пор сохранился у некоторых кочевых народов Средней Азии.

Бузат – крепкий хмельной напиток, изготавливаемый из молока.

Большое племя дахов в древности обитало на Нижнем Яксарте (древнее название реки Сырдарьи).

Гепард, или охотничий леопард. У него кошачья голова и длинный хвост, но строение всего остального тела – как у собаки. В беге самое быстрое животное из всех млекопитающих. В странах Востока с древнейших времен приручался для охоты на коз и оленей. Встречается и в настоящее время в горах Средней Азии, но редко. В Персии гепарда звали чита или юспеленг.

Спитамен – древнеперсидское слово, которое означает: блистающий (храбростью, доблестью). Спита – искры. Буквально: спитамен – искрометный. Шеппе-Тэмен (по-турански) – Левша-Колючка.

Тохары – великий скифский народ, который через двести лет после событий, описанных в настоящей повести, вторгся в Восточную Бактрию и овладел ею.

Каждый род скифов имел свой особый боевой клич (уран), которым они сзывали друг друга и с которым бросались в битву.

Кандым – растение, обычно попадающееся в виде отдельных кустов в песках Туркестана.

Машуджи – род одного из племени амазонок, живших в древности в степях близ Оксианского (Аральского) моря.

Скифы всегда с собой носили в особом кожаном мешочке на поясе чашку, бронзовую или глиняную, а богатые – золотую.

Этот обычай сохранялся у среднеазиатских кочевников еще в прошлом столетии.

Джуг – гололедица зимой, когда скот не может из-под льда доставать себе подножный корм и гибнет от голода.

Сауран – саврасый, светло-рыжий конь с темной полосой по хребту, происходящий, по преданию кочевников, от дикого коня. Сауран отличался неутомимостью.

Железо ценилось дороже меди и бронзы.

Курешата (Кирополь) – укрепленный городок, был расположен на границе со степью в ряду согдианских крепостей, назначенных охранять Согдиану от набегов северных степных кочевников.

Сатрап – начальник провинции-сатрапии.

По описанию Геродота, к северу от земель, занятых скифами, «где сыплется с неба белый пух», жили меланхлены (черносвиты, носящие черные плащи) и другие племена. Раскопки показывают, что уже в древнейшие времена были торговые связи между всеми этими племенами.

Персидский царь Кир назывался в Персии Куруш. Его разбили скифы-массагеты, а их царица, отрезав ему голову, положила ее в мешок с кровью.

Афрасиаб – мифический вождь и герой среднеазиатских сказаний. Его именем до сих пор называются некоторые исторические памятники возле Самарканда.

Скифы пили кровь убитого ими врага, думая, что с кровью победителю передается сила убитого или раненого.

Стихи А. Шапиро.

Иерушалаим – так в древности называли город Иерусалим.

Коровья моча у огнепоклонников-согдов считалась священной, очищающей от грехов и исцеляющей болезни.

В описываемое время персы называли греков яванами или киликаса, потому что в Киликии жило много греков-ионян и с киликийцами персы имели большие торговые связи.

По обычаю скифов, их воины отрезали у врагов головы и привозили в свои кочевья, чтобы иметь право на участие в дележе военной добычи.

Название «берк» сохранилось до сих пор у кочевников для обозначения выносливой дорожной лошади.

Ховарезм, или Хорезм, – древнее название Хивы.

Десятский – начальник десяти воинов.

Торговый двор – рабат – по-арабски: укрепление. Такие дворы устраивались персами на больших путях в форме квадратного двора, окруженного высокими глухими стенами, с одними воротами, которые на ночь запирались. Позднее в Москве был такой рабат для восточных гостей, и это имя сохранилось в переделанном названии – Арбат.

У сильного человека – толстый нос, у сильной лошади – толстые губы.

Дариавауш – персидский царь, разбитый Александром Македонским. Имя его греками было переделано в Дарий.

Тиара – золотая шапка, которую в торжественных случаях надевали персидские цари.

Телеги у скифов были четырех – и шестиколесные. Шатры для быстроты перекочевки часто устраивались на телегах.

Асук – по-согдски: горный козел.

Агни – бог огня.

Заратустре приписывается создание древнейшей священной книги, называемой ныне «Зенд-Авеста».

Перевод Д. Цертелева.

Гантак-гад – злобный грабитель.

Хараива – Северный Афганистан.

Шесть планет – Луна, Венера, Меркурий, Юпитер, Марс, Сатурн.

Сус – по-согдски: лилия.

Стихи А. Шапиро.

В то время стеклянные зеркала не были известны, употреблялись шлифованные металлические зеркала, которые приходилось окунать в воду, прежде чем в них глядеться.

Дарик – персидская монета.

Башня молчания – место погребения, куда складывались тела умерших, чтобы их расклевали хищные птицы. Остатки таких башен еще сохранились в разных местах Ирана и Узбекской ССР (к северу от Ходжента, в Могульских горах).

Железный гвоздь – Полярная звезда.

Золотоносной рекой в древности называли реку Зарафшан.

Обычный рисунок на очагах огнепоклонников.

Виспайти – старшина деревни.

Авеста, или Зенд-Авеста, – так называлась древнейшая книга, написанная в Бактрии; книга эта составляла сборник различных религиозных поучений, описаний обрядов и суеверий. Фанатичные огнепоклонники называли себя «верными сынами Авесты».

Дрангиана – персидская провинция на территории нынешнего Афганистана.

Умочи – мелкие клецки, заправленные кислым молоком. Нон-у-ош – гороховая лапша с хлебом. Нарезанные и высушенные груши перемешиваются с очищенными грецкими орехами.

Омач – первобытного типа соха.

Серами в древности назывались китайцы: их торговые колонии были на месте так называемого Восточного Туркестана (Кашгара); у них шла оживленная торговля с Согдианой. Слово «серы» значит «шелковые люди». Китай иногда назывался «Серика».

В IV веке до н. э. в Средней Азии было много буддистов, бежавших из Индии, где их преследовали брахманисты. Буддисты выстроили большое количество монастырей и распространяли изображение Будды. Китайцы, жившие в Согдиане, могли ознакомиться с учением буддизма, но в самом Китае буддизм получил распространение значительно позднее, через несколько столетий.

В китайских хижинах устраивается длинная лежанка – кан – вдоль трех стен; из маленькой печки у входа дым проходит внутрь лежанки и уходит в трубу, поэтому на лежанке всегда тепло.

Китайцы в то время еще не знали употребления кисти и туши.

Китайский путешественник II века до н. э. Чжан Цянь называет Согдиану страной Кангюй.

Страна Небесного спокойствия – Китай.

Китайские летописцы неоднократно говорят о «небесных» лошадях с «кровавым потом». Что это означает, пока объяснения не найдено.

Китайское письмо для каждого понятия имеет отдельный знак (иероглиф). Поэтому китайскому летописцу показалось удивительным и хитрым, как можно изобразить только двадцатью пятью знаками, то есть буквами, всякие предметы и понятия.

Китайские иероглифы пишутся сверху вниз.

Город Фара – нынешнее иранское селение Акури, лежащее на полдороге между Семнуном и Давлетабадом, к югу от Каспийского моря.

Гирканское море – ныне Каспийское.

Задракарта – нынешний город Астрабад, на юго-восточном берегу Каспийского моря.

Раги – город на севере Ирана (Персии).

У Дария был отряд греческих наемников, составлявших его личную охрану.

Коран – правитель нескольких областей. Под властью Бесса находились сатрапии Бактрия и Согдиана.

Чарог – сухой стебель растения, обмазанный маслянистым тестом. Чарог горит медленно, как березовая лучина, и до сих пор употребляется в глухих горных селениях.

Сильфий – растение, любимая приправа к кушаньям в Древней Персии и Греции.

Демавенд – самая высокая гора Северной Персии, покрытая вечным снегом.

Гекатомпил (Город ста ворот) – главный город сатрапии Парфии; позднее город Тус.

В битве при Гавгамелах скифская конница разгромила обозы и лагерь греческого войска.

Намек на известную беседу с философом Диогеном, который на вопрос Александра «Чего бы ты от меня хотел?» ответил: «Посторонись и не загораживай мне солнце!»

Говорить о «козьей шерсти» означало говорить о маловажных делах.

Круг – двенадцать лет; обычное исчисление древних персов и скифов.

В Афинах был отряд скифов (государственных рабов), поддерживавший порядок.

Тереч – берегись.

Следов этого города не осталось.

Парменион был старым товарищем и другом отца Александра – царя Филиппа; участвовал во всех битвах и занимал высшую должность наблюдателя за правильной связью армии Александра с далекой Македонией. Под начальством Пармениона были все тыловые отряды.

Понт Эвксинский – ныне Черное море.

Перевал Хавак, через который караваны обычно направляются в Бадахшан.

Парачи – древнее племя, жившее к северу от Кабула.

По-видимому, следы этого города находятся близ селения Эндераб, лежащего у спуска с Хавакского перевала.

Такими красными и желтыми кирпичами и поныне усеяна равнина около Балха.

Такие плоты, так называемые гупсары, в недавнем прошлом все еще встречались в верховьях Амударьи.

Упомянутый летописцами Александра город Наутака, по мнению исследователей, был на месте городов Шахрисябза, Шара или Карши.

Гиппархия равнялась приблизительно современному полку.

Зынгыр – лен.

В Древней Персии был особый титул – друзей, гостеприимцев царя.

Белые бугры из гипса и соли существуют в этом месте и в настоящее время.

Такыр – ровная глинистая площадка в песках.

«Длинное ухо» – молва.

Артимпаса – скифская богиня плодородия и материнства.

Чач – древнее название крепости на месте нынешнего Ташкента.

Ванкат – нынешний город Ходжент на Сырдарье. Греческие историки называли этот город в честь базилевса – Александрия Дальняя.

В битвах при Гранике, Тарсе и Арбелах.

За армией македонцев шла следом свора многочисленных купцов, которые скупали у воинов награбленные вещи и отправляли в другие города для перепродажи.

Епископ (греч.) – надзиратель.

Мраморная голова «умирающего перса в башлыке» хранится до сих пор в музее Терм в Риме.